ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

С. Н. ПРОКОПОВИЧ

ОЧЕРКИ ХОЗЯЙСТВА СОВЕТСКОЙ РОССИИ

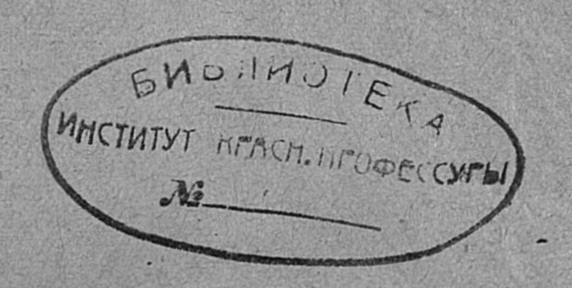
ОБЕЛИСК
1923

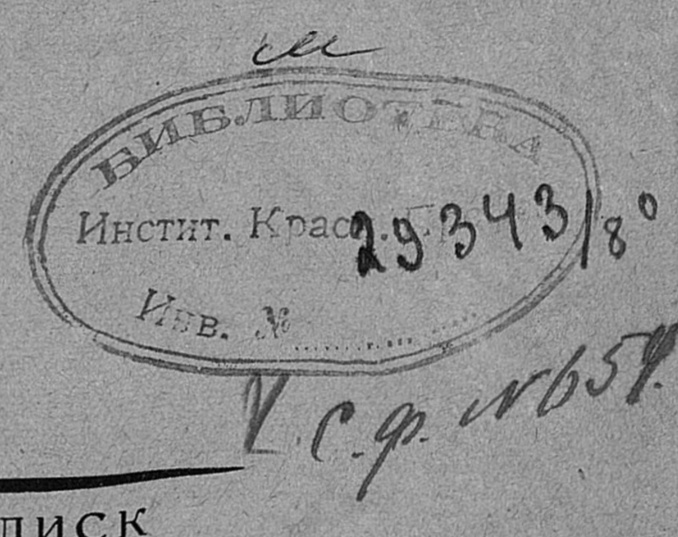

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОБЕЛИСК

Gedruckt bei D. Feilchenfeld A. G., Berlin.

С. Н. ПРОКОПОВИЧ

ОЧЕРКИ ХОЗЯЙСТВА СОВЕТСКОЙ РОССИИ

ОБЕЛИСК
БЕРЛИН
1923

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В моих очерках я стараюсь дать об'ективную характеристику эволюции народного хозяйства России при советской власти и пытаюсь установить причино-зависимости, определявшие направление этой эволюции. Я сделал эту работу в убеждении, что нам, русским, прежде всего нужно знать, в каком состоянии находится хозяйство нашей страны, как дошло оно до нынешнего состояния, какие причины определили его столь роковую деградацию. Моя задача состояла в том, чтобы дать строго-экономический анализ хозяйственных мероприятий власти за эти пять лет и их неизбежных последствий. Какие политические выводы отсюда следуют — это вопрос, которого я здесь не касаюсь.

Работа эта написана по советским источникам. За немногими исключениями вся литература Советской России носит официальный или официозный характер; советский строй отвергает свободу печати и свободу познания. Можно ли при таких условиях пользоваться подобного рода источниками для об'ективной характеристики и научного анализа русского народного хозяйства?

На этот вопрос я без всяких колебаний отвечаю положительно. Нужна только строгая критика источников, постоянное сопоставление данных. Большинство советской литературы по экономическим вопросам носит агитационный, демагогический характер. Эта литература проникнута свое-

образным «прагматизмом»: истина — это то, что выгодно мне или моей партии. Но в небогатой русской экономической литературе последних лет есть уже и серьезные издания, пытающиеся честно описать то, что есть. Сюда относятся прежде всего работы экономистов и статистиков, независимых от дисциплины господствующей партии, по старому понимающих веления научного анализа. К этой же категории следует причислить и некоторые работы коммунистического происхождения, особенно последнего времени, когда ухудшение экономического положения, а также крупные разногласия внутри партии заставляли хозяйствующих коммунистов вести горячую полемику по самым коренным и принципиальным вопросам. В пылу борьбы люди уже не так умело прикрывают истину, как в недрах канцелярий или агитационной литературе. Многое ценное выявляется наружу и становится ясным наблюдателю. Статистические цифры, публикуемые в советской прессе, большею частью верны; ложны лишь их истолкования, — часто совершенно безграмотные, легкомысленные и почти всегда — тенденциозные. Для меня эта критика материалов не представляла больших трудностей, так как я был выслан из России только 1 июня 1922 г., а до этого времени, в течение всех $4\frac{1}{2}$ лет, я имел возможность непосредственно наблюдать русскую экономическую жизнь и часто в таких незаметных деталях, которые бывают иногда особенно ценны для понимания переживаемого процесса.

Большее значение имеет другой недостаток советских материалов: их скудость. Советская пресса приносит нам сведения о русской экономике в случайном и часто беспорядочном виде. Многие сведения, особенно ценные, своевременно не собирались ни статистическими, ни административными учреждениями; таковы, например, сведения о движении насе-

ления, рождаемости, смертности, заболеваемости, о производительности и доходности национализированных фабрик и советских хозяйств, о величине народного дохода и проч. и проч. Другие сведения, хотя и имеются у самой власти, но не публикуются, считаются государственной тайной. Так, одно время скрывалось количество эмиттируемых бумажных денег; смета государственных доходов и расходов на январь-сентябрь 1922 г., утвержденная 6 июля Советом Народных Комиссаров, была опубликована только в самом конце 1922 года; о размерах золотого фонда ничего не публикуется.

Подобные пробелы в высшей степени досадны. Но с этим уже ничего не поделаешь. Всегда нужно иметь в виду, что мы знаем далеко не все, что происходит в России. Я буду глубоко признателен всем тем, кто предоставит в мое распоряжение материалы и факты, не освещенные в печати или вовсе не опубликованные.

Таков материал, послуживший основой для настоящей моей работы. В общем, он был достаточен, чтобы установить *основные черты* эволюции народного хозяйства России после октябрьского переворота. Я хотел бы, чтобы этот сухой анализ дал некоторый материал не только для ума холодных размышлений, но и для творческой работы общественной мысли в направлении здорового, государственного построения хозяйственного плана будущей России.

ГЛАВА I.

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

1. Рабочий контроль.

Национализация отдельных промышленных предприятий началась чуть не на следующий день после октябрьской революции. Первым шагом к национализации промышленности был выкинутый большевиками еще летом 1917 г. лозунг рабочего контроля. Первоначально в него вкладывалось весьма неопределенное содержание.

Было ясно, что контролю должны подвергаться действия фабриканта и фабричной администрации, что контроль должен практиковаться рабочими, организованным ими фабрично-заводским комитетом или контрольной комиссией; но в чем должен состоять этот контроль, — в одном лишь наблюдении за законностью и доброкачественностью действий заводского управления или же в некотором регулирующем вмешательстве в дела управления, — даже этот основной вопрос оставался без ответа. Повидимому, широкою популярностью пользовался взгляд на рабочий контроль, как на средство покончить с самодержавием на фабриках в области экономических отношений, — как революция покончила с самодержавием в области политики. Когда летом 1917 г. началось массовое закрытие промышленных предприятий, его главной задачей стало предотвращение этого закрытия, принятие мер по добыче топлива, сырья и т. д., которые могли бы предупредить остановку фабрик и увольнение рабочих.

После октябрьской революции, 14 ноября 1917 г., был издан декрет о введении рабочего контроля над производством, куплей, продажей продуктов и сырых материалов, хранением их, а также над финансовою стороной промышленных и торговых предприятий, имеющих наемных рабочих или раздающих работу на дом. Декрет этот узаконил вмешательство рабочих в дело управления промышленными предприятиями и устанавливал какую-то опеку рабочих над фабрикантами. При осуществлении контроля главное внимание обращалось на то, чтобы владелец предприятия не брал денег из его кассы. Декрет этот создал на фабриках и заводах двусмысленное, неустойчивое положение, которое не могло длиться долго, и быстро привело к захвату большинства промышленных предприятий рабочими. Таким образом, контроль оказался лишь переходною ступенью к экспроприации фабрик и заводов. Как правильно замечает Л. Крицман, рабочий контроль, как лозунг, «выражал и растущую силу пролетариата, и его недостаточную силу, т. е. еще непреодоленную слабость. Живой капиталист не соглашался управлять предприятием исключительно для того, чтобы рабочие научились у него искусству управления предприятием (такова была тайная цель рабочего контроля после ноябрьского переворота), а живые рабочие, исполненные пролетарской ненавистью к капиталу, не могли согласиться оставаться (добровольно) орудием извлечения барыша и, следовательно, предметом эксплоатации. Поэтому, несмотря на свою неподготовленность, пролетариат вынужден был перейти к рабочему управлению даже и там, где оно носило имя рабочего контроля» [1]. Конечно, практическое значение в этом захвате рабочими промышленных предприятий имела не «пролетарская ненависть», а открывшаяся возможность быстро и легко улучшить свое материальное положение. Та-

---

[1] Ю. Ларин и Л. Крицман. «Очерк хозяйственной жизни и организация народного хозяйства Советской России», 1920, стр. 115-6.

ким образом, — как замечает Н. Осинский, — « рабочий контроль был школой, подготовившей рабочее управление предприятиями. Он был первоначальной формой пролетарской диктатуры в разбросанных ячейках капиталистического хозяйства» [1]). Эта оригинальная форма обучения рабочих дорого обошлась промышленности: «Двоевластие капиталиста и рабочего, — говорит Н. Осинский, — либо вело к развалу дела, либо превращалось в единовластие рабочих при отсутствии у них признанных пролетарской властью полномочий и прав. Из этого положения рабочие стали выходить путем стихийных, снизу идущих и никем не узаконенных «национализаций». С другой стороны, рабочий контроль принял местный, локальный характер, ограничился пределами отдельных предприятий. И будучи по существу проявлением господства рабочих вообще, он привел к тому, что рабочие в массе случаев стали считать себя хозяевами данного предприятия. Развились не только «сепаратизм» и «синдикализм», но и просто — напросто мелкобуржуазные, собственнические взгляды на предприятия» [2]).

Понятно, что такие дезорганизующие последствия рабочего контроля не могли не вызвать протеста со стороны более сознательной части рабочих. В этом отношении в высшей степени показательна резолюция второй всероссийской конференции рабочих печатного дела. По мнению этой конференции, декрет о рабочем контроле «переносит центр тяжести регулирования (экономической жизни) на места, на отдельные фабрики и заводы. Такого рода опыт установления «рабочего контроля» неизбежно порождает в пролетарских массах анархо — синдикалистские иллюзии, приводя к прямому вмешательству рабочих в управление предприятиями и даже к захвату предприятий

---

[1]) «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата», 1919, стр. 87.

[2]) Н. Осинский. «Строительство социализма», 1918, стр. 36.

занятыми в них рабочими, делает невозможным государственное регулирование промышленности, так как интересы рабочих отдельных фабрик и заводов приходят в конфликт с интересами народного хозяйства в целом. Принятие же на себя органами рабочего контроля функций управления, развивая в рабочих заводский патриотизм, дух мещанского собственничества и конкурренции по отношению к рабочим других предприятий, подменяет общие интересы всего рабочего класса интересами отдельных групп рабочих, нарушая единство пролетарской борьбы, как экономической, так и политической . . . Поэтому, вторая всероссийская конференция рабочих печатного дела предлагает всем товарищам выяснить в широких массах весь вред распыления государственного регулирования, указывая, что «рабочий контроль», установленный декретом народных комиссаров, способен только усугубить дальнейшую разруху, подорвать возможность существования промышленных предприятий, распылить и ослабить классовое рабочее движение и увеличить массовую безработицу».[1]).

Это постановление и подобные ему были гласом вопиющего в пустыне.

Фабрики, с которых прогонялись фабриканты и фабричная администрация, переходили в управление фабрично-заводских комитетов и об'являлись национальным достоянием. По одному счету, к 15 мая 1918 г. число национализированных и секвестрованных предприятий достигло 304, по другому, к 1 июня 1918 г. — 521 [2]). Как докладывал председатель высшего совета народного хозяйства А. И. Рыков на первом с'езде советов народного хозяйства 26 мая — 4 июня

---

[1]) Эта резолюция приведена у А. Лозовского. «Рабочий контроль», 1918, стр. 77-79.

[2]) «Труды первого всероссийского с'езда советов народного хозяйства», 1918, стр. 52-53; В. Милютин. «Современное экономическое развитие России и диктатура пролетариата», 1918, стр. 84.

1918 г., «национализация производилась и за неисполнение правил о рабочем контроле, и потому, что убежал фабрикант или администрация, и просто за неисполнение постановлений советской власти и т. д. Первые месяцы после октябрьского переворота целиком проникнуты тем, что борьба непосредственная, баррикадная борьба между рабочим классом и буржуазией переносится на отдельные фабрики и заводы. Национализация предприятий часто имела не хозяйственное, а чисто карательное значение. Стремление закрывать фабрики и кризис промышленности, вызванный переходом власти в руки рабочих, был усугублен еще финансовым кризисом, который создал необычайно трудное положение даже для всех буржуазных кругов. Кризис оборотного капитала, связанный с падением стоимости рубля, неизбежно приводил к краху некоторых предприятий. Это создавало панику среди буржуазии. Они бросали свои предприятия, рабочие хотели во что бы то ни стало вести их при всяких условиях, и создавалась обстановка стихийной национализации. Я не верю тем цифрам, которые приводились о национализации предприятий. Цыфр указывалось несколько, и никто не знает, насколько верны эти цыфры. Кроме того, наряду с термином национализации у нас имеются и другие термины: «почти национализированы», «фактически национализированы», «до времени национализированы». Как принимать эти термины, никто не знает. И этот совершенно неоформленный метод перехождения отдельных предприятий в руки рабочих стал исчезать только в последнее время. Первые месяцы прошли в борьбе, в столкновениях на каждой фабрике, на каждом заводе между администрацией и рабочими. Национализация производилась независимо от вопросов снабжения, от хозяйственных соображений, а исходя исключительно из необходимости непосредственной борьбы с буржуазией, ибо фабрика и завод, это были последними баррикадами, на которых хотели окопать-

ся буржуазные классы» [1]). Примером, как производилась в большинстве случаев национализация, может служить судьба волжского флота. В мандате делегатов с Волги было определенно указано, что они будут добиваться повышения заработной платы на 240 %, причем будут пользоваться всеми способами воздействия, вплоть до национализации флота [2]). «Национализировав» фабрику или предприятие, рабочие распоряжались ею, как своим добром.

В органе всероссийского центрального совета профессиональных союзов мы находим следующую характерстику этого периода: «Рабочие стали хозяевами положения, фабрики и заводы были в их руках, но рассматривались ими, особенно в первый период пролетарской революции, без всякой связи со всем народным хозяйством, наоборот, формировалось представление о переданной в руки пролетариата промышленности, как о неосушимом море, из которого можно без ущерба выкачивать бесчисленное количество благ, как из имевшихся на лицо запасов, так и из выработки их собственнаго производства. На данной фабрике или заводе, рабочие часто распределяли эти блага между собою» [3]).

Таким образом, хозяевами национализированных фабрик становилось вовсе не государство, а рабочие этих фабрик. «Железнодорожники полагали, что железные дороги должны были быть как бы их собственностью и находиться в полном их владении, речники то же самое проводили в отношении речного флота, рабочие того или иного предприятия точно так же думали, что предприятие при национализации должно принадлежать им. Управление национализированными предприятиями, к сожалению, пошло вначале по этому пути. Центральные комитеты железно-дорожников, речников, за-

---

[1]) «Труды первого всероссийского с'езда советов народного хозяйства», стр. 92.

[2]) Там же, стр. 103, 145.

[3]) «Вестник Труда», 1920, № 3, стр. 91.

водские комитеты отдельных фабрик и заводов вступили в управление соответствующими предприятиями» [1]). Получилось осуществление на практике идей революционного синдикализма. Из рук фабрикантов и акционерных кампаний промышленные предприятия перешли во владение отдельных групп рабочих. Капиталистическая анархия была заменена анархией пролетарской.

Как замечает А. Лозовский, «уже с первых дней революции стало очевидно, что децентрализованный или, что одно и то-же, дезорганизованный рабочий контроль должен автоматически привести к дезорганизации и разложению промышленности» [2]).

2. Национализация промышленности.

Какой-то порядок и организацию в этот хаос нужно было внести. С этой целью и был создан единый регулирующий центр, высший совет народного хозяйства, который должен был руководить всей национализированной промышленностью по единому плану. Декрет об учреждении этого совета был опубликован 5 декабря 1917 г. По первоначальному заданию, на высший совет народного хозяйства возлагалась организация не только всего народного хозяйства, но и государственных финансов. Вскоре, однако, его задачи были сужены и свелись на практике к организации национализированной промышленности, которую высший совет должен был превратить в единый, планомерно работающий и сознательно управляемый из центра аппарат. В то же время высший совет народного хозяйства должен был довести до конца и самую национализацию промышленности. Уже первый с'езд советов народного хозяйства, заседавший 26 мая

---

[1]) «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата», статья В. Милютина, стр. 103-4.

[2]) «Народное Хозяйство», 1922, № 8, стр. 44.

— 4 июня 1918 г., принял следующее постановление: «В области организации производства необходимо завершение национализации, и от проведения национализации отдельных предприятий необходимо перейти к последовательной национализации отраслей промышленности и в одну из первых очередей — металлообрабатывающей и машино-строительной, химической, нефтяной и текстильной. Проведение национализации должно быть лишено случайного характера и может проводиться исключительно или высшим советом народного хозяйства или советом народных комиссаров по заключению высшего совета народного хозяйства.» В исполнение этого постановления 28 июня был издан так наз. декрет о всеобщей национализации, согласно которому об'явлены общественною собственностью все каменноугольные копи, рудные предприятия, резиновые и древесноцеллюлоидные фабрики и железнодорожные предприятия, а также все предприятия, имеющие крупный основной капитал (более 1—3 милл. рублей) в остальных отраслях промышленности. К 1 январю 1919 г. число национализированных предприятий достигло уже 830, к 1 январю 1920 г. — 3.394. В ноябре 1920 г. были об'явлены национализированными все промышленные предприятия, находящиеся во владении частных лиц или обществ, имеющие число рабочих свыше 5 при механическом двигателе или 10 без механического двигателя. Этим декретом была завершена национализация не только крупной, но и средней промышленности. К январю 1921 г. число национализированных предприятий достигло 5.834.

Любопытную характеристику всего этого процесса подхода к национализации промышленности мы находим в речи Ленина, произнесенной им на VIII с'езде коммунистической партии, в марте 1919 г., на котором вырабатывалась новая программа партии. Коснувшись вопроса о национализации промышленности, Ленин сказал следующее: «Сотни де-

кретов, тысячи постановлений совета народных комиссаров и практических мер органов советской власти — все они творили наш политический опыт в этой области. Центральному комитету (коммунистической партии) в сущности приходилось только под'итоживать. Он едва ли мог в таком вопросе руководить в подлинном значении этого слова. Достаточно припомнить, насколько беспомощны, стихийны и случайны были первые шаги, декреты и постановления о рабочем контроле над промышленностью. Нам казалось, что это легче всего. На практике это привело к тому, что была доказана необходимость строить, но мы совершенно не ответили на вопрос, как строить... Из этих трудностей мы далеко еще не вылезли и в настоящее время. Вначале мы смотрели на них совершенно абстрактно, как революционеры, которые проповедывали, но совершенно не знали, как взяться за дело. Конечно, масса людей обвиняла нас и до сих пор все социалисты и социал-демократы обвиняют за то, что мы взялись за это дело, не зная, как довести его до конца... Я считаю, что заслугой нашей было то, что мы с неимоверными трудностями взялись за решение вопроса, который до сих пор на половину был нам незнаком, что мы привлекли пролетарские массы к самостоятельной работе, что мы пришли к национализации промышленных предприятий. Мы помним, как в Смольном мы проводили зараз по 10 и 12 декретов. То было проявление нашей решимости и желания пробудить опыт и самодеятельность пролетарских масс. Теперь этот опыт у нас есть. Теперь мы от рабочего контроля перешли или подошли вплотную к рабочему управлению промышленностью. Теперь, вместо абсолютной беспомощности, у нас есть целый ряд указаний опыта, и поскольку это было возможно мы под'итожили его в нашей программе» [1]).

[1]) «VIII с'езд российской коммунистической партии 18—23 марта 1919 г.», стр. 16-17.

Как мы увидим ниже, критики коммунизма оказались правы. На коммунистических началах, как показал $3\frac{1}{2}$ — летний опыт советской власти, построить промышленность совершенно невозможно.

Основною задачею национализации промышленности было подведение экономического основания под политическую диктатуру пролетариата. Политическая диктатура рабочего класса не может существовать без соответствующего экономического базиса, — мощного развития крупной промышленности, дающей занятие большому числу рабочих и питающей производимыми ею материальными ценностями как рабочий класс, так и государство в целом. Промышленность эта должна была быть организована на коммунистических принципах, — этого требовала программа правящей коммунистической партии. Уничтожение частной собственности и частно-хозяйственной инициативы могло быть прочным в том лишь случае, если бы этот переход к общественной собственности и государственной организации народного хозяйства из одного управляющего центра сопровождался ростом производства и производительных сил.

Главными преимуществами такой организации промышленности являются, прежде всего, возможность концентрации всего производства на наилучше оборудованных в техническом отношении предприятиях и расположенных в наиболее удобных для каждой промышленности местах, с закрытием всех технически отсталых предприятий. Затем — возможность таких технических усовершенствований, которые были непосильны для частных предпринимателей.

Как говорит Г. Кржижановский, председатель Государственной общеплановой комиссии (Госплана), национализация земли и промышленности «создают широкий фундамент для новых форм государственного хозяйства с максимумом концентрации производственных средств, минимумом резервных фондов, при небывалой экономии в расходах производ-

ственных рессурсов. С развертыванием упорядоченных форм государственного хозяйства создаются небывалые условия для приложения к трудовым процессам завоеваний техники, и грубый эмпиризм хозяйственного администратора все более и более уступает место точному подсчету на основах научного исследования. Ограниченные силы частных интересов и движущее начало конкурренции, бессильное справиться с общей анархией капиталистического производства, сходят со сцены, замещаясь научным предвидением, последним выражением которого является общегосударственный план народного хозяйства. Практическая реализация такого плана означает замену медленного стихийного процесса преобразованием хозяйственных отношений сознательным творчеством.» В частности, положительными сторонами национализации, по мнению Кржижановского, являются следующие: 1) уничтожение перегородок между отдельными подразделениями экономики и между отдельными хозяйствами и вытекающая отсюда свобода комбинирования предприятий и целесообразного их распределения по стране на основах научно — технической рационализации; 2) сокращение накладных расходов, связанных с конкурренцией, многотипностью, колебаниями спроса; 3) стандартизация; 4) возможность повышенного уровня механизации, вследствие замены частнохозяйственного критерия при оценке выгодности того или другого вида машин подсчетом экономии трудовых расходов; 5) хозяйственные расчеты, в основе которых лежат не временные выгоды тех или иных деловых сделок, а учет результатов в более или менее длительный исторический период [1]).

Несмотря на категорический тон этого описания преимуществ планового хозяйства, и Кржижановскому не чужды некоторые сомнения. Так, в одном месте своей книжки он

[1]) Г. М. Кржижановский. «Хозяйственные проблемы Р. С. Ф. С. Р. и работы государственной общеплановой комиссии», вып. I, 1921, стр. 24, 4.

делает следующее замечание: «На наших глазах решаются важнейшие вопросы — достаточен ли тот социальный опыт, который находится за плечами у живущих поколений, чтобы сделать решительный шаг вперед и изменить самый темп поступательных движений миллионов трудящихся? Можно ли медленный полустихийный процесс капиталистических методов использования науки и техники заменить быстрым восходящим темпом работы по плану для строительства новой культуры, берущей у прошлого все лучшее и сметающей со своей дороги слепые стихии» [1])?

Очевидно, вопрос этот не так прост, как это кажется с первого взгляда. Для его решения нужно иметь не одну только голую идею планового хозяйства, а нечто гораздо большее: нужно *уметь* сделать плановое хозяйство более производительным, чем бесплановое капиталистическое. Ибо жизнеспособность различных форм экономической жизни определяется высотою развития в них производительных сил. В борьбе за существование побеждают более производительные формы хозяйства. Создать же плановое хозяйство, превосходящее по своей производительности капиталистический строй, далеко не так просто. Возможно даже, что плановое хозяйство станет выгодным только на известной ступени развития производительных сил, в настоящее время еще недостигнутой.

Мы уже имели опыты планового хозяйства. Ведь планомерная организация производства возможна и на капиталистических началах. К ея созданию стремится государственный капитализм, отдающий в руки государственной власти управление целыми отраслями народного хозяйства, например, железными дорогами или почтой. Другим примером могут служить тресты и синдикаты, также вносящие планомерность в организацию народного хозяйства. Их опыт пока

[1]) Там же, стр. 21.

зал, что в экономической жизни существуют моменты, мешающие ее рационализации. Они заслуживают самого серьезного внимания и изучения.

Та система хозяйства, которая была установлена в русской промышленности после ее национализации, представляет собою не только попытку создать планомерную организацию промышленности, но и попытку создать эту организацию на основе определенных коммунистических принципов и в определенной революционной обстановке. Поэтому, в России мы имеем не просто плановую организацию промышленности, а коммунистическую организацию этого планового хозяйства.

3. Падение производительности труда.

Результаты этого переустройства русской промышленности на коммунистических началах выражаются в следующих цифрах. По данным управляющего Центральным статистическим управлением П. И. Попова валовая производительность фабрично-заводской промышленности по ценам до-военного времени равнялась в миллионах золотых руб. [1]):

	Всего	В %
1912 г.	6 059,2	100
1920 »	835,8	13,8
1921 »	870,0	14,4
1922 г. около	969,5	16,0

Вместо блестящего развития, мы имеем в России катастрофическое падение промышленности. Но не является ли разрушение русской промышленности результатом главным образом мировой войны?

Я пытался уже в другой работе выяснить размеры влияния войны на русскую промышленность. Изучение вопроса привело меня к выводу, что в 1916—17 г. производительность

[1]) «На новых путях. Итоги новой экономической политики 1921—1922 г.», вып. III: «Промышленность», 1923, стр. 178.

русской промышленности составляла около 71 % ея до-военной производительности [1]).

Таким образом, под влиянием войны русская промышленность потеряла 29 % своей производительности, под влиянием революции, гражданской войны и переустройства на коммунистических началах — 57 %, т. е. вдвое более.

Это падение производительности промышленности вызвано двумя причинами: уменьшением числа занятых рабочих и понижением производительности их труда. Что касается числа рабочих, занятых в промышленности, то по некоторым данным, в начале 1922 г. оно составляло 46 % от их количества в 1918 г. [2]). Как в известном романе Бальзака, осуществление стремлений коммунистов приводило к постепенному «свертыванию» — не куска шагреневой кожи, а всей национализированной русской промышленности. Производительность труда рабочих сильно упала уже во время мировой войны. Так, в 1916—17 г. до начала революции производительность рабочего на каменноугольных копях Донецкого бассейна упала на 24 %, в южной металлургической промышленности — на 34 %. После февральской революции падение производительности продолжалось, после октябрьской революции и реорганизации промышленности на новых началах оно достигло крайней степени.

Уже в мае 1918 г. М. Томский, председатель всероссийского центрального совета профессиональных союзов писал: «падение производительности в настоящий момент дошло до той роковой черты, за которой (вернее, на которой) производству грозит полнейшее разложение и крах. Это положение характеризуется тем, что работник создает меньше ценности, чем получает, менее того, что ему необходимо для самого скудного существования. При таком положении работник-производитель превращается в пенсионера госу-

1) «Война и народное хозяйство», изд. 2-е, 1918, стр. 172-3.
2) «Экономическая Жизнь», 1922 г., № 226.

дарства, в паразита, живущего на чужой счет. Конечно, такое явление не может быть длительным и, если производительность не восстановится до нормального, при данных условиях, минимума, неизбежно последует общий хозяйственный кризис, разложение производства» [1]). На первом с'езде советов народного хозяйства этого вопроса коснулся А. Гастев: «По существу, мы сейчас имеем дело с громадным миллионным саботажем. Мне смешно, когда говорят о буржуазном саботаже, когда на испуганного буржуа указывают, как на саботажника. Мы имеем саботаж национальный, народный, пролетарский. Мы встречаем громадное противодействие со стороны рабочей массы, когда приступаем к нормированию» [2]). По мнению другого работника — профессионалиста, на наших фабриках в это время царила «эпидемия неосознанного саботажа» [3]). Рабочие только «числились» на фабриках или «посещали» фабрики, но почти в них не работали. Этот низкий уровень производительности труда, установившийся в 1918 г., держался или продолжал даже падать далее и в 1919, и в 1920 г. г.

Первою попыткою учесть производительность труда после октябрьской революции была работа В. Я. Железнова на Прохоровской мануфактуре в Москве. По собранным им данным, в одну и туже единицу времени действительной работы производительность труда рабочего равнялась в % его производительности до войны [4]):

1917—18 г.	56
1918—19 г.	56

[1]) «Профессиональный Вестник», 1918, № 7-8, стр. 7.

[2]) «Труды первого всероссийского с'езда советов народного хозяйства», стр. 380.

[3]) А. Гольцман. «Регулирование и натурализация заработной платы», 1918, стр. 76.

[4]) В. Железнов. «Опыт исследования производительности труда в крупной текстильной промышленности», в «трудах секции промышленности и товарообмена», т. I., стр. 10.

Как показывает оговорка, что цифры эти относятся к времени действительной работы, здесь не учтено влияние сокращения рабочего дня, а также влияние простоев и прогулов. До войны рабочий день заключал в себе в среднем около 10 ч., после революции — 8 ч., на 20 % менее. Что касается простоев и прогулов, то, по оффициальным данным, число фактически проработанных дней на 1 рабочего и процент неиспользованного рабочего времени равнялись по всей национализированной промышленности [1]):

		Прораб. дней	% неиспольз. времени
1920,	I треть	13,7	40,8
	II »	16,1	33,2
	III »	20,2	23,5
1922,	I »	17,6	25,3
	II »	13,2	45,9

При среднем числе 24, 6 рабочих дней в месяц на простои и прогулы теряется около $^1/_3$ рабочего времени. Если мы внесем эти две поправки в рассчеты В. Я. Железнова, то найдем, что в 1918—1919 г. г. производительность рабочего составляла только 30 % до-военной.

В ряду факторов, вызывающих понижение производительности наших фабрик, виднейшее место занимает недостаток сырья и топлива. Так именно обстоит дело в металлургической, текстильной и многих др. отраслях промышленности. В виду этого, особый интерес получает изучение производительности труда в таких отраслях, в которых нет недостатка ни в сырье, ни в топливе. Именно подобное исследование мы находим в работе В. Лазарева о производительности труда в угольной и торфяной промышленности центрального промышленного района в 1913—1919 г. г. [2]).

[1]) «Русская промышленность в 1921 году и ее перспективы», стр. LXXXVI.

[2]) «Народное Хозяйство», 1920, № 5-6, стр. 8-14.

По его данным, добыча торфа и угля на одного рабочего в сезон или полугодие изменялась в этом районе следующим образом:

	Доб. торфа	Доб. угля
1916	100	100
1917	72,9	65,7
1918	55,6	45,7
1919	52,3	34,3

Таким образом, в торфяной промышленности производительность труда упала только на половину, в угольной промышленности — на две трети. Более благоприятное положение дел в торфяной промышленности В. Лазарев приписывает применению машин, механизирующих процесс производства.

В Донецком бассейне средний рабочий добывал пудов каменного угля в месяц [1]):

В 1913—14 г.	756 пуд.	100 %
» 1920 г.	196 »	26 %
» 1921 г.	246 »	33 %

В спичечной промышленности рабочий вырабатывал в год ящиков спичек [2]):

1913 г.	187 ящ.	100 %
1914 »	207 »	111 %
1915 »	153 »	82 %
1917 »	152 »	81 %
1918 »	113 »	60 %
1919 »	85 »	45 %
1920 »	65 »	35 %
1921 »	75 »	40 %

По словам В. П. Милютина, в первой половине 1921 г. «наша производительность равна в общем итоге 30 % (от до-

[1]) «Народное хозяйство России за 1921 г.», стр. 79.
[2]) Там же, стр. 281.

военной производительности), в некоторых отраслях промышленности даже значительно ниже» [1]).

По свидетельству народного комиссара труда В. Шмидта, к концу 1920 г. «производительность труда не превышала даже в наилучших предприятиях 30 % до-военной». С переходом в конце 1921 г. к не-коммунистическим формам оплаты труда производительность отдельного рабочего достигла 60 % до-военной, но общая производительность значительно ниже, вследствие недостаточной нагрузки предприятий, достигающей только 30 % до-военной [2]).

Наконец, по данным С. Г. Струмилина [3]), валовая производительность фабричного рабочего изменялась следующим образом:

1913	2 372	100,0
1914	2 408	101,5
1915	2 985	125,8
1916	3 023	127,5
1917	2 023	85,5
1918	1 044	44,0
1919	(479)	20,2
1920	576	24,3
1921	702	29,6

По этим данным, в годы войны продукция против нормальной была повышена на 25-27 %; после февральской революции наступило резкое падение производительности, которая после октябрьской революции опять резко упала; минимума производительность достигла в 1919 г., всего 20 % нормальной, затем началось медленное улучшение, доведшее продукцию рабочего в 1921 г. до 30 % нормальной.

Серьезное сомнение в нас вызывает цифра производительности 1919 г. Мы думаем, она была выше, а отмеченный

---

[1]) В. П. Милютин. «Речь на IV с'езде советов народного хозяйства», стр. 3.
[2]) «Экономическая жизнь», 1922, № 252.
[3]) «Экономическая Жизнь», 1923, № 36.

г. Струмилиным рост производительности в 1920 г. не имел места.

Об изменении в производительности труда железнодорожных рабочих и служащих мы можем судить по соотношению месячного пробега грузов в миллионах пудоверст с числом рабочих на одну версту пути [1]):

	1913 г.	1921 г.
Месячн. пробег грузов	5,20	1,45
Служащих и рабочих	12,8	19,2

Отсюда следует, что в 1921 г. производительность труда на железных дорогах упала до 18,6 % до-военной производительности.

Суммируя все приведенные отрывочные данныя о производительности русской промышленности в 1921 г., мы получим следующую общую картину: число рабочих в ней упало до 46 % до-военного, производительность отдельного рабочего до 30—35 % до-военной, производительность всей промышленности — до 14,5 %.

4. Уничтожение стимулов к труду.

Какие же моменты привели русскую промышленность к этому упадку?

Первою причиною ея упадка является уничтожение стимулов к напряженному и квалифицированному, вообще высокопроизводительному труду. В капиталистическом обществе высота заработной платы рабочего определяется производительностью его труда. Неся ответственность за свою хозяйственную деятельность, рабочий лично заинтересован в производительности своего труда, в его хозяйственной ценности. Коммунистический принцип гласит: от каждого по его способностям, каждому по его потребностям. Следова-

[1]) «Народное хозяйство России за 1921 г.», стр. 128, 136.

тельно, в коммунистическом обществе не должно наблюдаться никакого количественного соответствия между заработком рабочего и его выработкой, между тем, что отдает рабочий обществу в форме труда, и тем, что от него получает в форме предметов потребления. Затем, в коммунистическом обществе все должны быть равны: рабочий не должен нести ответственности за малую производительность своего труда, следовательно, у него не может быть и личного стимула к напряженному и искусному труду. Таким образом, переустройство промышленности на коммунистических началах предполагает 1) уничтожение связи между заработком рабочего и производительностью его труда и 2) проведение принципа уравнительности в содержании рабочих [1]).

При капиталистическом строе общества трудовые отношения регулируются в частно-правовом порядке, путем свободного соглашения, высота заработка рабочего зависит в конечном счете от его выработки и, следовательно, заработок высоко квалифицированного рабочего, способного к интенсивному труду, может в любое количество раз превышать минимальный заработок чернорабочего. В русской промышленности после ее национализации трудовые отношения регулировались кодексом законов о труде 1918 г., провозгласившим труд публично-правовой обязанностью, дающей право на определенное материальное содержание. Была введена трудовая повинность и установлен общественно-трудовой паек для рабочих по принципу социального обеспечения, причем наивысшее содержание только в 1,75 раз пре-

---

[1]) С принципом уравнительности у коммунистов прекрасно уживается институт классового пайка, введенный в августе - сентябре 1918 г. в Москве и Петербурге, а затем распространившийся и на провинцию. При нем все городское население делилось на три категории: 1. Рабочие; 2. Члены их семей, советские служащие с семьями; и 3. Представители буржуазных классов. Когда продуктов много, третья категория получает меньше первых двух, в пропорции 4 : 3 : 2. Когда продуктов мало, она не получает ничего.

восходило самое низшее. Идея эта очень наглядно выражена одним коммунистом: «Всеобщее бесплатное обучение детей означает воспитание подрастающего поколения за счет государства. Независимо от величины заработка кормильца семьи и независимо от его забот — государство принимает на себя все расходы и заботы по обучению ребенка. Точно также мыслим мы себе и организацию потребления рабочих. Государство принимает на себя организацию потребления важнейших предметов независимо от величины бывшего денежного заработка потребителя, ибо предполагается, что в благоустроенной стране не надо угрожать работнику лишением пищи, одежды и т. п. за недостаточную производительность» [1]). Или, — как говорит Н. Бухарин, — «при системе пролетарской диктатуры рабочий получает общественно-трудовой паек, а не заработную плату» [2]). По словам Д. Рязанова, «нашим идеалом является уничтожение заработной платы, как формы оплаты труда, свойственной капиталистическому строю» [3]). Высоко-квалифицированный работник или работник с высокой интенсивностью труда при коммунистическом строе не имеет права на более высокую оплату его труда, чем чернорабочий или неспособный к интенсивному труду, не любящий напрягать свои силы ленивый рабочий. По словам Д. Рязанова, лозунгом коммунистов «является равномерное вознаграждение, уничтожение всех тех различий, которые были между чернорабочим и квалифицированным трудом» [4]).

Вот пример применения этих идей на практике.

VII всероссийский с'езд советов в декабре 1919 г. обратил

---

[1]) А. Гольцман. «Регулирование и натурализация заработной платы», 1918, стр. 47-8.

[2]) «Экономика переходного периода», 1920, стр. 135.

[3]) «Труды II с'езда советов народного хозяйства», 19—27 декабря 1918 г., стр. 172.

[4]) «Второй всероссийский с'езд профессиональных союзов 16—25 января 1919 г.», стр. 164.

внимание на «допускаемое неравномерное распределение продуктов между трудящимися» и постановил, что этому явлению должен быть положен конец путем введения единого рабочего пайка. Как жаловался потом А. И. Рыков на IX с'езде коммунистической партии в марте 1920 г., «народный комиссариат продовольствия выработал обязательную для всех инструкцию, чтобы никаких премий никому, нигде, ни при каких условиях не выдавать, все должно идти в порядке общегосударственной разверстки: работающий и не работающий, лентяй и лодырь наравне с трудящимися получают паек по общественной норме. Эта инструкция была утверждена коллегией народного комиссариата продовольствия. Я тогда же ответил на это принципиальным отказом и заявил, что эта инструкция в корне подрывает возможность восстановления хозяйства, производительности труда и т. д.» [1])

Такая постановка труда лишила рабочего заинтересованности в высокой выработке, а следовательно, и воли к интенсивному и высоко-квалифицированному труду. Труд утратил свой хозяйственный характер, ибо к нему стало невозможно приложение того хозяйственного расчета, который делал выгодным для рабочего напряженный труд.

Как мы указывали выше, по принятым в 1918 г. тарифным ставкам заработок наиболее квалифицированного рабочего относится к заработку чернорабочего как 175 : 100. Так как до 80 % заработка было натурализировано, и денежная плата составляла только 20 % заработка, то весь заработок рабочего высшей квалификации превышал по этому тарифу заработок чернорабочего лишь на 15 %. Не мудрено, что при такой системе оплаты труда часть рабочих, остававшаяся на фабриках, старалась равняться по худшему, наименее производительному, которого еще терпят на фабрике и ко-

[1]) «Девятый с'езд коммунистической партии 29 марта — 4 апреля 1920 г.», стр. 109.

торому выдают паек. Другая же часть, наиболее квалифицированные и энергичные, бежали с фабрик в деревню на сельское крестьянское хозяйство, в кустарную промышленность и мелкое ремесло.

Разложение рабочего класса под влиянием этой политики зашло так далеко, что в 1922 г. на XI с'езде коммунистической партии Ленин говорил о современных фабрично-заводских рабочих: «А разве у нас сейчас общественно-экономические условия таковы, что на фабрики и заводы идет настоящий пролетариат? Это неверно... Сплошь да рядом идущие на фабрики — это не пролетариат, а всяческий случайный элемент» [1]). Его поддержал Зиновьев: «рабочий класс, в силу перипетий нашей революции, деклассирован, ядро рабочего класса в этом смысле разрушено, рабочий класс разбрелся по городам и весям советской республики, часть осела в деревне, часть вынуждена искать пропитания в тяжелых условиях, меняя профессию чуть не каждый месяц» [2]).

Недостаток квалифицированных рабочих привел к трудовым мобилизациям, которые начали применяться к рабочим в 1920 г.

Принципиальная сторона вопроса о принудительном труде хорошо выяснена Л. Троцким в его докладе на третьем всероссийском с'езде профессиональных союзов: «Мы идем к труду общественно — нормированному на основе хозяйственного плана, обязательного для всей страны, т. е. принудительного для каждого работника. Это основа социализма... Труд принудительный означает труд, где каждый работник занимает определенное место, указанное ему областным, губернским или уездным хозяйственным органом. Регламентированный труд, применяемый не стихийным путем

---

[1]) «XI с'езд российской коммунистической партии», стр. 23

[2]) Там же, стр. 231.

купли и продажи, а на основе хозяйственного плана, который обнимает всю страну, охватывает весь рабочий класс. Это и есть понятие трудовой повинности, которое всегда входило в программу социалистов. Каждый работник нового общественного строя и в эпоху перехода к нему должен быть солдатом армии труда, который выполняет наряды той власти, которую он поставил. Говорят, что принудительный труд не производителен. Это означает, что все социалистическое хозяйство обречено на слом, ибо других путей к социализму, кроме властного распределения хозяйственным центром всей рабочей силы страны, размещения этой силы, соответственно потребностям общегосударственного хозяйственного плана, быть не может. А раз мы это признали, мы тем самым признаем в основе, не по форме, а в основе, право рабочего государства отправлять каждого работника и работницу на то место, где они нужны для исполнения хозяйственных задач. Тем самым, мы признаем право государства, рабочего государства, карать рабочего и работницу, которые отказываются исполнять наряд государства, которые не подчиняют свою волю воле рабочего класса и его хозяйственным задачам.» — «Милитаризация труда не есть выдумка отдельных политиков или рабоче-крестьянского правительства. Милитаризация труда в том основном смысле, какой я указал, является неизбежным основным методом организации рабочих сил, ее принудительной группировки в соответствии с потребностями строющегося социализма в переходную эпоху от царства капитала к коммунистическому государству. Если эта принудительно-организованная и распределяемая рабочая сила не производительна — ставьте на социализме крест. Все развитие общества может быть рассматриваемо, как организация труда во все новых и новых формах с целью повышения производительности труда. И если наша новая форма организации труда приведет к понижению производительности, то тем самым мы фатально идем к гибели, к падению, как

бы мы ни изворачивались и как бы ни напрягались в строительстве организации рабочего класса» [1]).

Были созданы специальные комиссии для борьбы с трудовым дезертирством и лагеря принудительных работ. Но труд по принуждению никогда не бывает производителен. Хозяйственная безрезультатность этих мобилизаций была скоро осознана властью, и с переходом к новой экономической политике постановлением всероссийского центрального исполнительного комитета от 3 марта 1922 г. применение трудовой повинности было фактически отменено.

По коммунистической концепции, личная заинтересованность в высоком заработке, а, следовательно, и в высокой выработке, ибо выработка определяет заработок, должна быть заменена трудовой дисциплиной, опирающейся «на чувство и сознание ответственности каждого работающего перед своим классом, на сознание того, что небрежность и расхлябанность есть преступление по отношению к общему делу всех рабочих» [2]).

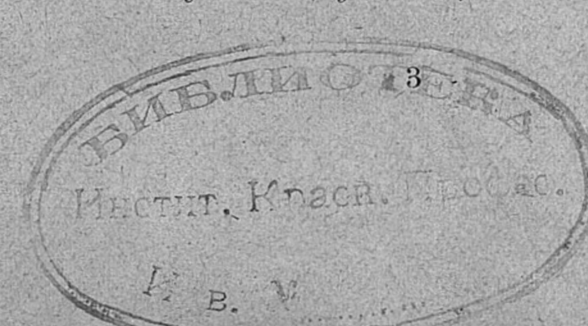
Опыт показал, что эта сознательная дисциплина отсутствует у рабочих масс.

Поэтому, в середине 1921 г. советская власть вынуждена была отказаться от своих попыток реорганизации отношений труда на коммунистических началах и вернуться к обычной системе заработной платы, величина которой зависит от величины выработки рабочего.

Это в высшей степени радикальное мероприятие прошло в прикрытой форме постановления совета труда и обороны от 18 июня 1921 г. о коллективном снабжении рабочих и служащих некоторых государственных предприятий. На этих

[1]) «Третий всероссийский с'езд профессиональных союзов 6—13 апреля 1920 г.»

[2]) Н. Бухарин и Е. Преображенский. «Азбука коммунизма», 1921 г., стр. 225.

предприятиях в виде опыта было отменено всякое личное снабжение по карточкам, спискам и т. д. работников и членов их семей; все снабжение их как предметами продовольствия и одежды, так и деньгами должно производиться исключительно в качестве заработной платы. Деньги и продукты, входящие в состав заработной платы, выдаются предприятию для распределения между работниками в соответствии с результатами его работы, т. е. полностью в том лишь случае, если предприятие выполнило 100 % его месячной производственной программы.

Этот частичный отказ от коммунистических принципов подействовал на промышленность в высшей степени плодотворно. В сборнике «Народное хозяйство России за 1921 г.» мы находим ряд конкретных указаний на это влияние. В каменноугольной промышленности Донецкого бассейна к концу года резко выявились результаты применения «таких форм расплаты с рабочими, которые заинтересовывают рабочих в результатах производства». Во второй половине года в Донецком бассейне «были применены новые методы оплаты, введена сдельщина, в заработную плату целиком включены продовольственные выдачи. Это явилось колоссальнейшим стимулом к более интенсивной работе, и в результате мы видим рост добычи, которого не предвидели ни правление каменноугольных предприятий Донецкого бассейна, ни, тем паче, центральные органы»[1]. В нефтяной промышленности дефекты в области снабжения, «а также уродливая система оплаты труда, убивавшая производительные стимулы, ликвидировали некоторое оживление промысловой жизни в первые месяцы 1921 г. и в Баку и, в особенности, в Грозном . . . И только начиная с октября, с новой экономической политикой, укрепившей материальную базу нефтяного хозяйства и воссоздавшей заинтересованность работника в результатах

[1]) «Народное хозяйство России за 1921 г.», стр. 14, 89.

его труда, положение изменяется к лучшему. Регресс сменяется под'емом, под знаком которого и заканчивается отчетный год.» В Баку, в деле стимулирования труда, «особенно крупное значение имело установление с октября 1921 г. новых тарифных ставок, со включением всех видов натурального довольствия в единую заработную плату» [1]). Вообще в промышленности «в развитии заработной платы в течение 1921 г. отмечается, несомненно, весьма характерный перелом. Предшествующий год прошел всецело под знаком строгого сдерживающего регламентирования заработка с установлением твердых и узких рамок минимума и максимума, стремления к возможно большему нивеллированию заработков отдельных категорий, проведения принципа государственного обеспечения работника независимо от квалификации и результатов его производственной работы. При все расширявшейся натурализации заработка, денежная часть его спускалась до 10—15 % в общей сумме совокупной заработной платы. Натуральная же часть заработка в виде пайков и тех или иных категорий усиленного общегражданского снабжения носила несомненно черты уравнительного обеспечения общего и одинакового для работников данной группы. Денежная же часть заработной платы по своей ничтожности не могла служить стимулом к повышению производительности даже в том случае, если она строилась по сдельной системе с ограниченными пределами.» Эта политика принесла печальные результаты: «старая исжитая система уравнительности во что бы то ни стало принесла горькие плоды в виде расшатывания живых стимулов к повышению производительности труда». С осени 1921 г. начинает проводиться новая политика в вопросе заработной платы, стремящаяся «связать фактический размер заработка с индивидуальной производительностью рабочего при полном от-

[1]) Там же, стр. 93, 99-100.

казе от «собезовского» (социального обеспечения) принципа вознаграждения за труд» [1]).

Окончательное признание частно-правовой принцип заработной платы получил в кодексе труда 1922 г. В пятую годовщину октябрьской революции народный комиссар труда В. Шмидт прочел следующую отходную коммунистическому методу оплаты труда: уравнительная оплата труда «привела к весьма существенной экономической несуразности: к превращению оплаты труда в социальное обеспечение, при котором терялся всякий материальный стимул к нормальной производительности труда» [2]).

5. Уничтожение хозяйственного расчета.

Второю причиною падения производительности было уничтожение хозяйственного характера управления национализированными предприятиями. Это разрушение частно-хозяйственного управления предприятиями было, по мнению коммунистов, условием организации народно-хозяйственного управления ими.

При капиталистическом строе каждое промышленное предприятие представляет собою телеологическое единство, во главе которого стоит хозяин, руководящий им на началах хозяйственного расчета, т. е. стремления к превышению результатов производства над его издержками и получению прибыли. Предприятия, дающие убыток, погибают, освобождая место другими, более совершенным в техническом и экономическом отношениях. С национализацией промышленности было уничтожено как единство руководящей хозяйственной воли, так и внутреннее единство издержек и результатов производства каждого предприятия, существующие при капиталистическом строе, подобно тому как та же

---

[1]) Там же, стр. 169, 174.
[2]) «Экономическая Жизнь», 1922, № 252.

национализация разрушила внутреннее единство между производительностью труда рабочего и его заработком. Было утрачено понимание того, что работа промышленных предприятий нужна обществу лишь до тех пор, пока она является экономически выгодной. Фабрики уподобились государственным учреждениям, работа которых нужна независимо от ее выгодности и должна быть произведена во всяком случае. Таким образом, была уничтожена вторая связка различных элементов материального производства, обусловливающая их хозяйственную природу. Фабрики утратили характер хозяйственных организаций. Это обстоятельство нашло свое внешнее выражение в бесхозяйственном, без ответственного хозяина и без учета издержек и выработки, ведении дел.

На национализированных предприятиях не было ответственного хозяина, следовательно, не было и хозяйственного начала в их работе. Как указывал председатель высшего совета народного хозяйства А. И. Рыков на третьем всероссийском с'езде профессиональных союзов в апреле 1920 г., «в области управления предприятиями первое ультимативное и безусловное требование заключается в том, чтобы было проведено единовластие. Я употребляю термин «единовластие», который включает в себя и коллективную и единоличную систему управления, ибо до сих пор наблюдается большое количество фабрично--заводских предпринятий, на которых имеются 4 или 5 хозяев, заводоуправление, заводской комитет, профессиональный союз, местный исполком, губернский исполком и т. д., и т. п. И каждая из этих нянек отдает распоряжения, вмешивается в производство, друг друга не слушается. Вместо организации хозяйства получается бесстыдная, ни на что не похожая анархия. Необходимо добиться единовластия в отношении к каждому фабрично-заводскому предприятию и к каждой отрасли промышленности. Только в таком случае мы сможем сделать ответственными тех лиц, которые сидят в заводоуправлениях или главных управлениях,

только тогда будет предоставлена возможность работать» [1]). Затем, управление должно быть способно управлять тем предприятием, которое ему поручено. В этом отношении в высшей степени пагубную роль сыграл взгляд рабочих масс на всю промышленную администрацию, как элемент чисто паразитический, по существу дела для производства ненужный и притом буржуазный. Присутствие инженера на заводе считалось соглашательством, коалицией с буржуазией, нарушением принципа диктатуры пролетариата. «Вопрос, — писал А. Кактынь в конце 1918 г., — нами определенно решен в политике; не может быть, следовательно, другого решения и в экономике, поскольку первая является лишь надстройкой ко второй. Итак, нам надо беспощадно довершить чистку всех решающих органов экономической власти от участия в них наших классовых врагов, не оставляя их в этих органах ни под каким видом, ни по каким соображениям» [2]). Первое время, под влиянием этой принципиальной постановки вопроса, во главе промышленных предприятий ставились революционные эфемериды из эмигрантов, старых партийных работников, журналистов и т. п. лиц, в деле ничего не понимавших и создававших только «многолюдное безлюдье». Характеризуя промышленное строительство того времени на первом с'езде советов народнаго хозяйства в мае 1918 г., А. Гастев, известный деятель профессионального движения, говорил, что «мы на этой разрухе построили богему. Сперва портной будет поставлен во главе громадного металлургического завода, затем художник будет поставлен во главе текстильного производства . . . При таком аппарате думать, что мы можем что-нибудь сделать, национализировать, — могут только люди богемы, а не люди, которые занимаются государственными задачами . . . Довольно, пора пре-

---

[1]) «Третий всероссийский с'езд профессиональных союзов 6—13 апреля 1920 г.», стр. 86.

[2]) Сборник журнала «Народное Хозяйство», кн. I, 1918, стр. 19.

кратить эту богему, пора окончить этот бесконечный митинг, необходимо, наконец, приступить к реальной работе» [1]).

Затем появились проекты полной передачи управления всем делом в руки самих рабочих на началах круговой поруки. Один из подобных проектов был оглашен уже на первом с'езде советов народного хозяйства со следующей мотивировкой: «Если буржуазия прежде ставила в отдельных предприятиях своих агентов, то совершенно понятно, что пролетариат не может иметь теперь там других лиц, кроме тех, которые работают на производстве. Необходимо, чтобы на местах существовало правление, сорганизованное самими рабочими. Только при этих условияхи может получиться известный опыт, если рабочие на данном заводе все ответственны за работу . . . Нужно, чтобы лица, которые работают в производстве, все целиком несли ответственность за свою работу и чувствовали, что они являются руководящими лицами» [2]). Поэтому, уже в 1918 г. руководящим верхам коммунистической партии пришлось выступить с защитой специалистов. Л. Троцкий уже в марте 1918 г. указывал в одной из своих речей, что « как и в мертвые машины, так и в этих техников, инженеров, врачей, учителей, вчерашних бывших офицеров, в них вложен известный наш народный национальный капитал, который мы обязаны эксплоатировать, использовать, если мы хотим вообще разрешить основные задачи, которые стоят перед нами» [3]). Несколько позже в этом же смысле высказался А. И. Рыков [4]), а затем и Ленин [5]). Соответствующее партийное постановление было вынесено однако

[1]) «Труды первого всероссийского с'езда советов народного хозяйства», стр. 71-73.

[2]) Там же, стр. 344.

[3]) Л. Троцкий. «Труд, дисциплина, порядок спасут социалистическую советскую республику», 1918, стр. 15.

[4]) «Пленум высшего совета народного хозяйства, 14—23 сентября 1918», стр. 130—1.

[5]) «Труды II всероссийского с'езда советов народного хозяйства, 19—27 декабря 1918 г.», стр. 130.

лишь на IX с'езде партии, в апреле 1920 г. Редактировано оно в следующих решительных выражениях: «Одной из задач производственной и общеполитической агитации с'езд считает выяснение широким рабочим массам грандиозного характера стоящих перед страной хозяйственных задач, важности технического образования, административного и научно-технического опыта, и вменяет в обязанность всем членам партии вести непримиримую борьбу с невежественным самомнением, считающим, будто рабочий класс может разрешить свои задачи без использования на самых ответственных постах специалистов буржуазной школы. Тем демагогическим элементам, которые играют на такого рода предрассудках отсталой части рабочих, не может быть места в рядах партии научного социализма.»

Тот же IX с'езд коммунистической партии высказался также за максимальное сокращение управляющих коллегий и постепенное введение единоличного управления, предполагающего подбор компетентных лиц и обеспечивающего максимум деловитости и ответственности. В ноябре 1920 г. коллегиальная система управления сохранилась приблизительно в 12 % всего числа национализированных предприятий [1]).

Таким образом, в 1920 г. в национализированных промышленных предприятиях был, наконец, создан более или менее приемлемый административно-технический аппарат. Но личный состав руководителей национализированной промышленности по прежнему был в высокой степени неудовлетворителен. Летом 1922 г. была произведена анкета в одной из центральных губерний о промышленной годности директоров фабрик и членов правлений трестов [2]). Анкета захватила 159 лиц и дала следующие результаты. По своему образовательному цензу эти ответственные руководители промышленности дают следующие группы:

---

[1]) «Народное хозяйство» 1920 г., ноябрь, стр. 12.
[2]) «Экономическая Жизнь», 1922, № 268.

С высшим образованием	21	чел.	или	13 %
» средним	38	»	»	24 %
» низшим	100	»	»	63 %

По своей прежней деятельности они распадаются на следующие группы:

Бывш. завед. фабриками	37
Бывш. владельцев	16
Инженеров	6
Техников	8
Механиков	4
Конторских служащих	30
Рабочих	48
Крестьян	8

По мнению автора анкеты, только первая и, быть может, вторая группа более или менее удовлетворяют профессионально-техническим требованиям, которые должны быть пред'явлены к руководителям промышленных предприятий. Стаж всех остальных групп сомнителен.

С этими ответственными руководителями промышленных предприятий дело обстоит так плохо, что Ленин в марте 1922 г. готов был даже приветствовать надвигавшийся финансовый кризис: «Если он будет не слишком тяжел, он может быть даже полезным, он почистит коммунистов из всяких государственных трестов. Только надо будет не забыть этого сделать. Финансовый кризис перетряхивает учреждения и предприятия и негодные из них лопаются прежде всего. Надо будет только не забыть, чтобы не свалили все это на то, что виноваты спецы, а что ответственные коммунисты очень хороши, боролись на фронтах и всегда хороцю работали. Так что, если финансовый кризис не будет непомерно тяжел, то из него можно будет извлечь пользу и почистить не так, как чистит центральный комитет коммунистической партии или центральный проверочный комитет, а прочистить,

как следует всех ответственных коммунистов в хозяйственных учреждениях» [1]).

Работе этого слабого руководящего персонала в высшей степени мешало следующее обстоятельство.

Как мы указывали уже выше, хозяйственная организация промышленности предполагает проведение принципа хозяйственного расчета, выражающегося в том, что сумма произведенных предприятием ценностей должна количественно превысить его издержки.

Этот принцип совершенно не применялся на национализированных фабриках в 1918—1920 г. г. На них не велось никакого учета ни себестоимости продукта, ни выгодности или убыточности производства. Внешним выражением этой бесхозяйственности был сметный порядок финансирования национализированной промышленности, введенный по постановлению второго всероссийского с'езда советов народного хозяйства в декабре 1918 г.

Закрывая первый всероссийский с'езд советов народного хозяйства, А. И. Рыков напутствовал его членов следующими словами: «Итак, самая решительная политика в сторону дальнейшего развития диктатуры пролетариата, в сторону уничтожения частно-торговой, частно-промышленной инициативы во всех областях хозяйственной, торговой и промышленной жизни» [2])! Сметный порядок, несомненно, самым успешным образом убивает всякую хозяйственную инициативу.

Та же бесхозяйственность установилась и в отношениях предприятий между собою: между ними не производилось расчетов за отпускаемые и принимаемые сырые материалы и изделия. Высший совет народного хозяйства снабжал каждую

---

[1]) «XI с'езд российской коммунистической партии», Киев, 1922, стр. 26.

[2]) «Труды первого с'езда советов народного хозяйства, 26 мая—4 июня 1918 г.», стр. 300.

фабрику машинами, сырьем, топливом, деньгами или продуктами для рабочих и брал ее изделия, совершенно не заботясь о ценностном соответствии отдаваемого на фабрику и получаемого с нея. При этом часто наблюдалось отсутствие согласованности в работе различных органов снабжения. Одна фабрика получала все в достаточном количестве, кроме топлива, другой недоставало только денег, третьей — сырья и т. д., такой порядок снабжения приводил к полной дезорганизации производства. Ведь высота производительности фабрики зависит от того элемента, который находится в минимуме.

Лишь наказом совета народных комиссаров от 11 августа 1921 г. о проведении в жизнь начал новой экономической политики было установлено, что национализированные предприятия должны вестись на началах точного хозяйственного расчета, т. е. так, чтобы все затраты на предприятие строго учитывались и окупались, и в результате работы предприятий получалось увеличение количества материальных благ, находящихся в распоряжении государства.

Можно сомневаться, однако, чтобы чиновники высшего совета народного хозяйства, — ответственность которых за неудачное ведение дела ограничивается одной отставкой, — были такими же удачными организаторами работы промышленных предприятий, как капиталисты-собственники, платившиеся за свои ошибки потерею имущества и разорением. Государственные предприятия, как показывает прошлый опыт, всегда управлялись хуже частных.

6. Единый производственный план.

Третьей причиной упадка национализированной промышленности были некоторые своеобразные особенности установленного в стране планового хозяйства. Сущность этой системы заключалась в уничтожении хозяйственного расчета на всей территории национализированной промышленно-

сти и в управлении всей промышленностью по выработанному производственному и распределительному плану из единого управящего центра.

Хозяйство страны превращено было в одно огромное предприятие, управляемое правительственною властью. У жителей страны с так организованным народным хозяйством не существует личной хозяйственной заинтересованности, ее место заступает служебная дисциплина. Все на службе у государства и получают от него средства к существованию в порядке государственного распределения продуктов. Таким образом, правительственная власть управляет всем производством и распределением материальных благ.

Это центральное управление промышленностью может быть организовано самым различным образом. Возьмем, например, керосиновый трест, который захватил бы в свои руки снабжение керосином целой страны или даже всего мира. В нем, несомненно, был бы выработан единый план производства и снабжения. Была бы учтена себестоимость керосина, в которую вошла бы оплата сырья, топлива, труда, организационно-накладных расходов, амортизации капитала, расходов по перевозкам, обложения налогами. Была бы установлена отпускная цена керосина, с одной стороны — учитывающая покупательную способность населения и обеспечивающая сбыт всему количеству произведенного керосина, не больше и не меньше; с другой стороны — покрывающая издержки производства и приносящая прибыль, чтобы в следующем производственном периоде можно было не только воспроизвести все производство, но и расширить и углубить его, с помощью вновь накопленного капитала. Таким образом, весь производственный и распределительный план треста построен был бы на учете хозяйственной ценности продукта и на хозяйственном же расчете, обеспечивающем выгодность дела и возможность его дальнейшего существования. Не только весь трест в целом, но и каждая отдельная

контора была бы организована на началах хозяйственного расчета.

Совсем иной характер носил единый производственный план в Советской России. В нем не было ни учета себестоимости продуктов, ни калькуляции их цены на началах хозяйственного расчета, — вообще, в этом плане не было ничего хозяйственного. Коммунизм, как показал опыт Советской России, есть прежде всего отрицание всякой хозяйственности. Поэтому, и выработанный им план носил материально-технический характер, но отнюдь не хозяйственный.

Даже в материально-техническом отношении принятый план был настолько неудовлетворителен, что в первый год национализации промышленность была занята исключительно обработкой полученных от старого режима полуфабрикатов; к их производству было приступлено только на второй год, а к добыче сырых материалов — на третий. Бывший председатель высшего совета народного хозяйства А. И. Рыков на 8-м с'езде советов в декабре 1920 г. характеризовал положение промышленности следующими словами: «Дело заключается в том, что после октябрьского переворота мы сначала жили в значительной степени на то готовое, что получили от буржуазии. После этого мы стали полуфабрикаты перерабатывать в готовое и, наконец, уже в дальнейшем мы стали сами добывать сырье. Такой процесс определил полное истощение ресурсов Республики . . . нашего товарного фонда. Поэтому, предстоящие годы в жизни Советской Республики должны показать, могут ли рабочие и крестьяне не только проживать то, что они получили, но и сами сделать все то, что для них нужно» [1]).

Яркую характеристику производственных программ первой половины 1921 г., — следовательно, за 4-й год существо-

[1]) «Восьмой всероссийский с'езд советов», стр. 94.

вания высшего совета народного хозяйства, — дает Кржижановский, председатель государственной общеплановой комиссии: «Присмотревшись к программам, — говорит он, — вы видите, что при составлении их безмолвно предполагается, что государственная власть является какой - то чудодейственной силой для удовлетворения потребностей страны в любых пропорциях. Искусственные разрывы в границах того или другого производства, отрыв дела снабжения от производственных органов, многочисленность опекающих инстанций, все это в последнем счете придавало производственным программам характер безответственных проектов, составленных, быть может, и с добрыми намерениями, но, с хозяйственной точки зрения, висящих в воздухе. Суммирование производственных возможностей и лишь формальная их увязка с основными ресурсами, затрачиваемыми на производство, — к таким операциям сводилось составление так называемых производственных программ. Стремление получить возможно большее количество продуктов без учета того, какой ценой дается их выработка и экономично ли при этом расходуются наши ограниченные ресурсы, приводило к пуску в работу несоразмерно большого количества предприятий, распыленности производства, крайне низкой экономичности работы фабрик и заводов». Промышленная секция государственной общеплановой комиссии следующим образом характеризует состояние нашей национализированной промышленности в середине 1921 г.:

1. Полнейшее истощение материальных ресурсов, в виде сырья, полуфабрикатов, вспомогательных материалов в важнейших отраслях промышленности (металлической, текстильной, кожевенной, сахарной и др.).

2. Распыленность производства между большим числом слабо работающих предприятий.

3. Перебои в работе отдельных предприятий, вследствие недостаточного снабжения топливом и материалами.

4. Перегруженность отдельных предприятий и отраслей промышленности рабочей силой при относительном уменьшении числа квалифицированных рабочих.

5. Громадное падение средней выработки на рабочего и единицу оборудования.

6. Отсутствие отчетности и хозяйственности в ведении дела [1]).

Иногда суть дела гораздо нагляднее выражается в деталях, чем в общих характеристиках. Приведем несколько частных случаев, характеризующих наше плановое хозяйство. Во второй половине 1920 г. произошло расширение производства национализированной промышленности. По словам цитированного много раз обзора народного хозяйства России за 1921 г., это расширение производства уже «через 3-4 месяца исчерпало топливные и продовольственные ресурсы, и к концу года стало явно обнаруживаться несоответствие темпа расширения производства с размерами основных производственных факторов. К этим об'ективным условиям нужно присоединить факты неумения хозяйственных органов составить план народного хозяйства, в котором были бы соразмерены производственные программы с производственными средствами и было бы произведено надлежащее согласование различных отраслей народного хозяйства друг с другом и с потребностями населения. Эти об'ективные и суб'ективные факты предопределили тот острый топливный, продовольственный, траспортный и промышленный кризис, который 1920 г. оставил в наследство 1921 г.» [2]). В другом месте того же обзора указывается, что в 1920 г. топливный режим страны претерпевал «судорожные и катастрофические метания от дутого благополучия к стихийному замиранию».

---

[1]) Г. Кржижановский. «Хозяйственная проблема Р. С. Ф. С. Р. и работы государственной общеплановой комиссии (Госплана)», вып. I, 1921, стр. 64-65.

[2]) «Народное хозяйство России за 1921 г.», стр. 1.

В 1921 г. дело обстояло несколько лучше, и топливная политика этого года характеризуется лишь как страдающая «неумелой и недальновидной системой расходования имеющихся ресурсов, неправильной и поспешной оценкой положения и несвоевременностью тех или иных мер, просчетами и ошибками в составлении планов и проч.» [1]). Не менее печально было положение дел в распределении рабочей силы. В 1920 г. и первую четверть 1921 г. «спрос на рабочую силу не находился в соответствии с другими элементами производства. Этим об'ясняется такое явление, когда на 100 предложений труда приходилось несколько сот мест, а когда в действительности путем мобилизации и колоссальных усилий эту рабочую силу доставляли, она оказывалась часто ненужной в виду невозможности ее использовать (мобилизация 3-х возрастов и друг.)». По мобилизации трех возрастов, родившихся в 1886-1888 г.г. и проведенной по 37 губерниям, на работу было отправлено 131 000 чел., а по поверочному сбору военно-обязанных — 90 000 чел. «Огромное количество рабочих, полученное по этим двум мобилизациям, не было использовано, во-первых, вследствие отсутствия жилищ и продовольствия у некоторых хозяйственных организаций, которые требовали эту рабочую силу, и, во-вторых, вследствие наступившего в 1921 г. кризиса, с'узившего об'ем нашего народного хозяйства». Еще хуже прошла доставка рабочих на каменноугольные копи Донецкого бассейна. В ноябре-декабре 1920 г. из Донецкого бассейна было пред'явлено требование на отправку туда 36 000 чел. Отправлено было через органы комиссариата труда только до 13 000 чел., «и несмотря на это, уже в начале января Донецкий бассейн чувствовал невозможность, главным образом, по жилищным условиям (которые раньше можно было предвидеть), поместить всех прибывших рабочих. В самых тяжелых усло-

[1]) Там же, стр. 120.

виях приходилось поднятых со своих мест, иногда с членами семейств, и ликвидировавших свои хозяйства возвращать из Донецкого бассейна. По имеющимся точным данным регистрации возвращено было свыше 7 тыс. человек, а сколько помимо регистрации было возвращено — учесть трудно, в виду того, что большая часть двинулась помимо органов труда искать работы и приюта». В другом месте обзора мы находим следующее сообщение: «начатая с осени вербовка 25 тыс. рабочих уже в декабре, а частью и в ноябре оказалась чрезмерной и пришлось навербованных рабочих отправлять обратно при крайне тяжелых условиях, вызвавших огромную смертность среди них» [1]).

Такая плановая организация, несомненно, во много раз хуже капиталистической анархии производства.

Хозяйственной организации планового производства сильно мешало отсутствие при советском строе устойчивого мерила ценности. В течение всего периода неограниченного господства коммунистических идей советские финансисты совершенно не экономили в государственных расходах, печатали бумажные деньги без всяких ограничений и радовались катастрофическому падению курса рубля. Само собою разумеется, что при непрерывно и быстро падающей единице ценности хозяйственная оценка, учет себестоимости и цены и хозяйственный расчет, сопоставление издержек производства с его результатами, являются делом совершенно невозможным.

Как сравнивать при падающей в своей ценности денежной единице издержки производства с его результатами, если издержки были произведены за 3-4 месяца до получения результатов? Как суммировать издержки, произведенные в течение года, если за этот период времени деньги обесценивались в 10-15 раз? Хозяйственные органы беспомощно барахтались в этом хаосе ценностных соотношений. Поэтому,

[1]) Там же, стр. 91, 154-5, 156, 158.

втечение всего этого периода производство в области промышленности было лишено хозяйственной организации. Производство велось не потому, что оно давало народному хозяйству больше, чем у него брало, т. е. было выгодно, а потому лишь, что была фабрика, были рабочие, которые хотели или могли на ней работать и в руководящем центре было признано, что изделия этой фабрики нужны.

Таким образом, отсутствие устойчивого мерила ценности, делая невозможным хозяйственный учет и расчет в производстве, открыло возможность того убыточного с народно-хозяйственной точки зрения управления национализированной промышленностью, которое превратило ее в паразита, живущего чужими соками.

Для ортодоксальных марксистов истинным мерилом ценности являются не деньги, а труд. Можно было ожидать, что, захватив политическую и экономическую власть в свои руки, они тотчас же введут новую единицу ценности. Эти ожидания не оправдались. Практическое осуществление этой основной марксистской идеи хотя бы в области национализированной промышленности хотя и было поставлено на очередь уже осенью 1919 г., но почему-то все затягивалось, и лишь в начале 1921 г. сделана была попытка ее реализации. «Утрата бумажным рублем значения устойчивого мерила ценности, препятствующая организации валютного учета государственного хозяйства, побудила советское правительство предпринять опыт создания новой валютной единицы, специально для целей учета, что и было сделано постановлением малого совета народных комиссаров от 26 января 1921 г., возложившим эту задачу на народный комиссариат финансов. Выработанные комиссариатом финансов на основании сего проекты декрета и положения [1]) заменяют денежную единицу, как

[1]) Они опубликованы в издании института экономических исследований при комиссариате финансов «Денежное обращение и кредит в России и заграницей», т. I, 1914-1921 г. г., стр. 414-422.

счетную единицу в государственном хозяйстве, новой валютной (ценностной) единицей — трудовой. За единицу трудового учета принимается один нормальный день простого труда при нормальной его напряженности для данного рода работы («тред»). Целью такого основанного на трудовой единице учета является обеспечение регулирующих хозяйственных органов наиболее точной и вполне сравнимой отчетностью, по которой можно было бы судить о рациональности хозяйственной организации и производительности труда во всех государственных учреждениях и предприятиях... Осуществление этой реформы не только сделает возможным действительный учет, но и заложит фундамент, на котором единственно возможно планомерное построение и регулирование социалистического хозяйства» [1].

Был даже назначен срок, — 15 апреля 1921 г., — когда все предварительные работы должны были быть закончены и этот переход на новый трудовой масштаб ценности должен был состояться. Оказалось, однако, что даже диктатура коммунистической партии бессильна сделать трудовую ценность фактом экономической жизни. Невязка между этою идеею и экономической действительностью оказалась настолько велика, что советская власть вынуждена была отказаться от введения трудового мерила ценности.

Суть дела в том, что затрата труда на производство какой-либо вещи совершенно не может быть мерилом ее хозяйственной ценности. Единица меры всегда должна быть однородна с измеряемою величиною, — длину мы измеряем единицею протяженности, аршином или метром, время — единицею времени и т. д. Поэтому, и мерило хозяйственной ценности должно представить собою хозяйственную ценность определенной величины.

---

[1]) «Социальная революция и финансы», стр. 50-51.

Между тем, это свойство некоторых вещей глубоко отлично от других, материальных или об'ективных их свойств. Протяженность, вес и друг. физические свойства принадлежат самим вещам, напротив, ценность вещи зависит от соответствия ее об'ективных свойств потребностям человека, от нужды человека в ней, им осознанной. Свойство это принадлежит вещам только в психике имеющего с ними дело человека, вещи сами по себе не могут иметь ценности, они ценны для кого-нибудь. Ценность приписываемая им человеком, есть результат его оценки. Поэтому, всякая ценность носит суб'ективный характер и представляет собою не физическое, а общественно - психологическое понятие и свойство.

Отсюда следует, что и мерило ценности должно представлять собою некоторую хозяйственную ценность, т. е. материальную полезность, служащую для удовлетворения потребностей человека. Именно таков характер денег. Напротив, затрата труда не является непосредственною хозяйственною ценностью. Ею обладают лишь продукты труда, а сам труд ценится лишь постольку, поскольку ценны его продукты. В труде нет прямого отношения к потребностям человека. В мире экономических явлений эта об'ективная, лишенная общественно-психологических моментов природа труда сказывается в том, что оценка предмета по произведенной на него трудовой затрате совершенно игнорирует момент потребности в этом предмете, его полезности, момент спроса на него. Поэтому, мерить хозяйственные ценности трудовыми затратами — занятие столь же бесплодное, как и измерение длины предметов фунтами, а их веса — единицами времени.

Другим недостатком трудовой затраты, как мерила ценности, является невозможность сведения разных степеней квалифицированности труда к основной единице, простому труду. Проблема эта представляет такие трудности, которые не мог преодолеть ни Ад. Смит, ни Рикардо, ни Маркс. Прав-

да, решение этой проблемы было предложено, — но какое решение!

В начале 1921 г. Х. Керве предложил следующее простое разрешение этой задачи. По его мнению, «экономическая разница между простым трудом и трудом квалифицированным выражается в разнице того количества ценностей, которое необходимо для восстановления затраченной рабочей силы рабочих одной и другой квалификации в одно и то же время. Так как количество ценностей, необходимых для восстановления рабочей силы рабочего, определяется заработной платой, то и отношения между разного рода квалификациями суть отношения тарифных ставок» [1]. Это оригинальное решение было воспринято и валютной подкомиссией междуведомственного совещания, работавшего при народном комиссариате финансов. Она также положила в основу измерения степени квалифицированности труда шкалу тарифов по оплате трудящихся [2]. Подобная постановка вопроса приводит между прочим к следующему неожиданному результату. В капиталистической Европе труд высококвалифицированного рабочего оплачивается приблизительно в 8-10 раз выше труда чернорабочего. В Советской России, как мы видели выше, это отношение равняется 1,15 : 1,0. Возникает вопрос: какие же тарифные ставки выражают действительную меру квалифицированности труда, — капиталистические или советские?

Советской власти пришлось поневоле возвратиться к обычному денежному мерилу ценности. Уже четвертый всероссийский с'езд советов народного хозяйства в мае 1921 г. совершенно резонно признал, что «правильность учета, как народного хозяйства в целом, так и отдельных его элементов, не достигается одним лишь количественным учетом, а может быть достигнута только при наличии твердой единицы изме-

---

[1]) «Народное Хозяйство», 1921, кн. 1-2, стр. 56-57.

[2]) Денежное обращение и кредит, т. I, стр. 402-3, 410, 418.

рения, т. е. путем валютного учета», и постановил поэтому «считать необходимым принятие со стороны соответствующих хозяйственных органов срочных мер по установлению твердой единицы ценностного измерения.» Точно также и народный комиссариат финансов признал, что новый бюджет (на 1922 г.) «не может . . . строиться без какой-либо валютной оценки стоимости входящих в него материальных ценностей . . . Учет ценностей должен быть непременно валютным. Без этого условия не мыслится составление какого бы то ни было бюджета» [1]).

IX с'езд советов, состоявшийся в декабре 1921 г., признал по докладу народного коммиссара финансов Н. Крестинского, что устойчивая денежная валюта «абсолютно необходима, как для торгового оборота в мелком хозяйстве, так и для проведения хозяйственных расчетов в государственных предприятиях.»

Постановление это г. Крестинский комментирует следующим образом: «С'езд констатировал, что не только развитие обмена между пролетарским государством и мелкими городскими и деревенскими производителями, но и правильная коммерческая постановка крупной государственной промышленности невозможны без стабилизации курса наших бумажных денег на основе восстановления золотого обеспечения и впоследствии золотого обращения» [2]).

Но пока рубль не стабилизирован, до тех пор единственным мало-мальски пригодным мерилом ценности может служить лишь товарный рубль, некоторый общетоварный индекс.

Таким образом, осуществленная коммунистами плановая организация народного хозяйства свелась к его построению по материально-техническому плану. Была сделана грандиозная попытка вытравить хозяйственные моменты из процесса производства и распределения материальных благ. Хозяй-

---

1) «Социальная революция и финансы», 1921, стр. 114, 116.

2) Н. Крестинский. «Финансы и бюджет», 1922, стр. 31.

ственный учет и расчет, регулирующий этот процесс при свободе частно-хозяйственной инициативы и частной собственности, был заменен распоряжениями советских органов, имевшими принудительную силу.

7. Растрата капитала промышленности.

Наконец, четвертою причиною упадка национализированной промышленности является накопленный результат действия первых трех причин, превратившийся сам в свою очередь в самостоятельную причину, содействующую дальнейшему разрушению промышленности. Мы имеем в виду расхищение капитала русской промышленности.

Все эти годы национализованная промышленность работала за счет скрытого растрачивания основного и оборотного ее капитала. Производство всегда предполагает затрату сырого материала, топлива, снашивание машин, расходы на оплату труда рабочих. Чтобы капиталы промышленности не расходовались, все эти затраты должны быть ей возмещены. Чем ниже падала производительность труда, тем больше становился приносимый промышленностью дефицит, тем больше рос дефицит по государственному бюджету и тем труднее было советской власти возмещать промышленности эти затраты.

Как происходило это растрачивание капиталов промышленности, можно видеть на примере железнодорожного хозяйства. В 1921 г. потребность железных дорог в шпалах, рельсах, металлах и т. д. удовлетворена была в следующих размерах [1]):

	Потребн.	Удовлетв.	В %
Шпалы—миллионы штук . .	19	6,4	34
Рельсы—версты	3 150	328	10
Инструменты—тыс. штук . .	7 129	2 528	35
Черные металлы—тыс. пуд. .	14 861	4 758	32
Цветные металлы—тыс. пуд. .	774	262	34

[1]) «Народное хозяйство России за 1921 г.», стр. 124-5, 131-2.

По другим данным, потребность железных дорог в материалах и изделиях удовлетворялась в последние годы в следующих размерах [1]):

	потребн.	удовлетв.	в %
1920 г.	20 956 000 п.	6 979 000 п.	33
1921 г.	22 580 750 п.	8 801 200 п.	39
1922 г.	20 056 000 п.	5 640 900 п.	28

Таким образом, техническое состояние железных дорог ухудшается с каждым годом. Благодаря недостаточному снабжению их шпалами, в 1922 г. возраст лежащих в пути сосновых пропитанных и непропитанных шпал, а также дубовых, приближался к предельному сроку службы, другие же сорта этот срок превзошли.

Национализированные железные дороги из года в год отдают государству больше, чем от него получают. В результате, они беднеют все более и более, их техническое оборудование падает все ниже и ниже. «Экономическая Жизнь» правильно говорит: «Не имея возможности нести необходимые производительные расходы по возстановлению изношенных частей, транспорт существовал как бы за счет своего основного капитала .. . Сравнительно незначительные доходы, благодаря невозможности проведения в жизнь полной оплаты услуг транспорта, с одной стороны, а с другой — те незначительные подкрепления, которые транспорт получал из общегосударственного бюджета, ставили его в очень тяжелое финансовое положение. Отсюда неизбежна была жизнь за счет основного капитала, за счет его изнашивания и уменьшения, за счет того, что поневоле оставался неотремонтированным подвижной состав, не сменялись шпалы, не производились необходимые и неотложные работы по возобновлению тех или иных изношенных частей и т. п.» [2]).

---

[1]) И. Фомин, «Пятилетие советского транспорта 1917-1922 г.г. и его ближайшие перспективы», 1923 г., стр. 34-5.

[2]) «Экономическая Жизнь», 1922, № 237.

Аналогичные процессы растраты сырья и топлива, отсутствия необходимого ремонта машин и инструментов имеют место и в обрабатывающей промышленности. В текстильной, например, промышленности ремонт машин давно уже производится путем «раздевания» других машин, с которых снимаются части для их ремонта [1]). Причина — та же: государство слишком много берет у промышленности и слишком мало ей дает.

Итак, в основу созданной ими организации национализированной промышленности коммунисты положили следующие начала:

1. Уничтожение количественного соответствия между производительностью труда рабочего и получаемым им от государства в порядке социального обеспечения содержанием.

2. Уничтожение как единства, так и хозяйственного расчета в управлении отдельными фабриками и заводами, выражающегося в том, что сумма производимых предприятием хозяйственных ценностей должна превышать его издержки.

3. Введение единого производственного плана чисто материального характера, без учета себестоимости продуктов и калькуляции их цены на началах хозяйственного расчета.

Коммунизм, как показал опыт Советской России, есть прежде всего отрицание всякой хозяйственности.

Систематическое вытравливание в течении трех лет из процесса производства и распределения материальных благ всех организующих хозяйственных моментов привело национализированную промышленость к хозяйственному разложению и упадку. Чем больше хозяйственности в организации материальной стороны жизни той или другой страны, тем быстрее и выше растут ее производительные силы. Ком-

---

[1]) «Народное Хозяйство», 1920, ноябрь, стр. 54.

мунисты, следуя своей программе, провели в национализированной промышленности полное уничтожение хозяйственного учета и расчета. Основанную на личном интересе и расчете хозяйственную энергию всей массы занятого в промышленности населения они заменили материально-техническими распоряжениями правящего центра. Уничтожение хозяйственных начал в организации материального производства, его хозяйственная деформация очень быстро принесли свои плоды: они привели к падению производительных сил промышленности, ее техническому упадку и деградации.

Об'ясняя причины этого результата хозяйствования коммунистов, Троцкий говорил на XI с'езде коммунистической партии в марте 1922 г.: «Мы начали в хозяйственной политике крутым и непримиримым разрывом с буржуазным прошлым. Раньше был рынок — упраздняется, свободная торговля — упраздняется, конкуренция — упраздняется, калькуляция коммерческая — упраздняется. Что вместо этого? Централистический верховный священный высший совет народного хозяйства, который все распределяет, все организует, обо всем заботится: куда машины, куда сырье, куда готовые продукты, — он из единого центра через свои ответственные органы решает, все распределяет. Мы на этом плане осеклись. Почему? Потому что оказались недостаточно подготовленными, или, как формулировал тов. Ленин, в силу нашего низкого культурного уровня» [1]).

Из этих слов следует, что если бы в распоряжении коммунистов был лучший, более квалифицированный и более культурный человеческий материал, коммунистические принципы привели бы национализированную промышленность к расцвету, а не к разложению и гибели.

Мы решительно возражаем против такого об'яснения. Вся история разложения и упадка национализированной промыш-

---

[1]) «XI с'езд российской коммунистической партии», стр. 147-8.

ленности в течение трех лет коммунистической политики показывает, что разрушительное влияние оказывали не неопытность и ошибки в применении коммунистических принципов, — о которых так любят теперь говорить лидеры коммунистической партии, — а природа этих принципов, то систематическое отрицание хозяйственности и хозяйственного расчета, которым эти принципы проникнуты. Именно поэтому их применение привело к хозяйственной деформации промышленности, за которым фатально последовал упадок и разрушение ее производительных сил.

И если коммунисты могли произвести такое глубокое разрушение русской промышленности, то только благодаря малой хозяйственной культурности широких слоев русской демократии, воспитавшейся на полу-натуральном укладе русской жизни.

ГЛАВА II.

ОТНОШЕНИЕ К КРЕСТЬЯНСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ

1. Ликвидация крупного землевладения.

Как и в области промышленности, первые мероприятия советской власти после октябрьской революции в области сельского хозяйства были лишены определенного коммунистического характера.

Уже в 2 ч. ночи на 26 октября 1917 года был принят декрет о земле, уничтожавший помещичье землевладение. По этому декрету помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа: помещичьи имения, равно как и земли удельные, монастырские, церковные со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями, переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов. Земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются.

В деле ликвидации помещичьего землевладения вся масса русского крестьянства была, повидимому, вполне единодушна. В печати не было отмечено случаев защиты крестьянами крупного землевладения.

Ликвидация старых земельных отношений была общекрестьянским делом, об'единившим малоземельного бедняка с зажиточным крестьянином.

Но конфискованную помещичью землю нужно было как-то устроить, передать в руки новых владельцев и организо-

вать на ней хозяйство. При разрешении этой задачи сразу же сказались противоречия экономических интересов в крестьянской среде.

Мы можем различить следующие четыре основные группы претендентов на конфискованные земли:

1. малоземельных крестьян с плохим инвентарем и плохим хозяйством;
2. среднее крестьянство, исправных хозяев, обладающих хорошим инвентарем;
3. зажиточных, многоземельных и многопосевных крестьян; и
4. живших на заработках в городе, на фабриках, в отхожих и кустарных промыслах выходцев из крестьянской среды, после октябрьской революции потянувшихся обратно в деревню.

В первые месяцы после октябрьского переворота в деревне преобладало влияние крепкого, хозяйственного крестьянства.

Поэтому, при первоначальном делении помещичьей земли и имущества, широко попользовались помещичьим добром не только средние, но и зажиточные крестьяне.

Однако, уже и в это время идея уравнительного раздела земель была очень сильна между крестьянами, особенно в районе общинного землевладения. Ее питали интересы деревенской бедноты, малоземельных крестьян и фабричных рабочих, бежавших в деревню из разрушавшихся городов. Ее же поддерживала своими распоряжениями советская власть.

Первый декрет о земле 26 окт. 1917 г. окончательное решение земельного вопроса откладывал до созыва Учредительного Собрания, до тех же пор рекомендовал крестьянам руководствоваться сводкою 242 местных крестьянских наказов, произведенной редакцией «Известий всеросс. совета крестьянских депутатов». По этому сводному наказу, самое справедливое разрешение земельного вопроса состоит в том, что право частной собственности на землю отменяется на-

всегда. Земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема. Вся земля: государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частно-владельческая, общественная и крестьянская и т. д. отчуждается безвозмездно, обращается в всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней. Этот пункт сводного наказа находится в прямом противоречии с тем параграфом декрета 26 октября, в котором сказано, что земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются.

Поэтому, обращение крестьянских земель в «общенародный земельный фонд» не являлось предписанием закона, а лишь добрым советом. Но в основном законе о социализации земли от 19 февраля 1918 года мы уже читаем: всякая собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы в пределах Российской Федеративной Советской Республики — отменяется навсегда.

Таким образом, национализированы были и крестьянские земли.

Далее, по сводному наказу, право пользования землею получают все граждане (без различия пола) России, желающие обрабатывать ее своим трудом, при помощи своей семьи, или в товариществе, и только до той поры, пока они в силах ее обрабатывать. Наемный труд не допускается. Из раздела исключаются только земельные участки с высоко культурным хозяйством: сады, плантации, разсадники, питомники, оранжереи и т. п. Землепользование должно быть уравнительным, т. е. земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям, по трудовой или потребительной норме. Основной закон о социализации земли также говорит о потребительно-трудовой норме. Напротив, в инструкции по применению положения о социалистическом

землеустройстве, изданной 11 марта 1919 г., в пору торжества уравнительных коммунистических тенденций, за разверсточную единицу принимается душа — едок. Когда в 1920 г. коммунистические принципы в применении к крестьянскому хозяйству начали колебаться, в декрете от 27 мая 1920 г. было произведено отступление от первоначальной линии аграрной политики в другую сторону. В целях развития производительности сельского хозяйства Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и совет народных комиссаров постановили: в пользовании трудового населения, ведущего интенсивное земледельческое хозяйство (хозяйства с многопольными севооборотами, с промышленными культурами, как-то: лен, сахарная свекла, табак и т. п., а также хозяйства, где произведено коренное улучшение земельных угодий), оставляется все то количество земли, которое находится в его фактическом пользовании и обрабатывается силами самого хозяйства без применения наемного труда, хотя бы это количество земли было выше установленных для данного района норм наделения землею.

Наконец, по тому же сводному наказу, формы пользования землею должны быть совершенно свободны: подворная, хуторская, общинная, артельная, как решено будет в отдельных селениях и поселках. Как мы увидим ниже, уже с издания 19 февраля 1918 г. основного закона о социализации земли, советская власть благоприятствовала коллективным формам землепользования и признала равноправие единоличной формы хозяйства только в 1921 г. Для сохранения принципа уравнительности в распределении земли, земельный фонд должен подвергаться периодическим переделам в зависимости от прироста населения и поднятия производительности и культуры сельского хозяйства.

Таковы основные идеи, которые принес с собою октябрьский переворот в области аграрной политики. Центральное место между ними занимает *идея уравнительности*.

В первые месяцы существования советской власти в ее распоряжении не было никакого административного аппарата для проведения своих идей. Поэтому, местныя власти фактически обладали большой долей самостоятельности, они могли очень плохо выполнять директивы из центра, могли даже вовсе их не исполнять или действовать вопреки им. Благодаря этому, предписываемая декретом 19 февраля 1918 г. социализация земли, — как говорит Б. Н. Книпович, — «не была проведена в общегосударственном масштабе. Представлявшееся в свое время социалистам-революционерам обращение всей России как бы в единую передельную общину со сложной задачей уравнения земли по всей России не могло быть выполнено. Практически земля просто присваивалась местным населением. Случаи переселения из малоземельных губерний в многоземельные были единичны. Уравнение внутри селений проводилось неукоснительно. Межволостное уравнение норм проводилось уже реже, межуездное — еще реже, о межгубернском не приходится и говорить»[1]). Как рассказывает П. Н. Першин, «в некоторых уездах волостные нормы (точнее их было бы назвать «получки») разнятся в два и даже в три раза между собой, — в зависимости от величины близлежащих и ликвидированных имений и численности населения в волости . . . Неравномерность распределения земель внутри уездов не ограничивается межволостными отклонениями. Отступления, или точнее — игнорирование общей нормы и установление своей — самостоятельной и независимой, спускается еще ниже — до первоначальной коллективной единицы землепользования — отдельного селения — внутри волости. Тот же инструктор по Орловской губернии сообщает: в Болховском уезде «средняя уездная норма по уезду равна 1,49 дес. (по статистике 1917 года). Но земли распределялись по волостным нормам, а во многих местах даже и по сельским,

[1]) «О земле», вып. I, стр. 24-25.

так как население отказывалось отдавать имеющиеся у него излишки (экономической земли). Это повело к тому, что в некоторых деревнях на живую душу пришлось только по 4 саж. ярового посева». В Сычевском у. Смоленской губ. на «С'езде деятелей по агрикультуре», созванном уездным земельным отделом, выяснилось, «что вследствие местных условий, одни селения получили земли в полном по норме количестве, другие были вынуждены распределить землю пропорционально, некоторые селения получили в пользование на текущий год лишь пахотные земли, другие лишь сенокосные». В Варнавинском уезде, Костромской губернии «раздел земли прошел почти повсеместно по селениям». В Черкасской волости Кромского уезда наблюдается самое крайнее выражение этого сельского сепаратизма в распределении земли. По сообщению инструктора, в Черкасской волости «некоторые селения получили по 10 саж., а некоторые по 1,5 саж. и селения, установившие у себя «норму» в 6 раз большую, чем их соседи, повидомиму, не могли справиться со своей получкой, так как по тому же сообщению «часть земли сдана в аренду, — не с разрешения волостного отдела, а с согласия общества, для того, чтобы земля не пустовала», между тем соседние граждане ждут и надеются получить из паровой земли норму откуда бы то ни было» [1]).

Общий вывод П. Н. Першина состоит в том, что «распределение земли, совершившееся в 1918 году, в общем не представляет собою государственно-организованной земельной реформы. Оно скорее всего и больше всего является местным земельным «самоопределеним» земледельческого населения в замкнутых пределах уездных, а зачастую и волостных территорий. Оно целиком проникнуто основной социально-политической идеей аграрной революции: разделить поровну те земельно - хозяйственные блага, которые остались «свобод-

[1]) «Сельское и лесное хозяйство», 1922, кн. 3-4, стр. 59-60.

ными» или «принадлежащими всему народу» после отмены собственности на землю» [1]).

И лишь в немногих местах были разделены на уравнительных началах и крестьянские земли. Черный передел, при котором вся земля поступает в общий котел и делится между всем населением, производился сравнительно редко. Как указывалось на всероссийск. с'езде землеустроителей и мелиораторов в феврале 1922 г., такой передел был произведен лишь «в некоторых районах Орловской и Тульской губ., в остальных же местах почти нигде, за исключением отдельных волостей, черные переделы произведены не были, так что можно смело сказать, что 99 % земель республики и до сих пор еще фактически делятся на эти две категории — барскую и не барскую» [2]).

На Украине черный передел был осуществлен в некоторых местностях Киевской и Подольской губ. [3])

Губернские и уездные органы земельного управления в большинстве случаев запрещали черные переделы.

Чаще делились отрубные и хуторские земли крестьян. В первые же месяцы после октябрьского переворота крестьянское движение направляется наряду с разделом частно-владельческих земель также и против хуторян и отрубников.

Прежде всего, крестьянство пред'явило претензии на соседние с ними участки бывших частно-владельческих земель, купленные мелкими поселенцами с помощью Крестьянского Банка. Там, где эти земли ранее, до покупки их банком, арендовались крестьянами, их требования принимали зачастую острую форму вплоть до выселения отрубников и хуторян и разгрома их усадеб. Затем общинное крестьянство начало делать попытки ликвидировать прежние частичные

---

[1]) Сельское и лесное хозяйство», 1922, № 5-6, стр. 95.

[2]) «Новое землеустройство по материалам всероссийского с'езда землеустроителей и мелиораторов», 1922, стр. 29.

[3]) В. Качинский. «Очерки аграрной революции на Украине», вып. I, Харьков, 1922, стр. 84, 86, 87.

выделы домохозяев из общины на отдельные участки, особенно, когда выделившиеся дворы воспользовались при выделении особыми выгодами и преимуществами в смысле размера или расположения выделенных участков. Едва распространившееся участковое землепользование, как система, еще не успело укорениться и приобрести историческое оправдание. Особенно сильно разлилось это движение против хуторов и отрубов в поволжских, центрально-земледельческих и некоторых южных губерниях. Напротив, в других губерниях, — главным образом, северных, подмосковных и западных, — где участковое хозяйство успело рационализироваться, приобрести культурный характер путем введения травосеяния, перехода к многополью и улучшению животноводства, было признано необходимым сохранить эти хозяйства и предупредить или пресечь попытки их ликвидации. Когда деревня несколько успокоилась, в 1920 г. во многих губерниях движение крестьянства к участковому землепользованию поднялось с новой силой [1]).

Таким образом, хотя черный передел всех земель по уравнительной норме между всем населением и не был проведен, но крупно-крестьянское хозяйство произведенными частными поравнениями было разрушено уже в период осени 1917 г. — весны 1918 г. Когда затем 11 июня 1918 г. были учреждены комитеты бедноты, задача которых состояла во внесении классовой борьбы в деревню, в «раскулачивании» деревни, в мобилизации деревенской бедноты против деревенских богатеев, и в круг деятельности которых входило распределение хлеба, предметов первой необходимости и сельско-хозяйственного инвнтаря среди сельского населения и оказание содействия местным правительственным органам в из'ятии хлебных излишков из рук зажиточных крестьян, ими были затронуты и хозяйства средних крестьян. Откровенный

[1]) П. Н. Першин. «Участковое землепользование в России», 1922, стр. 35-39.

Ю. Ларин, следующим образом характеризует деятельность комитетов бедноты: «Весной 1918 г., когда политическое господство пролетариата в городах окончательно закрепилось и установилось, были организованы по всем деревням комитеты бедноты исключительно из беспосевных и малосеющих крестьян, в руках которых сосредоточена была вся власть и оружие. Эти комитеты в течение нескольких месяцев провели в деревне на деле в жизнь перераспределение пользования землей, забрали от имеющих несколько лошадей крестьян избыточное против минимальной потребности количество и передали его начинающим собственное хозяйство беспосевным и малосеющим и т. п. (нередко такия перегруппировки лошадей происходили сразу в масштабе целого уезда, например, в Тверской губ.), — одновременно помогая также городским рабочим производительно извлекать излишки от прежнего крупного крестьянства («кулаки»). Конституционные сельские и волостные советы были отодвинуты на задний план на период (свыше полугодия) деятельности комитетов бедноты, фактически проводивших аграрную революцию в деревне. Их деятельность вызвала длинный ряд вооруженных восстаний известной части крестьян почти по всем уездам Советской России, — тех крестьян, которые приветствовали победу пролетариата, когда она провозгласила окончательное уничтожение помещичьего политического и экономического ига, но которые восстали, когда она в своем расцвете привела к нивеллировке хозяйств среди самого крестьянства. Однако, все восстания были подавлены» [1]).

Эта перекройка крестьянского землепользования вызвала эпидемию земельных переделов,—землю делили и в 1918, и в 1919, и в 1920 г., а во многих местах делят и теперь. Так как в большинстве случаев землю делили по едокам, и редко

---

[1]) Ларин и Крицман. «Очерк хозяйственной жизни и организация народного хозяйства Советской России», 1920, стр. 13-14.

— по работникам, то, в конце концов, она оказалась распределенной на уравнительно-потребительных началах. Постоянные переделы земли, создавая общую неустойчивость поземельных отношений, были причиной плохой вывозки навоза, плохой обработки земли, сокращения посева трудоемких культур. Поэтому, советской власти пришлось вступить в борьбу с этими непрерывными переделами, подрывавшими производительность крестьянского хозяйства, и уже 1 июля 1919 г. был издан декрет, запрещавший внутри — надельные переделы без разрешения местного волостного земельного отдела. 30 апреля 1920 г. был издан новый декрет, допускавший разрешение полных переделов лишь по истечении трехкратного чередования принятого в данном сельском обществе севооборота, т. е. запрещал производить их чаще одного раза в девять лет при господствующем в России трехпольном севообороте. Декрет от 27 мая 1920 г. из'ял от уравнительного распределения интенсивные земледельческие хозяйства, имеющие многопольные севообороты, промышленные культуры, коренные мелиорации и т. д. Все эти постановления об удлиннении сроков переделов подтверждены и развиты далее постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 23 марта 1921 г.

В итоге всей этой аграрной революции, помещичье землевладение оказалось ликвидированным, а крестьяне получили в свое распоряжение значительный земельный фонд. По данным Б. Н. Книповича [1]), в 1919 г. мы имели следующее распределение земель (в %):

	32 великорос. губ.	Украин. губ.
Земли крестьян	96,8	96,0
» сельско-хозяйствен. коллективов . .	0,5	0,8
» сов. хозяйств, пром. учрежд. и т. д. .	2,7	3,2

[1]) Б. Книпович. «Очерк деятельности народного комиссариата земледелия за три года (1917—1920)», 1920, стр. 6-7.

Однако, не все эти земли поступили в распоряжение тех крестьян, которые занимались земледелием до осени 1917 г. Упадок крупной и мелкой промышленности, почти полное прекращение промыслового отхода, стремление принять участие в ожидаемом переделе земель, продовольственный и топливный кризис в городах, — все эти моменты привели в 1917—1920 г. г. к массовой эмиграции населения из городов в деревню. 1 февр. 1917 г. в Москве было 2 017 000 ч., 26 авг. 1920 г. — всего 1 028 000 ч. В 1916 г. в Петроградской губ. числилось 2 591 000 ч., в 1920 г. — только 884 000. Судя по данным переписей 1917—1920 г. г., массовый отлив из города в деревню составлял не менее 8 миллионов душ [1]). Все эти фабричные, ремесленники, прислуга и т. д., нахлынувшие из города в деревню, пред'являли требование на нарезку им земли и фактически получили ее. Это обстоятельство значительно сократило ту прирезку, которую получили исконные крестьяне — земледельцы. Как сообщает Б. Н. Книпович, итоги этого раздела земель «были значительно меньше, чем ожидали многие. Громадное количество земель, разделенное между многомиллионной массой крестьянства, дало ничтожные результаты. Специальная анкета центрального отдела землеустройства позволила установить, что увеличение площади на едока выразится в ничтожных величинах: десятых и даже сотых десятины на душу. В громадном большинстве губерний увеличение это не превышало полудесятины» [2]). В 29 губ. Европ. России до революции на едока приходилось 1,87 дес., после революции 2,26 дес. [3]), увеличение на 0,39 дес. или 21 %. Эта прирезка настолько незначительна, что такими жалкими результатами аграрной революции вряд ли можно особенно гордиться.

Коммунист П. Месяцев дает на этот вопрос следующий уклончивый ответ: «Наибольшее значение октябрьская ре-

1) «За пять лет», 1922, стр. 295.
2) Там же, стр. 9.
3) «О земле», вып. I, 1921 г., стр. 9.

волюция для крестьян имела не столько в смысле значительной прирезки земли (эту задачу себе российская коммунистическая партия и не ставила), сколько в смысле уничтожения всяких остатков крепостничества, земельной пестроты и огромной зависимости крестьянства от помещиков». Уничтожение этих остатков крепостничества «имело больше значения для крестьянского хозяйства, нежели прирезка земли» [1]).

Мы думаем, что делать аграрную революцию специально затем, чтобы уничтожить чересполосицу и длиннополосицу, чтобы получить обратно выгоны и водопои, отобранные в 1861 г., — вряд-ли стоило.

2. Изменения в крестьянском хозяйстве.

Как мы уже указывали выше, наряду с переходом помещичьих земель в руки крестьян было произведено также перераспределение крестьянских земель. В каком направлении произошло это перераспределение, можно видеть из сравнения данных сельско-хозяйственных переписей 1916 и 1919 г. г. по 24 губ. Советской России [2]):

		% хозяйств			
	Всего дворов	Без посева	Мелкіе 0—4,0 посева	Среднія 4.1—8,0 д.	Крупные бол. 8 дес. пос.
1917 г. . .	6 034 114	11,4	59,1	21,6	7,9
1919 » . .	6 119 616	6,5	74,0	16,4	3,1

Посевы более 4 дес. на двор производятся, главным образом, многодушными семьями, с большим числом едоков на двор.

Аналогичные изменения произошли и в распределении скота: увеличилось число однолошадных, одно и двукоров-

[1]) П. Месяцев. «Земельная и сельско-хозяйственная политика в России», 1922, стр. 10, 83; также Б. Книпович в сборн. «О земле», вып. I, стр. 43.

[2]) А. Хрящева. «Крестьянство в войне и революции», стр. 34; «О земле», вып. I, стр. 25.

ных хозяйств. Из этих данных Б. Н. Книпович делает следующий вывод: «Повсюду, по всем признакам наблюдается та же картина — сокращение чисто пролетарских слоев, сокращение верхних слоев деревни и увеличение мелких хозяйств, составляющих главную массу крестьянства. Следовательно, . . . в общем и целом резкие грани между классами в до-революционном крестьянстве стерты революцией: земля и скот распределились более равномерно. Мелкое и среднее крестьянское хозяйство стало играть еще большую роль, чем до революции» [1]).

Такая нивеллировка крестьянских хозяйств привела к понижению их производительности и чрезвычайному сокращению в них денежных элементов. Торжество уравнительно-потребительных начал в распределении земли имело своим следствием регресс крестьянского хозяйства и в техническом, и в экономическом отношении, его массовое сползание вниз и назад. По словам А. Хрящовой, «крестьянское индивидуальное хозяйство, став в массе более мелким и однородным, усвоило все отрицательные черты такового, заключающиеся в низкой производительности труда, орудий и скота. Так, если взять число десятин посева на 1 рабочую лошадь, то оно изменилось не в сторону увеличения посева, а в сторону его уменьшения. Приходилось посева на лошадь в 1916 году 3,20 десятин, в 1917 году 3,22 десятины, в 1920 г. 2,81 десятины и в 1921 году 2,52 десятины. Производительность работы лошадей понижалась с 1916 года, и к 1921 году она уменьшилась на 21 %. То же получилось бы, если бы можно было точно учесть количество работы, падающей в земледелии на одного работника или работницу. В силу сокращения посевных площадей, производительность стала ниже. Земля и средства производства, расплывшись по большому числу хозяйств, использовались менее рационально» [2]).

[1]) «Очерк деятельности комиссариата земледелия», стр. 9.
[2]) «Сельское и лесное хозяйство», 1922, № 1—2, стр. 208.

Отчасти, под влиянием сокращения размеров хозяйства, отчасти — под влиянием разложения рынка произошло, — по словам Л. Н. Литошенки, — «разрушение меновых связей и изоляция крестьянского хозяйства от внешней среды. Имея перед собой случайный рынок и располагая лишь нелегальной покупательной силой, мелкий земледелец предпочитал эмансипироваться от услуг менового хозяйства. Он стал производить в своем хозяйстве все необходимое для личного потребления. В области пищевых продуктов он начал возделывать такие хлеба, которые он раньше по климатическим или экономическим причинам предпочитал покупать на рынке, выменивая их на другие продукты своего труда. В области промышленных изделий он перешел к домотканной одежде, собственному шитью и валянью обуви, к изготовлению примитивной упряжи и транспортного инвентаря. Крестьянское хозяйство возвращалось к давно изжитому типу замкнутого, самодовлеющего, натурального хозяйства, где между трудом семьи и удовлетворением ее потребностей не лежат проможуточныя звенья меновых отношений» [1]). Натурально-хозяйственная стихия в лице наиболее отсталых в экономическом отношении слоев крестьянства стала хозяином положения.

Уничтожению рыночных культур в крестьянском хозяйстве сильно способствовала ненормально низкая расценка их продуктов как рынком, так и в особенности хозяйственными органами советской власти. Так например в Тверской губ. за пуд льняного волокна можно было купить пудов ржи [2]):

1913 г.	5,5
1916 »	6,3
1917 »	0,9
1918 »	0,25

[1]) «Сельское и лесное хозяйство», 1922, № 9-10, стр. 11.
[2]) «Сельское и лесное хозяйство», 1922, № 3-4, стр. 83; «За пять лет», стр. 294.

1919 »	0,02
1920 »	0,25
1921 »	0,33-0,5
1922 »	1,0

Что низкая расценка льна не представляет собою исключительного явления, показывает следующая табличка цен. За один пуд ржи давали в пудах [1]):

	1913 г.	1920 г.	1921 г.
Лен	0,16	4,10	1,79
Пенька	0,20	2,74	1,31
Подсолнух	0,47	2,84	1,53
Шерсть	0,05	0,19	0,40
Говядина	0,15	0,47	0,74
Яйца	0,27	0,81	1,75

Основным недостатком этой таблички является пропуск в ней самого интересного 1919 г.

К этим регрессивным явлениям в строении крестьянского хозяйства прибавились еще некоторые косвенные результаты аграрной революции, легшие тяжелым бременем на крестьянское хозяйство. Как отмечает Б. Д. Бруцкус, «не говоря уже о жестокой гражданской войне, разорившей многие местности, в результате революции крестьянство лишилось всяких посторонних заработков как земледельческих, так и промысловых, оно лишилось рынка сбыта и вынуждено было забросить все наиболее доходные промышленные культуры, горожане хлынули из разрушившихся городов в деревню, и их пришлось наделить землей, наоборот, планомерное переселение в Азиатскую Россию, уносившее избытки населения, прекратилось. И, наконец, государство, лишившись с разрушением народного хозяйства всех прежних источников дохода, вынуждено было свой бюджет опереть на натуральных сборах с крестьянства» [2]).

---

1) «За пять лет», стр. 294.
2) «Сельское и лесное хозяйство», 1922, № 7-8, стр. 15-16.

От ликвидации помещичьего землевладения и перехода земли в руки крестьян все ждали развития крестьянского хозяйства. В экономической литературе прирезка земли крестьянам рассматривалась как условие дальнейшей интенсификации их хозяйства. Эти ожидания оказались ошибочными. После аграрной революции 1917 г. наступил упадок сельского хозяйства, о размерах которого дают некоторое представление следующие цифры (в тыс. десятин и голов):

	1916 г.	1921 г.	1922 г.
Посевная площадь	79 167	53 217	43 813
Рабочих лошадей	22 725[1]	18 283	14 031
Коров	21 542[1]	19 801	—
Посевы картофеля	2 323	1 407	1 280
» льна	1 317	653	400
» конопли	518	246	187
» свекловицы	550	190	162
» хлопка	714	110	64

Упадок этот отчасти обусловлен характером аграрной революции, в которой восторжествовали уравнительно-потребительные начала, приведшие к регрессу крестьянского хозяйства. Другою причиною этого упадка является коммунистическая политика советской власти.

3. Проблема коммунизации крестьянского хозяйства.

Коммунисты сознают, что весь строй крестьянского хозяйства и хозяйственная психика крестьян прямо антагонистичны коммунистическому строю и коммунистическим идеям. В. Мещеряков, один из первых поднявший вопрос о практическом проведении коммунистических идей в русской деревне, говорит о настроениях крестьян:

[1]) Эти цифры относятся к 1917 г.

Большевистское восстание в октябре 1917 г. снесло власть буржуазии. Главное препятствие к проведению уравнительности пало. Но можно ли было в октябре 1917 г. ставить своей непосредственной, ближайшей задачей в порядке дня — немедленное осуществление программы социализма: общественный труд на общественной земле? Всякий понимает, что этого нельзя было в октябре. Больше того: этого нельзя даже сейчас! (август 1918 г.) Крестьянская масса не знает социализма и не хочет ничего другого кроме уравнительной даровой прирезки земли. Надо было, следовательно, принять эту крестьянскую программу, принять уравнительность и прочее. Новый закон гораздо лучше, чем прежние земельные порядки, хотя в нем нет никакого социализма... Самостоятельной силы в качестве борца за социализм, за организацию общественного труда на общественной земле, крестьянство не представляет... Это самый неоспоримый, несомненный факт. Больше того. Уже есть признаки обратного. На недавнем с'езде это проявилось особенно отчетливо. Кто протестовал, кто не соглашался с социалистической продовольственной политикой пролетариата? — Крестьянские делегаты. По крайней мере, многие крестьянские делегаты. Кто клеймил организацию комитетов деревенской бедноты, этих пролетариев и полу-пролетариев деревни? Кто яростно аплодировал камковским глупостям, что деревенская беднота — это лодыри? Крестьянские делегаты и партия среднего, крепкого, зажиточного, «трудового» крестьянства, партия левых эс-эров... У этого класса есть почти все. (Все — кроме социалистического сознания!) Зачем же он сейчас пойдет ломать все свои привычки, искать новую жизнь, устраивать новые, в корне новые формы хозяйства, какие-то коммуны, с их полным равенством, с их полным отсутствием собственности даже на предметы обихода и потребления... Этот класс глядит все еще в сторону ближайших своих соседей на общественной лестнице — в сторону сельской бур-

жуазии; поэтому-то так подозрительно относится он к попыткам организации деревенской бедноты, «голи», несамостоятельных горе-хозяев; поэтому так враждебно относится он к борьбе рабочих за хлеб, к рабочим отрядам; поэтому-то и срываются с уст глупого Камкова и умной Спиридоновой по адресу пролетарских слоев деревни негодующие возгласы: лодыри! Мы вас не допустим! . . . Вся деревня (кроме кулаков) шла вместе с рабочим классом только сначала. Уже сейчас есть признаки некоторого откола; уже сейчас среднее, зажиточное, самостоятельное (хотя и «трудовое») крестьянство начинает с тревогой смотреть на поднимающую голову деревенскую бедноту. Уже есть несогласия в продовольственном вопросе. — В чем дело? Дело именно в классовой неоднородности деревни. Пока дело шло о коренных мужицких требованиях, об уничтожении господства помещиков — все крестьянство было едино. Но как только мы ближе подошли к социализму, как только затронуты собственнические инстинкты трудового, но зажиточного, самостоятельного хозяина, как только рабочие открыли поход против сельских кулаков, стали отбирать лишний хлеб в голодающие города — этот средний слой самостоятельных хозяйчиков забеспокоился, зашевелился. Одним словом, как только рабочие вплотную подошли к вопросу о самом социализме — часть крестьянства определенно отшатывается от прежнего союзника; мелкобуржуазные предрассудки вылезают наружу совершенно неприкрыто» [1]).

Коммунисты вполне единодушны в признании за психикою хозяйственного мужика анти-коммунистического характера. Так, на с'езде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун 11—20 декабря 1918 г. коммунист Кураев говорил: «Большая часть русского народа, творящего российскую революцию, живет в условиях неблагоприятных для социального

[1]) В. Мещеряков. «О сельско-хозяйственных коммунах», 1918, стр. 11-12, 16, 17, 24-25.

переворота. Крестьяне живут в условиях капиталистического, собственнического строя . . . В первый месяц социальной революции, в октябре, крестьяне вместе с городским пролетариатом шли об'единенно на штурм помещиков и капиталистов. Потом произошло расслоение крестьянской среды в деревне. Только часть ее осталась преданной революции. Остальные слои колеблются или идут против социальной революции. Благодаря этому изменению в среде крестьян, революция утратила свой размах, свою наступательную силу» [1]).

Анти-коммунистический характер крестьян констатирует и Н. Осинский; он говорит: «Деревня сама по себе оказалась к социализму равнодушной: она решительно отвергла «коммуну». Деревенская беднота, которая была опорой аграрного переворота, в ходе его уравнялась со своими соседями, и деревня быстро приняла вид мелко-буржуазного середняцкого царства» [2]).

Но самую яркую характеристику этой психики крестьян дал Ленин, в декабре 1920 г., на VIII с'езде советов:

«Мы боролись с Сухаревкой. На днях, к открытию всеросс. с'езда советов, это мало приятное учреждение московский совет рабочих и красноармейских депутатов закрыл. Сухаревка закрыта, но страшна не та Сухаревка, которая закрыта. Закрыта бывшая Сухаревка на Сухаревской площади, ее закрыть не трудно. Страшна Сухаревка, которая живет в душе и действиях каждого мелкого хозяина. Эту Сухаревку надо закрыть. Эта Сухаревка есть основа капитализма. Пока она есть, капиталисты в Россию могут вернуться и могут стать более сильными, чем мы. Это надо ясно сознать. Это должно быть главным побудителем в нашей работе и условием, меркой наших действительных успехов. По-

---

[1]) «Труды 1-го Всероссийского с'езда земельных отделов, комитетов бедноты и коммун», 1919, стр. 26.

[2]) Цитировано у П. Месяцева. «Земельная и сельско-хозяйственная политика в России», 1922, стр. 89.

ка мы живем в мелкой крестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Это необходимо запомнить. Каждый, внимательно наблюдавший за жизнью деревни, в сравнении с жизнью города, знает, что мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу у внутреннего врага не подорвали. Последний держится на мелком хозяйстве, и чтобы подорвать его, есть одно средство — перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства. Такой базой является только электричество.

«Коммунизм — это есть советская власть плюс электрификация всей страны. Иначе страна остается мелко-крестьянской, и надо, чтобы мы это ясно сознали. Мы более слабы, чем капитализм, не только в мировом масштабе, но и внутри страны. Всем это известно. Мы это сознали и мы доведем дело до того, чтобы хозяйственная база из мелко-крестьянской перешла в крупно-промышленную. Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно» [1]).

Мы видели выше, какие результаты дала попытка перестроить национализированную крупную промышленность на коммунистических началах. Она разрушила промышленность. Поэтому, даже и в том случае, если бы электрификация сельского хозяйства привела к торжеству крупного производства, — коммунистические начала не имели бы шансов на победу.

Но, во всяком случае, из данной Лениным постановки вопроса совершенно бесспорно вытекает следующий вывод: пока земледелие не электрифицировано, пока в нем господствует мелкое трудовое хозяйство и оно находится в руках

[1]) «VIII Всероссийский С'езд Советов», 1921, стр. 30.

мелких производителей крестьян, в душе которых живет психика мелкого собственника и предпринимателя, до тех пор совершенно бесполезно пытаться реорганизовать русское сельское хозяйство на коммунистических началах.

Однако, ни Ленин, ни советская власть в целом не сделала этого вывода. С крайним упорством, не останавливаясь перед грубым насилием, они пытались вложить коммунистические идеи в анти-коммунистический череп крестьянина и перестроить на коммунистических началах его хозяйство.

Результатом всей этой коммунистической политики было дальнейшее падение производительности крестьянского хозяйства и его дальнейшая деградация и деформация.

Пожалуй, наиболее ярко принципы коммунистической политики советской власти в области сельского хозяйства были формулированы Лениным и С. П. Середою на всероссийском с'езде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун 11—20 дек. 1918 г., задача которого состояла в том, чтобы «наметить пути аграрной революции, указать дальнейший путь в области строительства сельского хозяйства на коммунистических началах» [1]).

По мнению Ленина, « крестьяне не для того отбирали земли у помещиков, чтобы передавать их более мелким частным собственникам . . . Они не для того боролись с помещиками, не для того затрачивали свои силы, чтобы от более крупных собственников земля перешла бы к собственникам более мелким». Ленина нисколько не смущает то, что это его утверждение находится в явном противоречии с действительностью. Осенью 1917 г. крестьяне отбирали у помещиков земли и брали их себе, деля их по душам. Ленину нужно было отрицание частно-собственнических стремлений у крестьян, чтобы оправдать переход к коммунистической политике в сельском хозяйстве, начавшийся летом и осенью

[1]) «Труды 1-го всероссийского с'езда земотделов, комитетов бедноты и коммун», стр. 3.

1918 г. В этой политике «образование по деревням комитетов бедноты было поворотным пунктом. Оно показало, что рабочий класс городов в октябре об'единился со всем крестьянством для того, чтобы разбить главного врага свободной трудящейся социалистической России — помещиков. Образование комитетов бедноты показало, что рабочий класс от этой задачи пошел вперед, к задаче гораздо более трудной и гораздо более высокой, которая состояла в том, чтобы и в деревню внести сознание социалистической борьбы, сознание того, что величайший земельный переворот, который в октябре провозгласил отмену частной собственности на землю и социализацию земли, что этот переворот остался бы неизбежно новой формой господства иных групп буржуазии, если бы городские рабочие не пробудили к жизни деревенский пролетариат, деревенскую бедноту . . . Беднота пошла от очистки России от помещиков к образованию социалистического порядка. Этот шаг, товарищи, представлял из себя самую большую трудность. Относительно этого шага все те, кто сомневался в социалистическом характере нашей революции, пророчили нам неизбежный неуспех, между тем от этого шага зависит теперь все дело социалистического строительства в деревне» [1]).

Народный комиссар земледелия Середа считал очередной задачей советской власти «коммунистическое строительство земли». Советская власть «не возглашает принципа насильственного перехода к коммунистическому хозяйству, насильственного перехода отдельных хозяйств в социалистический строй. Мысль об экспроприации, об отобрании хозяйства у мелких крестьян, эта мысль не может придти в голову сознательному коммунисту . . . Наша задача не путем насилия, а путем мероприятий, показывающих блага социалистической организации, путем ряда мероприятий, распространяющих знания о социализме, поднимающих сознательность кре-

[1]) Там же, стр. 8-9, 11.

стьянства, показать массе на опыте значение коммунистического строя и что значит обобществление сельского хозяйства.» — «Мы строим свои надежды на том, что организация сил в лице земельных отделов, коммун, комитетов бедноты, что эта организация, об'единенная единой программой, явится могучим оплотом для скорейшего переустройства сельского хозяйства на коммунистических началах» [1]).

Но так как среди самих крестьян не было ни малейшей попытки заменить свое индивидуальное хозяйство какими-либо иными формами, хотя бы отдаленно напоминающими коммунизм, — руководителям земельной политики пришлось эти формы придумывать, привносить в крестьянскую жизнь сверху. Надуманность, безжизненная книжность нигде, быть может, не проявилась с такой беспощадной яркостью, как в этих «опытах» над нищей русской деревней.

Что же, однако, было придумано?

4. Сельскохозяйственныя коммуны и артели.

Первой ласточкой коммунистического налета на крестьянское хозяйство был изданный 19 февраля 1918 г. основной закон о социализации земли. Ст. 35 этого закона гласит: Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, в целях скорейшего достижения социализма, оказывает всяческое содействие (культурная и материальная помощь) общей обработке земли, давая преимущество трудовому коммунистическому, артельному и кооперативному хозяйству перед единоличным. Поэтому, при распределении участков земли для занятия сельским хозяйством преимущественное право, по ст. 20, принадлежит прежде всего сельско-

---

[1]) Там же, стр. 17, 18, 20.

хозяйственным коммунам, затем товариществам и обществам, отдельные же семьи и лица стоят на последнем месте.

Гораздо дальше идет декрет о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию, выработанный на первом всероссийском с'езде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун в декабре 1918 г. и опубликованный 14 февраля 1919 г. В нем сказано (ст. 3 и 4): для окончательного уничтожения всякой эксплоатации человека человеком, для организации сельского хозяйства на основах социализма с применением всех завоеваний науки и техники, воспитания трудящихся масс в духе социализма, а также для об'единения пролетариата и деревенской бедноты в их борьбе с капиталом, — необходим переход от единоличных форм землепользования к товарищеским... На все виды единоличного землепользования следует смотреть как на преходящие и отживающие. В основу землеустройства должно быть положено стремление создать единое производственное хозяйство, снабжающее советскую республику наибольшим количеством хозяйственных благ при наименьшей затрате народного труда.

Национализация 18 миллионов крестьянских хозяйств, как были национализированы несколько тысяч фабрик и заводов, было делом совершенно неосуществимым по организационным соображениям даже для самого буйного фантаста. Поэтому, от решительных мер по внезапному переустройству всего сельского хозяйства страны на коммунистических началах советской власти пришлось отказаться, и прибегнуть к ряду переходных мер. Практические мероприятия, вводившие постепенно коммунистические начала в сельское хозяйство, могут быть подразделены на две группы. К первой группе мы отнесем мероприятия по насаждению сельско-хозяйственных коммун и советских сельских хозяйств. Ко вто-

рой — мероприятия, регулирующие крестьянские хозяйства в направлении их коммунизации. Сюда относятся национализация приносимого крестьянским хозяйством дохода и проекты регулирования крестьянского хозяйства.

Как мы видели, в советском законодательстве сельско-хозяйственные коммуны впервые упоминаются в основном законе о социализации земли от 19 февраля 1918 г. Первые коммуны были организованы солдатами, вернувшимися с фронта и нашедшими свои хозяйства в состоянии упадка и разорения. Для восстановления таких хозяйств, разрушенных во время войны, пришлось многим об'единяться в коллективы. Ходоки от них потянулись в Москву. Народный комиссариат земледелия выдал первую ссуду сельско-хозяйственной коммуне уже 27 апреля 1918 г. 30 мая был организован особый отдел по организации коммун, 27 июня 1918 г. народный комиссар земледелия Середа разослал по губернским советам телеграмму, в которой обещал, что комиссариат земледелия «окажет всяческое содействие делу организации земледельческих коммун, видя в них главную основу переустройства всего сельского хозяйства на социалистических началах». 2 июня Совет народных комиссаров постановил: «в целях организации сельского хозяйства на социалистических началах . . . ассигновать в распоряжение народного комиссариата десять миллионов рублей на осуществление широких мероприятий по организации земледельческих коммун и на выдачу ссуд и пособий коммунам». Из миллиардного фонда, ассигнованного 2 ноября 1918 г. на развитие сельского хозяйства и скорейшее переустройство его на социалистических началах, пособия и ссуды могли выдаваться только: а) сельско-хозяйственным коммунам и трудовым товариществам и б) сельским обществам или группам, при условии перехода их от единоличной к общей обработке и уборке полей. Как при выдаче этих ссуд, так и при распределении сельско-хозяйственных машин и т. п. преимущество отдава-

лось тем об'единениям, которыя осуществили наиболее полное обобществление труда. Также и отвод земли коллективам производился вне очереди.

Кроме этих мер помощи со стороны советских властей, их распространению содействовали еще следующие моменты. Недостаток живого и мертвого инвентаря побуждал крестьян пытаться об'единением в коллективы несколько парализовать эту нехватку. В коммуны гнало раззорение хозяйства страны. В Смоленской, Гомельской, Владимирской и др. губерниях к устройству коммун прибегали также крестьяне, стремившиеся выйти на хутора и встречавшие противодействие со стороны местных властей [1]). Обследование таких коллективных хуторов в 1920 г. дало следующие результаты. «Хутора обычно создаются хозяйственно-сильной частью крестьян. Последние весьма далеки от сочувствия коллективизации хозяйства и коллективный хутор для них только защитный цвет. Состоя формально в коллективно-земледельческом хозяйстве, фактически хуторяне хозяйствуют индивидуально. При беглом и внешнем обследовании такого хутора не увидишь ни раздельных межей, ни оград, ни заборов, зато есть общая рига и общий скотный двор. Но присмотришься немного внимательней и оказывается: среди дворов в самом центре земельного участка стоит высокий шест, а по общей меже, отделяющей землю хутора от других участков, вбиты небольшие столбики. Если мысленно провести линию от шеста среди изб к столбикам на пограничной меже, получаются внутри хуторские межи. Понаведешь справки, и выяснится, что общей на коллективном хуторе является только вспашка, все остальные работы проделываются индивидуально в пределах мысленно проводимых линий — меж; в общей риге молотьба хлеба производится отдельно каждой семьей; на общем скотном дворе животные разделены и уход

[1]) П. Першин. «Участковое землепользование в России», 1922, стр. 42-43.

за ними ведется порознь. По внешности перед вами подлинный коллективный хутор, а по существу конгломерат индивидуальных хуторов, которые ожидают только благоприятных условий, чтобы разорвать внешнюю и стеснительную коллективную рубашку» [1]).

В конце 1918 г. наряду с коммунами, представляющими собою коллективную форму не только производства, но и потребления, с полным равенством членов и отсутствием личной собственности даже на предметы обихода и личного потребления, начали возникать земледельческие артели, об'единявшие своих членов только в области земледельческого производства.

Какие ожидания связывались первоначально с этим движением, можно видеть из слов В. Мещерякова: «без всякого преувеличения можно сказать, что перед нами — новое широкое, быстро растущее движение к созданию новых форм новой жизни Советской Республики . . . В Советской России коммуны растут, как грибы после дождя» [2]). В «Азбуке коммунизма» мы находим следующие замечания о сельско-хозяйственных коммунах. Наше сельское хозяйство «может превратиться в социалистическое лишь тогда, когда по пути социализации тронется крестьянское земледелие. На советских хозяйствах крестьянство будет учиться выгодам крупного коллективного хозяйства. Осуществить же эти выгоды для себя оно может лишь путем об'единения в коммуны и артели . . . Важнейшая задача коммунистической партии в деревне состоит в настоящий момент в том, чтобы все мелкое крестьянское хозяйство поднять на высшую ступень, на ступень сначала среднего коммунального хозяйства. Есть все основания думать, что именно этим путем пойдет, главным

---

[1]) С. Маслов. «Россия после четырех лет революции», т. II, стр. [illegible]2.

[2]) В. Мещеряков. «О сельско-хозяйств. коммунах», стр. 4, 16.

образом, в дальнейшем развитие производительных сил деревни» [1]).

Посмотрим, каковы были результаты этого движения [2]).

С ростом числа коммун и артелей на территории Европейской России нас знакомит следующая табличка:

Месяцы	Годы	Коммун	Артелей
Январь	1919	950	422
Июнь	»	2 099	1 935
Апрель	1920	1 732	3 865
Январь	1921	1 829	9 064
Сентябрь	»	1 528	10 015

Таким образом, наибольшее число коммун существовало летом 1919 г. Затем это число пало. Число артелей, напротив, непрерывно увеличивается. По разряду земель, на которых они образовывались, коммуны и артели дают следующие % величины:

	Коммуны	Артели
Крестьянские земли	10	31
Частновладельческие земли . . .	74	48
Церковные и монастырские земли .	12	10
Казенные земли	4	11

Крестьянские земли под коммуны берутся редко. Крестьяне избегают отдавать в коммуны свою землю. Повидимому, в коммунах участвует, главным образом, пришлый элемент, захвативший в конце 1917 г. частно-владельческие и казенные земли. Всего в сентябре 1921 г. было:

---

[1]) Н. Бухарин и Е. Преображенский. «Азбука коммунизма», 1921, стр. 241-2.

[2]) См. статью Б. Н. Книповича в сборнике «О земле», вып. I, стр. 36-42.

	Коммуны	Артели	Общ. обработ	Всего
Число коллективов в Европейской России	1 710	10 283	1 342	13 424
Число коллективов в Европ. и Азиатской России . . .	2 242	11 440	1 439	15 121
В них десятин в Европейской России	212 859	672 925	50 254	939 008
В них десятин в Европ. и Азиатской России . . .	342 300	836 932	54 094	1 233 326
В них едоков в Европейской России	96 138	606 958	62 527	765 605
В них едоков в Европейской и Азиатской России . . .	138 420	729 888	63 295	931 404

Б. Н. Книпович делает из этих данных следующие выводы:

«1. Коллективное движение не представляет собою процесса последовательного обобществления хозяйства. Наиболее широкие слои крестьянства должны были бы переходить к общественной обработке земли, затем должны были бы идти артели и, наконец, коммуны. Между тем, именно общественная обработка земли развита крайне слабо.

«2. Количественное развитие коллективов невелико.

«3. Коллективизация дает различный ход эволюции по типам. Коммуны дают сильный рост до лета 1919 г., затем падают и остаются приблизительно в стационарном состоянии. Артели же дают непрерывный рост.

«4. Имеющиеся коллективы хотя и улучшаются, но о сколько-нибудь высоком уровне хозяйства в них не может быть и речи.

«5. Коллективы устраиваются преимущественно на бывшей частно-владельческой земле. Крестьяне, видимо, не имеют стремления передавать свои земли в коллективное пользование.

«Общим выводом из всего вышеизложенного является, что коллективное движение является лишь одним из течений в крестьянском хозяйстве, но отнюдь не вытесняет его. Расчеты на коллективизацию в целях как втягивания крестьянства

в социалистическое хозяйство, так и в целях технического под'ема крестьянства должны быть оставлены.»

К сожалению, Б. Н. Книпович не приводит данных о состоянии хозяйства коммун. По тем отрывочным сведениям, которые проникали в печать, оно носит убыточный характер.

5. Советские хозяйства.

Между, тем, дезорганизация продовольственного дела в стране приняла катастрофические размеры. Хлеб от крестьян, несмотря на применение вооруженной силы, поступал очень плохо. Тогда среди продовольственников возникла мысль создать крупное государственное земледельческое хозяйство, хлебные и мясные фабрики. В первом же годовом обзоре продовольственной политики советской власти мы находим по этому вопросу следующие соображения:

«Необходимо обратить самое серьезное внимание в другую сторону — на организацию латифундий, крупных национальных сельско-хозяйственных экономий. Только такие экономии могут явиться надежными, постоянными поставщицами для городского и промышленного населения продуктов питания, только они способны мобилизовать отпущенные нам в изобилии сельско-хозяйственные дары . . . Первое, с чего надо немедленно начать, что диктуется неумолимо суровой обстановкой, это — поставить городское и промышленное население вне зависимости от деревни в продовольственном отношении. Прежде всего в этом политический смысл национальных сельско-хозяйственных латифундий . . . Крупная сельско-хозяйственная экономия — это частица революционного города, она живет иными законами и настроениями, чем окружающее крестьянское эгоистическое и невежественное болото. Чем больше будет вкраплено в это болото «хлебных фабрик», тем лучше для пролетарской власти, тем

крепче опора рабочего класса во враждебном его основным идеям мужицком царстве» [1]).

Идея образования советских хозяйств быстро приобрела популярность в руководящих кругах. Ленин и Середа высказались в пользу этой идеи на с'езде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун в декабре 1918 г. [2]). Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию, изданное 14 февраля 1919 г., следующим образом определяет задачи этого нового института: Советские хозяйства организуются в целях: а) наивозможно большего увеличения продуктов, путем поднятия производительности сельского хозяйства и расширения посевной площади; б) создания условий для полного перехода к коммунистическому земледелию; и в) создания и развития культурно-агрономических центров.

Крупным преимуществом советских хозяйств перед коммунами было то, что они управлялись из одного хозяйственного центра и могли осуществлять единый производственный план. Организующей силой и в этой области, как и во всех прочих областях коммунистического строительства, был промышленный пролетариат. Уравнительное распределение земли и меры поощрения полу-пролетарских хозяйств за счет хозяйств зажиточных крестьян привели к исчезновению сельско-хозяйственного пролетариата, как особой группы сельского неселения. Кроме того, сельские батраки и по своему культурному уровню вряд ли годились в управители «хлебных фабрик» и «национальных латифундий». Поэтому пришлось всю сложную и ответственную работу по организации советских хозяйств возложить на фабрично-заводских рабочих. В целях применения их организационного опыта при народном комиссариате земледелия был учрежден, по

[1]) Н. Орлов. «Продовольственная работа советской власти. К годовщине октябрьской революции». 1918, стр. 372, 377.

[2]) Труды этого с'езда, стр. 10-11, 12, 15.

соглашению с всероссийским советом профессиональных союзов, рабочий комитет содействия, посылавший своих уполномоченных, из числа наиболее надежных, опытных и сознательных рабочих, в губернии и районные управления советскими хозяйствами и отдельные хозяйства. Промышленным рабочим предоставлено большое представительство и в губернском управлении советскими хозяйствами, треть всех мест. Кроме того, декретом от 15 февраля 1919 г. учреждениям и об'единениям промышленного пролетариата предоставлено право организации советских хозяйств для удовлетворения собственных продовольственных потребностей.

Лишь в октябре 1918 г. начинается прием имений, не поделенных крестьянами, в ведение народного комиссариата земледелия и образование районных управлений советскими хозяйствами. Как медленно вначале шло это дело, показывает то, что к февралю 1919 г. в ведении центра находилось лишь 35 советских хозяйств с общей площадью в 12 000 десятин. Остальные были в руках местных органов и их хозяйственное положение было в высшей степени жалким. Общее число советских хозяйств равнялось (к концу года):

Годы	Всего сов. хоз.	В т. ч. приписных
1918	3 101	—
1919	3 547	516
1920	4 292	1 636
1921	5 918	2 136

К концу 1921 г. под советскими хозяйствами было 3 079 262 дес. Пока хозяйство велось в них в сметном порядке, оно давало государству один убыток, несмотря на почти бесплатный труд крестьян, обрабатывавших поля советских хозяйств в порядке трудовой повинности. Уже к концу 1920 г. выяснилось, что «при наличных рессурсах государства расчитывать на широкие государственные предприятия в форме организации крупных земельных площадей не приходится. Статистические сведения о советских хозяй-

ствах показали, что крупного роста советских хозяйств не наблюдается. Мало того, имеющиеся советские хозяйства не могут поставить должным образом свое хозяйство. Наиболее точно это показала перепись советских хозяйств 1921 г. . . . Но уже в 1920 г. это было ясно всем, близко стоявшим к народному комиссариату земледелия . . . Таким образом, несмотря на все принятые меры, пришлось оставить надежды на то, что советские хозяйства в ближайшем времени могут стать фабриками зерна и мяса» [1]).

Вследствие этого, с конца 1921 г. возникла тенденция сдавать советские хозяйства в аренду, некоторые губ. земельные отделы предполагали сдать до 75 % всех хозяйств.

Итак, обе попытки насаждения коллективных форм хозяйства кончились неудачей. Обе они не вышли за пределы 3 % сельско-хозяйственной площади страны, остающихся вне крестьянского хозяйства.

Очевидно, лишь оказывая влияние непосредственно на крестьянское хозяйство, советская власть могла воздействовать на развитие производительных сил и форм сельского хозяйства страны.

6. Продовольственная политика.

Свое отношение к крестьянскому хозяйству советская власть установила впервые на практике в области продовольственного дела. После октябрьской революции продовольствие армии, городов и фабрик, построенное при Временном Правительстве на принципе полной оплаты поставляемых крестьянами продуктов сельского хозяйства, пришло в полное расстройство. В первые 6 месяцев, ноябрь—апрель, продовольственные органы подавали в среднем по 3730 вагонов продовольственных хлебов в месяц, продолжая работать по

[1]) «Отчет народного комиссариата земледелия IX всероссийскому с'езду советов за 1921 г.», стр. 7.

инерции. Количества этого было явно недостаточно для пропитания городского и фабричного населения. Поэтому, народный комиссар продовольствия А. Цурюпа вошел в Совет Народных Комиссаров с докладом, в котором указывал на необходимость организации товарообмена с деревней. «Анализ существующего положения, по его мнению, приводит к выводу, что только снабжение деревни тем, чего она требует, т. е. предметами первой необходимости, может вызвать на свет спрятанный хлеб. Все другие меры лишь паллиативы.» Товарообмен этот должен был быть организован на уравнительных, коммунистических началах, — «таким образом, что известная единица (напр. волость) получает мануфактуру, сельско-хозяйственные орудия и т. д. пропорционально сданным продовольственным продуктам (напр. 1 арш. на 1 пуд. хлеба) и распределяет товар между своими членами равномерно. Таким образом, в ссыпке хлеба становится заинтересованным все население волости, и бедные понудят имеющих хлеб к его сдаче. Население, конечно, заранее оповещается о новой мере. Разумеется, не вся плата за хлеб производится товарами, разница доплачивается по прежнему деньгами» [1]).

Совет народных комиссаров согласился с этими соображениями и выдал 25 марта комиссариату продовольствия 1162 милл. рублей, — около 17—20 милл. рублей в переводе на золото, — на приобретение нужных крестьянам товаров, с помощью которых предполагалось получить из деревни до 120 милл. пуд. хлеба. 2 апреля был издан декрет о товарообмене, запрещавший обмен товаров на хлеб без разрешения комиссариата продовольствия. В инструкции комиссариата продовольствия по товарообмену мы находим следующия положения: в пределах каждого уезда товар распределяется

---

[1]) Орлов. «Продовольственная работа советской власти», стр. 182-183.

между волостными и районными об'единениями пропорционально количеству хлеба и других продовольственных продуктов, сданных населением, входящим в об'единение. Внутри волостного или районного об'единения распределение происходит по возможности равномерно по нормам, устанавливаемым самим об'единением, под контролем губернских и уездных органов. Выдача товаров непосредственно отдельным сельским хозяевам за сданный ими хлеб ни в коем случае не допускается. Необходимо производить распределение товара между всем нуждающимся населением внутри указанных об'единений, дабы побудить неимущих воздействовать на имеющих хлеб, понуждая к его сдаче. Собираемый хлеб оплачивается по норме $1/4$ товарами, $3/4$ деньгами.

Так в первом же органическом мероприятии советской власти по продовольственному делу нашел свое выражение тот основной принцип ее экономической политики, — принцип коммунистической уравнительности, — который проводит глубокое качественное различие между продовольственными мероприятиями сов. власти и Врем. Правительства.

Как говорит один из главных руководителей продовольственной политики, коммунист А. Свидерский, принцип этот — классовый принцип, лежащий в основе советской продовольственной политики и выражающийся в проведении продовольственной повинности в деревне таким образом, чтобы она падала наибольшей своей тяжестью на зажиточные слои сельского населения, не была по возможности обременительной для середняка и не затрогивала бедняка, и чтобы в то же самое время снабжение деревни товарами в порядке обязательного коллективного товарообмена происходило по линии преимущественного удовлетворения нужд бедняков и крестьян среднего достатка... Неимущие и малоимущие снабжаются предметами личного потребления преимущественно перед зажиточными слоями населения. Предметы же, пригодные для хозяйственного потребления, в большем

количестве отпускаются мелким хозяйствам, чем крупным. Имеется определенная тенденция дать больше бедняку» [1]).

Обмен предполагает равноценность обмениваемых товаров, их эквивалентность. Товары, получаемые из города, по своей ценности должны быть равновелики ценности продуктов, отдаваемых крестьянином. В том «товарообмене», который проектировался советской властью в апреле 1918 г., очевидно, никакого обмена не было. Мы имеем в нем дело с распределением по принципам коммунистической уравнительности: больше всего товаров должны были получить те крестьянские дворы, которые меньше всего производили и еще меньше сдавали. Как рассказывает другой ответственный работник по продовольствию, коммунист М. Фрумкин, «в 1918—19 сельско-хозяйственном году, когда товаров у нас было несколько больше, кое-что попадало и сдатчикам сельско-хозяйственных продуктов, но по мере сокращения наших товарных фондов губ. исполнительные комитеты задерживали значительную часть «товарообменного фонда» для удовлетворения городских нужд, и лишь незначительная часть, во всяком случае, не больше половины, попадала в деревню, где распределение шло в первую очередь среди пролетарских и полупролетарских элементов. Состоятельные крестьяне проводили пассивный бойкот нашего, так называемого, товарообмена. Коллектив мог получать от продовольственного органа через потребительное общество причитающиеся ему по душевым нормам товары лишь только в том случае, если сельский совет представлял в уездный продовольственный комитет зачетные квитанции, полученные от сдатчиков хлеба. Состоятельные крестьяне во многих местах рвали квитанции или производительно использовывали их на цыгарки, приговаривая: если нам товары не достаются, то пусть и эти лодыри (беднота) ничего не получают» [2]).

[1]) «Три года борьбы с голодом», 1920, стр. VIII-IX.
[2]) «Четыре года продовольственной работы», 1922, стр. 69.

Такая организация продовольственного дела убивала у хозяйственных мужиков, у которых только и был хлеб, какую бы то ни было заинтересованность в поставке хлеба на сельские пункты и вообще в производстве хлеба сверх потребностей своей семьи.

Результатом было дальнейшее падение продовольственного снабжения. Если в ноябре 1917 — апреле 1918 г. месячная поставка хлеба равнялась 3730 вагонам, то после декрета 2 апреля, выявившего основные начала продовольственной политики советской власти, она пала еще ниже[1]):

Май	1 622	ваг.
Июнь	1 086	»
Июль	707	»
Август	784	»

Острота продовольственного положения привела к эксцессам. Уже в марте в народный комиссариат продовольствия поступил целый ряд сведений о самовольных захватах и реквизициях местными органами общегосударственных продовольственных запасов, предназначенных для нужд населения всей России, а также продовольственных грузов идущих в адреса голодающих губерний. В мае было констатировано, что, чтобы жить со дня на день, железные дороги реквизируют пересылаемые по ним грузы хлеба и топлива.

Необходимость реорганизации постановки продовольственного дела была очевидна. Самым правильным было бы отказаться от уравнительных начал распределения и построить продовольственную политику на личном интересе крестьян, держателей хлеба. Но такое решение было бы изменой коммунистическим принципам, отказом от борьбы за преобразование всего мира на началах коммунистического равенства.

---

[1]) Орлов. «Продовольственная работа советской власти», стр. 339.

Советская власть предпочла другой исход. Она об'явила поставку всех «излишков», — сверх 1 пуда на душу в месяц, — государственной повинностью и решила проводить ее мерами государственного принуждения. Если власть, за недостатком организационных сил, не могла национализировать все 18 миллионов крестьянских хозяйств, то она считала осуществимой и нужной национализацию дохода с этих хозяйств, оставляя самим крестьянам минимум средств существования.

13 мая 1918 г. был издан декрет о продовольственной диктатуре, подтверждавший незыблемость хлебной монополии и твердых цен и обязывавший каждого владельца хлеба все избытки, сверх количества, необходимого для обсеменения полей и личного потребления по установленным нормам до нового урожая, заявить к сдаче в недельный срок. Декрет призывал всех трудящихся и неимущих крестьян к немедленному об'единению для беспощадной борьбы с кулаками, об'являл всех имеющих излишек хлеба и не вывозящих его на ссыпные пункты врагами народа, которых надлежит заключать в тюрьму на срок не менее 10 лет, подвергать все их имущество конфискации и изгонять навсегда из общины. В случае противодействия отбиранию хлеба или иных продовольственных продуктов декрет угрожал применением вооруженной силы.

В этой национализации доходов крестьянского хозяйства советская власть предполагала сначала опереться на сельский пролетариат и полупролетариат, безземельных, малоземельных и малоскотных крестьян. 11 июня 1918 г. был издан декрет об организации деревенской бедноты в особые комитеты, в задачи которых входило оказание содействия местным продовольственным органам в из'ятии хлебных излишков из рук кулаков и богатеев. Декрет стремился материально заинтересовать деревенскую бедноту в возможно срочном отобрании всех хлебных излишков у населения.

Эти комитеты бедноты внесли классовую борьбу в деревню. Пополненные в производящих губерниях выходцами из голодающих губерний, располагающие и властью, и оружием, они осенью и зимой 1918—1919 г. пытались провести перераспределение в свою пользу земли, скота, инвентаря, хлеба и вообще всех сельско-хозяйственных запасов, присваивая также и всю мануфактуру, поступающую в деревню. Ими были осуществлены в среде крестьянства принципы октябрьской революции. При этом они часто весь отбираемый у зажиточных крестьян хлеб брали в свою пользу, ничего не отправляя в голодающие столицы и фабричные города [1]). Таким образом, для целей комиссариата продовольствия комитеты эти оказались мало надежны. В богатых хлебом губ. они были слабы, в голодающих-сильны, но их сила не находила надлежащих об'ектов приложения в виде больших запасов хлеба. Наконец, против комитетов бедноты об'единились и выступили в форме вооруженных восстаний все другие слои деревни, что вынудило VI всеросс. с'езд советов (6—9 ноября 1918 г.) распустить их, как государственные организации, восстановив в своих правах сельские и волостные советы. Комитеты бедноты существовали и в 1919 г., но уже как частныя организации. На Украине они существовали еще в 1921 г., существуют и сейчас [2]).

Таким образом, попытка советской власти опереться в своей продовольственной политике на деревенскую бедноту кончилась неудачей.

И в этом деле власти пришлось обратиться к единственной своей надежной опоре в стране — к городскому пролетариату.

---

[1]) Орлов. «Продовольственная работа советской власти», стр. 37—6.

[2]) На VIII с'езде советов, в декабре 1920 г. Раковский говорил: «мы находимся в периоде комбедов на Украине и вся наша политика продовольственная и земельная предполагает аппарат этих комбедов». «Восьмой всероссийский с'езд советов», стр. 232.

С момента издания декрета о продовольственной диктатуре советскою властью была осознана необходимость создать такой аппарат, при помощи которого было бы возможно осуществлять принудительным порядком, путем применения вооруженной силы, задания ее продовольственной политики. Поэтому, уже 20 мая 1918 г. при народном комиссариате продовольствия было основано управление главного комиссара и военного руководителя всех продовольственных отрядов, реорганизованное затем в управление продовольственной армии.

Первоначально отдельные части продовольственной армии создавались от случая к случаю, когда и где понадобятся. Так возникли продовольственные отряды рабочих, продовольственные части из добровольцев, отряды из рабочих и надежных крестьян, членов комитетов бедноты. Вскоре, однако, главною основою этой армии стали рабочие отряды. 27 июня московским советом профессиональных союзов была созвана чрезвычайная конференция, на которой, после доклада о продовольственном положении, была выбрана военно-продовольственная комиссия. Первое время у нее не было определенной программы действий. Но после того, как 6 августа был издан декрет о привлечении к заготовке хлеба рабочих организаций в форме посылки ими продовольственных отрядов в хлебные губернии в целях покупки хлеба по твердым ценам или его реквизиции у кулаков, — в рабочих организациях началась стихийная работа по формированию отрядов, всего было командировано до 30 000 чел. Работа этих отрядов регулировалась инструкцией, изданной 20 августа. По инструкции, каждый отряд при отправке в полюдье должен состоять не менее как из 75 чел. при 2—3 пулеметах. Отряд, прибыв на место назначения, прежде всего организует комитет бедноты. Затем комитет бедноты совместно с политическим комиссаром отряда отдает приказ населению о сдаче всего имеющегося огнестрельного

оружия, часть которого передается комитету бедноты для сформирования дружины при комитете. После этого отряд приступает к переписи всех запасов хлеба, часть которого отчисляется для бедняков, не имеющих достаточных запасов своего хлеба, на продовольствие до нового урожая по установленным нормам. Продовольственные отряды эти формируются военно-продовольственным бюро всероссийского центрального совета проф. союзов. Н. Осинский называет их «образцом массового революционного творчества пролетариата» [1]).

В течение 1918—1919 г. продовольственная армия имела в своем составе, в разное время, от 20 000 до 45 000 чел. К концу 1919—1920 продов. года она равнялась 20 000 чел., в ноябре 1920 г. — 26 800 ч.

Рабочие отряды оправдали ожидания советской власти. В отчете о деятельности народного комиссариата по продовольствию за 1918—19 год мы находим следующую характеристику результатов этого вооруженного похода на деревню. Во всех докладах губернских продовольственных комитетов «отмечается, что добровольная ссыпка хлеба не дала почти никаких результатов, и только в тех местностях, где были отдельные продовольственные отряды, удавалось учесть и собрать излишки хлеба . . . Даже в тех губерниях, где добровольная ссыпка хлеба в первое время была значительной, скоро оказалось невозможным собрать что-нибудь без продовольственных армейских частей. В Симбирской губернии хлеб сначала шел «самотеком», но вот крестьяне запаслись деньгами и хлеб перестал поступать на ссыпные пункты. Самая энергичная агитация не имела никакого успеха и Симбирский губернский продовольственный комитет настойчиво подчеркивает, что только благодаря обилию рабочих продо-

[1]) «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата», 1919, стр. 93, 94.

вольственных отрядов и отдельных продовольственных армейских частей, удалось собрать для голодающих центров громадное количество хлеба. Вообще, касаясь этого вопроса, губернские продовольственные комитеты указывают, что теперь с достаточной ясностью определилась полная невозможность осуществлять в будущем хлебную монополию без продовольственных армейских частей, спаянных прочной и строгой военной организацией... Такова логика жизни и было бы бессмысленно против нее бороться» [1]).

В дальнейшем, в 1919 г., в эту систему из'ятий вооруженной рукой городского пролетариата из крестьянских хозяйств всех продовольственных излишков, — из'ятий, после которых целые губернии впадали иногда в состояние голода, — было введено только одно усовершенствование. Именно, была введена разверстка установленного в центре контингента, подлежащего сбору, между губерниями, уездами и волостями. Волостные и сельские советы распределяли назначенный на волость и селение контингент между отдельными плательщиками. Такая система раскладки была необходима, как средство усиления деятельности продовольственных отрядов.

Наряду с разверсткою практиковался и товарообмен. Но он никогда не давал значительных результатов, ибо продукты промышленности расценивались обычно комиссариатом продовольствия втрое выше, чем продукты сельского хозяйства [2]).

О том, насколько успешно применялась система национализации всех «излишков» в крестьянском хозяйстве, можно судить по следующим данным.

---

[1]) «Второй год борьбы с голодом», 1919, стр. 6.

[2]) Ларин и Крицман. «Очерки хозяйственной жизни и организация народного хозяйства Советской России», 1920, стр. 22; «Четыре года продовольственной работы», 1922, стр. 74.

Всего предполагалось на территории Р. С. Ф. С. Р. без Украины и Туркестана заготовить хлебно-фуражных продуктов и было фактически заготовлено (в милл. пуд.):

Годы	предп. заготовить	заготовлено
1916 — 17	426,3	323,1
1917 — 18	—	47,5 [1]
1918 — 19	260,1	107,9
1919 — 20	319,4	212,5
1920 — 21	423,0	283,9
1921 — 22	167,7	151,3
1922 — 23	245,8	—

Таким образом, мы должны признать, что «в священной войне за хлеб» пролетарий одержал победу над крестьянином, город — над деревней. Вооруженный поход за хлебом на деревню хотя и вызвал бесконечный ряд крестьянских восстаний, широко раскинувшихся по стране (я помню, в феврале 1919 г. в Москве говорили, что крестьянские восстания происходят в 64 уездах), но все эти движения крестьян скоро были подавлены, и победа осталась на стороне лучше вооруженных и организованных городских рабочих. Они сохранили за собою политическую и экономическую диктатуру, приобретенную в октябрьские дни. Внесение классовой борьбы в деревню позволило им национализировать весь доход крестьянского хозяйства. Если они не могли национализировать 18 миллионов крестьянских хозяйств, так как у них не было сил организовать в них производство на новых началах, — как они сделали в национализированной крупной промышленности, — то они осуществили всё же национализацию продуктов в этих 18 миллионах хозяйств. Для этого городскому пролетариату нужно было обладать только оружием и решимостью применять его, не стесняясь никакими «моральными предрассудками». Тем и другим он обладал в избытке.

[1] А без заготовок при Временном Правительстве — 30 милл. пуд.

Так был реализован своеобразный строй национализации не хозяйств, а продуктов этих хозяйств, распределявшихся далее на коммунистически уравнительных началах. Этот опыт введения коммунистического строя в крестьянской стране дал чрезвычайно показательные результаты.

Естественно, что крестьяне были заинтересованы в продолжении производства лишь той части их хозяйства, которая служила их личному потреблению, и совершенно не были заинтересованы в производстве так называемых «излишков». Другими словами, крестьянин вовсе не пожелал быть столь коммунистически-добродетельным, чтобы задаром отдавать городу и свой труд, и продукты этого труда. Тому самому городу, который шел на него с оружием, с насильническими отрядами, и ничего не давал взамен, ничего не производил, ничем не помогал разоренному крестьянскому хозяйству. Поэтому, вся та часть продуктов, которая раньше предназначалась на рынок, попросту перестала производиться. Крестьянин ушел в свое деградировавшее до чисто натуральной формы хозяйство, как рак-отшельник уходит при малейшей опасности в свою раковину.

7. Государственное регулирование крестьянского хозяйства.

К осени 1920 г. упадок крестьянского хозяйства принял столь угрожающие размеры, что Н. Осинский в статьях в «Правде» заговорил о кризисе этого хозяйства. Он признавал, что «усиленная заготовка продовольствия в центральных производящих губерниях несомненно способствовала кризису». Но рядом действовала и другая причина. «Кризис крестьянского хозяйства порождался также недостаточно глубоким преобразованием общественных отношений в деревне, столкновением буржуазных отношений, сохранившихся в ней, с неизбежно прокладывавшими себе дорогу новыми

социалистическими формами. Система хлебной монополии была, например, социальным фактором, подрывавшим основы буржуазного порядка в деревне. Она постепенно выросла до системы монополии на все сельско-хозяйственные продукты... Она не уживается с частным хозяйством в деревне. Не раз отмечалось, что у мелких хозяев пропадают стимулы к поддержанию и развитию своего хозяйства. Они нередко пытаются сокращать посевы и вообще сводить хозяйство к потребительскому уровню.» Отсюда Осинский делает вывод, что «единственный выход — подчинение государственной дисциплине и в области сельско-хозяйственного производства». Нужно «принудительное государственное регулирование сельско-хозяйственного производства в целом, регулирование, которое будет проникать все глубже и перейдет в государственную организацию этого производства». Другими словами, от национализации дохода крестьянского хозяйства Осинский предлагает перейти к национализации самаго хозяйства.

Начинать эту национализацию 18 миллионов крестьянских хозяйств надобно с введения принудительного засева и нормализации техники обработки земли. «Центр работы социалистического строительства — в массовом принудительном вмешательстве государства. Оно начинается с борьбы против недосева. Пред'является требование засеять обязательно весь яровой (или озимый) клин своими средствами и своими семенами... На будущий год к этому первому пласту может уже добавиться следующий: примитивные указания, чем именно засевать (скажем, например, овсом, а не в обход разверстки другими кормовыми средствами), и как обрабатывать землю (регулирование обязательными постановлениями времени первой вспашки, повторения ее, обязательной вывозки навоза и проч.). Следующий пласт — взятие на учет и мобилизация людей, лошадей и инвентаря, как для организованного выполнения предшествующих тре-

бований, так и для переброски туда, где не хватает рабочих рук и средств производства. Далее идет полное регулирование севооборота, затем превращение индивидуальных полос в общественное поле с общественной запашкой. При этом присвоение полученного продукта (за исключением семенного фонда) долго может оставаться индивидуальным, с применением системы премий за наилучшую работу.» Осинский думает, что в каждой губернии можно установить «нормальную программу основных операций по обработке земли для крестьянского хозяйства: время запашки (не считаясь с праздниками), обязательное повторение ее, нормальные приемы бороньбы, посева, вывозки навоза и т. п. Эта нормальная программа операций об'является государственной повинностью, за ее соблюдением устанавливается тщательный контроль и виновные в ее неисполнении подлежат наказаниям вроде штрафных нарядов и имущественных взысканий, вплоть до отобрания всего имущества и его передачи старательным хозяевам — беднякам» [1]).

Мысль Осинского о своевременности приступа к овладению крестьянским хозяйством в целях его перестройки на коммунистических началах имела шумный успех. Это было какое-то откровение, в которое все сразу уверова[ли].

На восьмом всероссийском с'езде советов в дек[абре 1]920 г. Ленин говорил: «Наверное, не встретится теперь [ни]одного товарища, который сомневался бы в необ[ход]имости специальных и особенно энергичных мер помощи [не] только в смысле поощрения, но и в смысле понуждения, чтобы земледельческое производство поднять . . . В стране мелкого крестьянства наша главная и основная задача — суметь перейти к государственному принуждению, чтобы крестьянское хозяйство поднять, начиная с мер самых необходимых,

[1]) Н. Осинский. «Государственное регулирование крестьянского хозяйства», 1920, стр. 6-8, 9-10, 18, 24.

несложных, вполне доступных крестьянину, вполне ему понятных» [1]).

VIII с'езд советов принял резолюцию о мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства, заключающую в себе целую программу государственного регулирования крестьянского хозяйства. В этом постановлении об'является государственной повинностью обсеменение площади земли, устанавливаемой государственным планом посева. Запасы семян у хозяев об'являются неприкосновенным семенным фондом и принимаются меры к внутри-губернскому распределению семян. Губернским посевным комитетам предоставляется право издавать обязательные правила, касающиеся основных приемов механической обработки полей и улучшения лугов, производства посевов и способов сохранения естественного плодородия почвы; устанавливать в селениях правильное использование живого и мертвого инвентаря.

Это постановление VIII с'езда советов представляет собою кульминационную точку развития коммунистической политики в аграрном вопросе.

Если бы оно было проведено на практике, разрушение сельского хозяйства пошло бы тем же ускоренным темпом, каким коммунистические мероприятия разрушали национализированную крупную промышленность.

Но оно никогда осуществлено не было.

8. Переход к новой экономической политике.

Ленин, 22 дек. 1920 г. говоривший на VIII с'езде советов за государственное принудительное регулирование крестьянского хозяйства, 15 марта 1921 г. на X коммунистическом с'езде произнес свою знаменитую речь, в которой заявил с

[1]) «Восьмой всероссийский с'езд советов», стр. 21-22.

тказе не только от государственного регулирования рестьянского хозяйства, но и от национализации его дохоа. Ленин говорил в этой речи:

«Разверстка предполагала из'ять все излишки, установить обязательную государственную монополию. Мы не могли поступить иначе, мы были в состоянии крайней нужды. Теоретически это не обязательно принимать, что государственная монополия есть наилучшее с точки зрения социализма. Как переходную меру в стране крестьянской, которая имеет промышленность и промышленность работает, и если есть некоторое количество товаров, возможно применить систему налога и свободного оборота. Этот самый оборот — стимул, побудитель, толчек для крестьянина. Хозяин может и должен стараться за свой собственный интерес, потому что с него не возьмут всех излишков, а только налог, который, по возможности, будет определен заранее. Основное, чтобы был стимул, побудитель, толчек мелкому земледельцу в его хозяйствовании. Нам нужно строить нашу государственную экономику применительно к экономике середняка, которую мы за три года не могли переделать и еще за десять лет не переделаем» [1].

Начав с крестьянского хозяйства, Ленин кончил государственной экономикой. И крестьянское хозяйство, и крупная промышленность, и все народное хозяйство в целом должны строиться на личной хозяйственной заинтересованности и частной инициативе.

И далее: «что же такое свобода оборота? Свобода оборота, это есть свобода торговли, а свобода торговли, значит назад к капитализму. Свобода оборота и свобода торговли, это значит товарный обмен между отдельными мелкими хозяевами. Мы все, кто учился хотя бы азбуке марксизма, знаем, что из этого оборота и свободы торговли неизбежно вытекает деление товаропроизводителя на владельца капи-

[1] «X с'езд коммунистической партии», 1921, стр. 226-7.

тала и на владельца рабочих рук, разделение на капиталиста и на наемного рабочего, т. е. возсоздание снова капиталистического наемного рабства, которое не с неба сваливается, а выростает во всем мире именно из товарного земледельческого хозяйства. Это мы прекрасно знаем теоретически, и в России всякий, кто присматривался к жизни и к условиям хозяйства мелкого земледельца, не может не наблюдать этого. Спрашивается, как же так, может ли коммунистическая партия признать свободу торговли, к ней перейти? Нет ли тут непримиримых противоречий?.. Можно ли до известной степени восстановить свободу торговли, свободу капитализма для мелких земледельцев, не подрывая этим самым корней политической власти пролетариата? Можно ли это? Можно, ибо вопрос — в мере... Мы можем в порядочной степени свободный местный оборот допустить, допустить, не разрушая, а укрепляя политическую власть пролетариата. Как это сделать — это дело практики»[1]).

В специальной брошюре, посвященной вопросу о продовольственном налоге, Ленин говорит:

«Политическая обстановка к весне 1921 года сложилась так, что немедленные, самые решительные, самые экстренные меры для улучшения положения крестьянства и под'ема его производительных сил стали неотложно необходимы... Сделать это нельзя без серьезных изменений продовольственной политики. Таковым изменением явилась замена разверстки продовольственным налогом, связанная со свободой торговли после уплаты налога, по крайней мере, в местном хозяйственном обороте... Что же из этого получается? Получается на основе известной (хотя бы только местной) свободы торговли возрождение мелкой буржуазии и капитализма. Это несомненно... Закрывать глаза на это смешно. Как мелкое, но имеющее всё же значение, обстоятель-

[1]) Там же, стр. 223-4.

ство, надо отметить необходимую перемену в принципиальной постановке вопроса о борьбе со спекуляцией. «Правильную» торговлю, не уклоняющуюся от государственного контроля, мы должны поддержать, нам выгодно ее развить. А спекуляцию нельзя отличить от «правильной» торговли, если понимать спекуляцию в смысле политико-экономическом. Свобода торговли есть капитализм, капитализм есть спекуляция, закрывать глаза на это смешно. Как же быть? Об'явить спекуляцию безнаказанной? Нет. Надо пересмотреть и переработать все законы о спекуляции, об'явив наказуемым (и преследуя фактически с тройной против прежнего строгостью) всякое хищение и всякое уклонение, прямое или косвенное, открытое или прикрытое, от государственного контроля, надзора, учета. Именно такой постановкой вопроса . . . мы и добьемся того, чтобы направить неизбежное, в известной мере, и необходимое нам развитие капитализма в русло государственного капитализма» [1]).

Эти разсуждения Ленина дают некоторое представление об об'еме той перемены в экономической политике, которая скромно называется заменою продовольственной разверстки продовольственным налогом. Вся экономическая политика советской власти, после осознанного ее руководителями банкротства коммунистических принципов, должна была получить иное направление и содержание.

Конечно, прежде всего в отношении к крестьянскому хозяйству, которое при коммунистическом направлении политики деградировало до чисто потребительского типа, и в котором нужно было развить его производственные элементы. Как правильно констатирует отчет народного комиссариата земледелия за 1921 г., переход к продовольственному налогу — «это не только уступка крестьянству, это стремление поставить в качестве основного принципа сель-

[1]) В. Ленин. «О продовольственном налоге», 1921, стр. 12, 13, 15, 26.

ско-хозяйственной политики личную заинтересованность отдельного крестьянина» [1]).

Затем — и во всем народном хозяйстве в целом, захиревшем под мертвящим влиянием коммунистической политики. Как сказано в одном издании по продовольственному делу, «продовольственный налог выступил на сцену потому, что обнаружившееся во всех областях хозяйства катастрофическое падение производства реальных ценностей, общее обнищание страны потребовали предоставления хозяйственной инициативы, под'ема хозяйственной самодеятельности населения, для которых не могло быть места при всеобщей монополии и всеобщей уравнительности» [2])

Так закончились попытки советской власти вложить коммунистические идеи в индивидуалистический череп крестьянина и перестроить на коммунистических началах его хозяйство.

---

[1]) «Отчет народного комиссариата земледелия за 1921 г.», стр. 21.

[2]) «Четвертая годовщина народного комиссариата продовольствия», 1921, стр. 11.

ГЛАВА III.

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

1. Высота народного дохода.

Чтобы определить результаты новой экономической поли-[ти]ки, мы должны прежде всего установить, какие цели [п]реследовала советская власть, изменяя характер своей эко-[но]мической политики, и какое содержание она вкладывала в [св]ой новый курс.

Основною, наиболее характерною особенностью периода [ко]ммунистической политики, с апреля 1918 г. по март [1]921 г., — периода, который представители советской власти [с]тыдливо называют теперь периодом военного или окопного [к]оммунизма, как будто политика этого периода не дикто-[в]алась программою коммунистической партии, выработан-[н]ой на 8-ом с'езде этой партии в марте 1919 г. и не была [п]ринята в расчете на близкую революцию в Западной Евро-[п]е, — является стремление построить все производство и [р]аспределение материальных благ не на личной хозяйствен-[н]ой заинтересованности и хозяйственном расчете всей массы [н]аселения, а на распоряжении советской власти, испол-[н]яемым населением добровольно или по принуждению. При [т]акой системе органы правительства устанавливают и план [п]роизводства материальных благ, и план их распределения. [В] области промышленности эта система выразилась в нацио-[н]ализации всей крупной промышленности и замене заработ-[н]ой платы системою социального обеспечения, в области [с]ельского хозяйства — в об'явлении всех «излишков» в крестьянском хозяйстве собственностью государства и по-пытках регулирования крестьянского хозяйства.

Результатом такой бесхозяйственной организации народного производства и распределения материальных благ явилось прежде всего катастрофическое падение народного дохода.

Об учете этого дохода, за отсутствием необходимых для того статистических материалов, не может быть и речи; возможна лишь более или менее обоснованная оценка его величины.

Коммунистическая политика советской власти особенно разрушительное влияние оказала на крупную промышленность. Наиболее полные данные о современном ее состоянии опубликованы руководителем Центр. статистического управления П. Поповым [1]). По этим данным добывающая и обрабатывающая промышленность в пределах нынешней Советской России, но без Сибири и Туркестана, производила следующее количество готовых продуктов и полупродуктов в милл. золотых рублей по ценам до-военного времени:

Годы	Готов. продукты	Полуфабрикаты	Всего
1912	3721,4	2337,8	6059,2
1920	517,6	318,2	835,8
1921	585,2	284,8	870,0
1922	705,0	264,5	969,5

Цифры 1922 г. носят предположительный характер. Принимая производительность 1912 г. за 100, мы получим следующие числа — показатели:

1912	100	100	100
1920	13,9	13,6	13,8
1921	15,7	12,2	14,4
1922	18,9	11,3	16,0

[1]) «На новых путях». Итоги новой экономической полит... 1921—1922 г.г. Вып. III. промышленность, 1923, стр. 178, 180-1, ... в той же статье на стр. 184, 186, 187, 205, 208, 209 приведены ... гие данныя, противоречащие как между собой, так и той групп... данных, которую мы цитируем.

Это — цифры валовой, а не чистой производительности. Напр., в учете производства текстильных фабрик Попов берет стоимость произведенных ими тканей без всяких вычетов. Между тем, для производства этих тканей нужна была затрата сырых материалов, хлопка, льна и шерсти, стоимость которых учитывается в производительности сельского хозяйства. На производительные ткани была перенесена также ценность сожженного топлива и снашивания машин. Чтобы определить чистую с народно-хозяйственной точки зрения производительность промышленности, мы должны вычесть из валовой производительности эти материальные затраты. Тогда для 1921 г. мы получим, приблизительно, следующий рассчет.

Из 870 мил. руб. валового производства 88 мил. руб. пает на добывающую промышленность. Эта цыфра может ыть оставлена без вычетов. Остальные 782 мил. руб. прися на обрабатывающую промышленность. По данным г. [1]), чистая производительность в фабричной промышенности составляет 26 % валовой, — следовательно, для 1921 г. она будет равна 203,3 мил. руб. Затем, по данным Попова, производительность ремесленной и кустарной мышленности в 1921 г. равнялась 260 мил. руб. [2]). Итого мил. руб., — или, считая население Советской России бири, Киргизии и Туркестана равным 108,2 мил. че), 5,1 руб. на душу.

рактерно, что под властью коммунистов ремесленная и старная промышленность сохранилась гораздо лучше фаричной-заводской. По данным г. Попова [4]), ее производиельность равнялась в % от производства готовых продукв всеми видами промышленности:

Опыт исчисления народного дохода 50 губ. Европейской Рос- 1900 — 1913 гг., Москва, 1918, стр. 53.
«На новыхи путях», вып. III, стр. 188.
ам же, стр. 208.
) Там же, стр. 188-9.

В 1912 г.	16,4 %
» 1920 »	27,1 %
» 1921 »	30,8 %
» 1922 »	35,9 %

Значительно менее пострадало от действий советской власти сельское хозяйство. Национализировать 18 миллионов крестьянских хозяйств было невозможно, а потому и меры воздействия на них носили более поверхностный, а следовательно, и менее разрушительный характер.

Так как в 1921 г. был неурожай под влиянием засухи на юго-востоке, юге и востоке России, — момента случайного, — то мы будем учитывать не фактическую производительность 1921 г., а вероятную, — ту, которая получилась бы при нормальных метеорологических условиях.

Самым лучшим показателем этой производительности является размер посевных площадей.

Реквизиции скота, отбирание у крестьян продукто[в] хозяйства под видом продовольственной разверстки, пре[сле]дования хозяйственных мужиков, сеющих больше других, — все эти моменты заставляли крестьян сокращать свои посевы до прожиточного минимума семьи. Таким образом, крестьянское хозяйство приобрело натуральный характер, денежные элементы в нем были уничтожены. Попытка в кон[це] 1920 г. подвергнуть крестьянское хозяйство государств[ен]ному регулированию путем установления из центра, что[,] како[м] количестве и как должен сеять каждый крестьянин, конечно, только еще больше напугала крестьян и заставила их еще глубже уйти в натуральный строй хозяйства.

К сожалению, мы не имеем точных данных о размерах посевных площадей; мы будем руководствоваться данными, опубликованными народным комиссариатом земледели[я в] своем отчете за 1922 г. По этим данным, изменение по[сев]ных площадей на территории нынешней Советской Рос[сии] шло следующим образом (в мил. десятин):

В 1913 г.	87,4
» 1916 »	79,2
» 1920 »	62,3
» 1921 »	54,9
» 1922 »	49,2

Основываясь на этих данных мы можем принять, что в 1921 г. производительность сельского хозяйства упала до 62,8 % ее довоенных размеров. Влияние засухи и неурожая нами из рассчета устраняются.

По другим подсчетам, падение производительности сельского хозяйства еще более значительно. В одном из своих подсчетов отдел текущих срочных заданий управления сельско-хозяйственной экономии и плановых работ комиссариата земледелия исчислял сокращение народного дохода от сельского хозяйства на одну душу населения до одной трети до-военного дохода [1]). По данным г. Вайнштейна, продукция крестьянского хозяйства в 1920 г. составляла 54,5 % довоенной [2]).

Так как до войны мы вывозили около 20 % производимого в России хлеба, то в 1921 г. и без засухи и неурожая мы имели бы недобор в 17 % для нормального пропитания населения, а в 1922 г. — недобор даже в 24 %. От этого недобора, проистекающего от сокращения посевных площадей в крестьянском хозяйстве и уничтожения в крестьянах всякой охоты производить хлеб на продажу, страдает главным образом городское население, с 1918 г. находящееся в Советской России в состоянии хронического голода.

Попытаемся теперь на основании этих данных определить вероятные размеры ее народного дохода. Если к 1921 г. производительность сельского хозяйства упала до 62,8 % ее довоенных размеров, производительность промышленности — до 16,8 %, то прочие более мелкие отрасли народного

[1]) Отчет народного комиссариата земледелия 9-ому всероссийскому с'езду советов за 1921 г., стр. 20.

[2]) Сельское и лесное хозяйство, 1922 г., № 1-2, стр. 222.

хозяйства, не пользовавшиеся особым покровительством власти, пали еще более. Мы вряд ли на много ошибемся, если примем их производительность равной 10 % довоенной. Тогда мы будем иметь следующие размеры народного дохода на душу:

	1913 г.	1921 г.
Сельское хозяйство	48 р. 34 к.	30,4 р.
Промышленность	22 » 3 »	5,1 »
Прочие отрасли	30 » 98 »	3,1 »
Всего . . .	101 р. 35 к.	38,6 р.

Итого 38,6 руб. золотом на человека. При 115,6 милл. населения это даст общий народный доход в 4 500 миллионов рублей.

В виду слабой статистической обоснованности нашего рассчета, особый интерес представляет сравнение полученной нами цифры с цифрами других экономистов, занимавшихся вопросом о величине народного дохода современной советской России. Е. Преображенский (из комиссариата финансов) для 1920 г. принимает цифру народного дохода в $4\frac{1}{2}$—5 миллиардов золотых рублей по довоенным ценам [1]). Л. Н. Юровский полагает, что производительность нашего народного хозяйства составляет в данный момент 30 % довоенной, т. е. 4 миллиарда рублей [2]). Русская делегация на Генуэзской конференции в своем меморандуме от 20-го апреля определяет, по «наиболее оптимистическим рассчетам», современный народный доход России в 4 миллиарда рублей [3]). Ассоциация русских промышленников также принимает народный доход России равным 4 миллиард. руб., или 31 руб. на душу [4]). Комитет представителей русских банков в Париже в одном случае определяет народный доход в

[1]) Е. Преображенский. «Вопросы финансовой политики», 1921, стр. 3; «За 5 лет», 1922, стр. 321.

[2]) «Экономическое Возрождение», 1922, № 1, стр. 12.

[3]) Ministère des affaires étrangères. Conférence économique internationale de Gênes, 1922, стр. 69.

[4]) La débacle des Soviets, стр. 31-2, 33.

3 миллиарда руб., в другом — утверждает, что как доход страны, так и ее капитал сократились до одной трети, — следовательно, доход сократился приблизительно до 4 200 милл. руб. [1]). Наконец, С. С. Маслов считает, что современный доход населения, по оптимистическому подсчету, составляет 31,5 % от дохода 1913 г., а по более строгому подсчету — только 26 % [2]). Это составляет 4 000 или 3 300 милл. руб.

По П. П. Гензелю, «совокупный доход всего русского народа может быть исчислен в настоящее время не более 4—4½ миллиардов руб. золотом в год» [3]). По П. Исиченко, «наш национальный доход в настоящее время, исчисляется в сумме, не превышающей 4—5 миллиардов рублей» [4]).

По мнению Ф. Менькова, «в настоящее время народный доход едва ли превышает 4½ миллиарда довоенных рублей. Таким образом мы стали беднее в три раза по сравнению с довоенным временем, больше всего пострадала наша промышленность. Доля народного дохода от промышленности исчислялась в пять миллиардов, теперь она дает около одного миллиарда. Сельское хозяйство пострадало также, но сравнительно меньше. Вместо 6 миллиардов его доля в народном доходе в 1921 г. исчисляется около 2,8 миллиардов, что дает на душу сельско-хозяйственного населения 28 руб. и если принять во внимание довоенные нормы потребления и рассматривать крестьянство, как целое, то окажется, что доход сельско-хозяйственного населения только лишь наполовину покрывает его потребности. Ремесла пострадали сравнительно меньше, но и удельный вес их был не велик. Также и ку-

---

[1]) Memoires élaborés á l'occasion de la Conférence de la Haye 1922, стр. 7, 48.

[2]) С. Маслов. «Россия после 4-х лет революции», 1922, I, стр. 34-35.

[3]) «Очередные вопросы финансовой политики», 1922, стр. 36.

[4]) П. Исиченко. «Экономические предпосылки современного колебания цен на изделия промышленности», 1922, стр. 25.

старная промышленность — доля народного дохода, падающего на ремесло и кустарную промышленность, едва ли превысит полмиллиарда рублей . . . В настоящее время, во всяком случае, две трети нашего народного дохода дает сельское хозяйство» [1]). Также и по мнению А. А. Соколова, наш национальный доход, если его исчислить в ценах довоенного времени, в настоящее время вряд ли превышает 4—5 миллиардов рублей [2]).

Итак мы имеем следующие оценки-учеты народного дохода современной России (в миллиардах рублей):

Преображенский	4½—5
Юровский	4
Русская делегация в Генуе	4
Ассоциация промышленников	4
Банковские деятели	3 — 4,2
Маслов	3,3 —4,0
Гензель	4 — 4,5
Исаченко	4 — 5
Меньков	4½
Соколов	4 — 5

Таким образом, полученная мною цифра народного дохода в 4,5 миллиардов руб. ничего чрезвычайного собою не представляет. Она только несколько выше большинства других цифр; возможно, что она несколько преувеличивает действительность. Но для того, чтобы наши дальнейшие выводы были убедительны и бесспорны, лучше ошибка в сторону преувеличения размеров народного дохода, чем его преуменьшения.

Что же касается самых низких оценок народного дохода в 3,0—3,3 миллиарда руб., то мы должны признать их лишенными основания.

Итак, житель Советской России производит в год материальных ценностей всего на 38,6 руб.

---

[1]) «Очередные вопросы финансовой политики», сборник второй, 1922 г., стр. 40.

[2]) Там же, стр. 12, 34.

Подобный уровень жизн, — на 3 р. 20 к. в месяц, — европейцу трудно себе представить. На 3 р. 20 к. жить, конечно, нельзя ни при каких условиях. Этот низкий народный доход и является основной причиной высокой смертности населения за время коммунистической диктатуры. Особенно тяжело приходится городским жителям.

С 101 р. в год до 38 р. народный доход упал, конечно, не сразу. В его падении мы можем различать два момента: влияние мировой войны и хронологически последовавшее затем влияние коммунистической политики советской власти и порожденной ею гражданской войны. Чтобы обособить действие этих двух моментов, нам нужно было бы знать народный доход в 1916—17 г. По приблизительным подсчетам [1]), он равен 85,6 руб. на душу. Таким образом, мы имеем следующую эволюцию величины народного дохода на одного человека:

Годы	В рублях	В %
1913	101 р. 35 к.	100
1916—17	85 » 60 »	84,5
1921	38 » 60 »	38,1

Под влиянием разрушительного действия мировой войны, наш народный доход сократился на 15,5 %. Под влиянием политики советской власти, он упал на 46,4 %.

Такова сравнительная мера действия этих двух сил.

Что наш анализ в общем правилен, подтверждается данными о количестве обращающихся в стране денег. Количество это определяется нуждами товарообращения. Поэтому, по сокращению количества денег в стране мы можем, в известной мере, судить о размерах убыли количества товаров, обращающихся на рынке.

Чем больше выпускается бумажных денег, тем сильнее падает их цена, потому что страна нуждается лишь в таком ко-

[1]) С. Прокопович. «Война и народное хозяйство», изд. 2-е, стр. 173.

личестве денежных знаков, которое соответствует размерам товарной массы, обращающейся на рынке. Первая величина, количество выпущенных денежных знаков, зависит целиком от воли или произвола правительства. Вторая величина, курс этих бумажных денег в переводе на валюту или товары, их цена в материальных ценностях, в сильной степени зависит от количества выпускаемых в обращение денежных знаков. Но третья величина, — стоимость всей массы бумажно-денежного обращения, выраженная в золотых или товарных рублях, — при отсутствии кредита и денежных суррогатов, зависит почти исключительно от количества товаров на рынке и быстроты их обращения.

Поэтому, если мы разделим всю массу денежного обращения на индекс товарных цен, то получим стоимость всей массы денежного обращения в товарных рублях, показывающую, как велик спрос на деньги со стороны товарного рынка. Величина эта, с некоторыми оговорками, может служить показателем размеров товарного рынка в стране.

Посмотрим, как изменялась эта величина при старой коммунистической политике власти, до весны 1921 года.

Стоимость всей массы бумажно-денежного обращения в переводе на золотые рубли равнялась (в миллионах рублей):

1-го января 1917 г.	2421
» » 1918 »	1177
» » 1919 »	266
» » 1920 »	65
» » 1921 »	44

Цифры эти показывают, с какой катастрофической быстротой шло разрушение в стране, под влиянием коммунистической политики, ее товарного рынка и производительных сил. При этом не надо забывать, что до октябрьской революции у нас существовали и рассчетные палаты, и кредитные формы обращения товаров, и различные суррогаты денег.

2. Кризис в начале 1921 г.

Катастрофическое падение народного дохода привело к острому продовольственному и финансовому кризису. На содержании у государства состояло:

В 1918—19 г.	12 милл. душ.
» 1919—20 »	23 » »
» 1920—21 »	35 » »

Государство, взявши на себя заботу о содержании 35 милл. душ, должно было откуда-то черпать запасы продовольствия. Откуда? Только с крестьян. Но даже полное «из'ятие» излишков не могло покрыть всей потребности государства в хлебе. Наступил кризис, «задолженность» государства населению, всё менее и менее получавшему продуктов, но в то же время лишенному возможности проявить свою частнохозяйственную инициативу. Этот углубляющийся продовольственный кризис и привел к новой экономической политике, к снятию с плеч государства не покрывающих своего содержания едоков. В 1921—22 г. государство содержало уже только 5 милл. едоков.

Какое критическое положение пережила в то-же время советская казна, показывает следующий факт: эмиссия бумажных денег, на которой до сих пор строился весь бюджет советской власти, дала в первые 6 месяцев 1921 г. только 30 милл. до-военных руб., по 5 милл. руб. в месяц.

Несмотря на полную психологическую придавленность населения, народно-хозяйственный и финансовый кризис не мог не вызвать широкого недовольства существующей политической системой, выразившегося в Кронштадтском восстании в марте 1921 г. и в крестьянских бунтах в Зап. Сибири, Тамбовской и Саратовской губ.

Как велика была острота кризиса в начале 1921 г., можно видеть из речей Ленина. Свою речь 15 марта 1921 г. Ленин

начал следующим заявлением: «Вопрос о замене разверстки налогом является прежде всего и больше всего вопросом политическим, ибо суть этого вопроса состоит в отношении рабочего класса к крестьянству... Классов обмануть нельзя... Нам надо — согласно нашему миросозерцанию, 10-летнему нашему революционному опыту, урокам нашей революции — ставить вопросы прямиком: интересы этих двух классов различны, мелкий земледелец не хочет того, чего хочет рабочий. Мы знаем, что только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах... Крестьянство формой отношений, которые у нас с ним установились, недовольно, оно этой формы отношений не хочет и дальше так существовать не будет. Это бесспорно. Эта воля его выразилась определенно. Это — воля громадных масс трудящегося населения. Мы с этим должны считаться, и мы достаточно трезвые политики, чтобы говорить прямо: давайте нашу политику по отношению к крестьянству пересматривать... В основном положение такое, что либо мы должны экономически удовлетворить среднее крестьянство и пойти на свободу оборота, либо сохранить власть пролетариата в России, при замедлении международной революции, нельзя, экономически мы этого не сможем. Это надо ясно сознать и нисколько не бояться об этом говорить» [1]).

Еще определеннее и откровеннее говорил Ленин на следующем, 11-м с'езде коммунистической партии в марте 1922 г., когда он указывал на необходимость «смычки» между социалистическим строительством коммунистов и нуждами крестьян. Коммунисты должны доказать крестьянину делами, что мы ему умеем помочь, что коммунисты в момент тяжелого положения разоренного, обнищалого, мучительно голодающего мелкого крестьянина ему сейчас помогают на

[1]) «Десятый с'езд коммунистической партии», 1921, стр. 221, 222, 226.

деле. Либо мы это докажем, либо он нас пошлет ко всем чертям. Это совершенно неминуемо, и вот в чем значение новой экономической политики . . . Крестьянин нам кредит оказывает и, конечно, после пережитого не может не оказывать. Крестьянин в своей массе живет, соглашаясь — «ну, если вы не умеете, мы подождем, может быть, вы и научитесь». Но этот кредит не может быть неисчерпаемым. Это надо знать и, получивши кредит, все таки поторапливаться, надо знать, что приближается момент, когда крестьянская страна нам дальнейшего кредита не окажет, когда она, если можно употребить коммерческий термин, спросит наличными. «Но сейчас все-таки, после стольких месяцев и стольких лет отсрочки, вы, любезнейшие правители, приобрели самый верный, надежный способ помочь нам выйти из нужды, нищеты, голода, разорения? Вы умеете, вы это доказали?» Вот какой экзамен на нас надвигается неминуемо и он, этот экзамен, всё решит в последнем счете: и судьбу новой экономической политики, и судьбу коммунистической власти в России». «Капиталист умел снабжать. Он это делал плохо, он это делал грабительски, он нас оскорблял, он нас грабил. Мы это знаем, мы простые рабочие и крестьяне, которые не рассуждаем о коммунизме, которые не знаем, что это за штука такая. Но капиталисты же, те умели снабжать, а вы умеете? А вы не умеете! Ведь вот какие голоса в прошлом году весною, — не всегда ясно слышались, но подпочву всего кризиса, прошлогоднего весеннего кризиса составляли. Люди-то вы превосходные, но то дело, экономическое дело, за которое вы взялись, вы делать не умеете. Вот самая простая и самая убийственная критика, которую крестьянство в прошлом году, а через крестьянство целый ряд слоев рабочих, направляли против коммунистической партии . . . Рядом действует капиталист, действует грабительски, берет прибыли, но он умеет. А вы — вы по новому пробуете, прибылей у вас нет, принципы коммунистические, идеалы хорошие,

ну, расписаны так, что святые люди. В рай живыми проситесь, а дело делать умеете? Вот в проверку, в настоящую проверку, да проверку не такую, что центральная контрольная комиссия исследует и вынесет порицание, а всероссийский центральный исполнительный комитет назначит взыскание, нет, а проверку настоящую, с точки зрения народной экономики. Отсрочки коммунистам были даны всякие, в кредит было дано столько, сколько ни одному другому правительству не давалось. Конечно, коммунисты помогли избавиться от капиталистов, от помещиков, крестьянство это ценит и оно в кредит отсрочки давало, но всё до известного срока. А затем уже проверка: умеете ли вы хозяйничать не хуже, чем другие? Старый капиталист умеет, а вы не умеете». Хозяйственный кризис поставил коммунистов в гораздо более трудное положение, чем военные наступления белых армий. Ленин говорит о положении в 1921 г., что в это время коммунисты были «в гораздо более трудных условиях, чем при прямом нашествии белых» [1]).

В характеристике моментов, приведших к переходу на новую экономическую политику, Ленин останавливается только на народно-хозяйственной стороне дела. Другие коммунисты указывают также на значение крестьянских и рабочих восстаний. Так, ответственный работник по продовольственному делу М. Фрумкин говорит: «С переходом от продовольственной разверстки к продовольственному налогу мы очутились в чрезвычайно затруднительном переходном продовольственном положении. В подавляющем большинстве мест разверстка была невыполнена или сокращена, в виду политического перелома, наступившего после победы над Врангелем. Крестьянство, раньше мирившееся с отчуждением хлеба по разверстке, с отсутствием снабжения деревни товарами во имя победы над белогвардейскими генералами, за

---

[1]) «Одиннадцатый с'езд коммунистической партии», стр. 11, 12, 17.

спиной которых стояли помещики, с ликвидацией всех фронтов явно обнаруживало истощение своего терпения. Переход к продовольственному налогу и к допущению обмена излишков на необходимые крестьянству товары был неизбежен». «В конце марта (1921) мы провозгласили продовольственный налог и, как клапан для выхода накопившихся сил, грозивших нам взрывом, — местный торговый оборот»[1]). Другой коммунист, С. Базыкин, говорит еще определеннее: «Кронштадт и восстания крестьянства в других частях Р. С. Ф. С. Р. вырисовывали характерные контуры новой экономической политики, к которой они призывали и за которую шли, хотя, конечно, очень часто увлекались традициями капитализма гораздо дальше — к контр-революции. Трезвая же линия их протеста прекращалась как раз на требовании ликвидации «военного коммунизма». Переход к мирному строительству обусловливался необходимостью укрепления курса на середняка, как мелкого производителя»[2]).

Это банкротство коммунистической политики было осознано головкою коммунистической партии, и эта головка, чтобы сохранить политическую власть в своих руках, решилась на ликвидацию коммунистических начал в своей экономической политике.

Произошел не сгиб, а перелом политики. И перелом этот произошел как-то неожиданно, внезапно. Еще 11-го октября 1920 г. был издан декрет о бесплатности всех отпускаемых государством продуктов, а также оказываемых государством частным лицам и хозяйствам услуг. 25-го декабря 1920 г. Осинский говорил на 8-ом с'езде советов: «Что же нам дальше указывают? Говорят: установите определенную ставку (налога) на десятину. А за этими словами что скрыто? То, что останется остаток, и этот свободный остаток подлежит усмотрению производителя, т. е. им можно бу-

[1]) «Четыре года продовольственной работы», 1922, стр. 70, 64.
[2]) «Сельское и лесное хозяйство», 1922, № 1-2, стр. 193.

дет свободно торговать. А я скажу, что у нас не будет тогда продовольственного фонда, если провести продовольственный налог. У нас теперь нет товарного фонда, и мы открыто говорим крестьянину, что мы у него хлеб берем в ссуду для восстановления промышленности. А раз нет у нас товарного фонда, то никакие государственные заготовки, будь они по налогу или по разверстке, называйте их как хотите, никогда не пройдут, если параллельно начнется свободная торговля хлебом. Тогда все продукты уплывут в это русло. Открой только эту дверку, и моментально никакого хлеба не будет; и тот, кто раскрывает эту дверку к свободной торговле, тот ведет к краху нашей продовольственной политики и к разрушению нашего народного хозяйства»[1]. Через $2\frac{1}{2}$ месяца, 15-го марта 1921 г., были введены продовольственный налог и торговля хлебом. Наконец, 3-го февраля 1921 г., президиумом всероссийского центрального исполнительного комитета был одобрен и передан на утверждение мартовской сессии исполнительного комитета проект об отмене всех существующих государственных и местных денежных налогов и сборов. До утверждения этого законопроекта, взимание денежных налогов было постановлением президиума приостановлено. А через $1\frac{1}{2}$ месяца в основу государственного бюджета были положены денежные налоги.

Итак, целью столь внезапно установленного нового курса экономической политики был под'ем производительных сил страны, увеличение государственных доходов и усмирение недовольства крестьян и рабочих.

Средством для достижения этой цели должно было быть, при сохранении политической и экономической диктатуры пролетариата и коммунистической партии, возрождение хозяйственной самодеятельности населения, восстановление стимулов к организующей и исполнительной деятельности в области народного хозяйства. Принцип государственного

[1] «Восьмой всероссийский с'езд советов», стр. 146-7.

принуждения должен был уступить место началу личной хозяйственной заинтересованности и инициативы. Очень ярко принципы новой экономической политики были формулированы бывшим председателем высшего совета народного хозяйства А. И. Рыковым в его речи на 4-ом всероссийском с'езде советов народного хозяйства. Продовольственный налог, по его словам, «это есть из'ятие у крестьянства только части и по возможности небольшой его продуктов в пользу государства и оставление ему всего остального, как буржуазной собственности, которой он может распоряжаться по своему усмотрению. Это есть установление института собственности в буржуазном смысле этого слова и совершенно неизбежно ведет к развитию, легальному развитию буржуазии на экономической базе, которая создается в деревне после из'ятия продналога». Принцип частной собственности должен быть распространен, по мнению А. И. Рыкова, и на промышленность. «Если какая-нибудь фабрика может работать у частного собственника, а стоит у нас, то было бы преступлением не отдать частному собственнику ее, когда мы не можем сами пустить ее в ход. Основная задача заключается в том, чтобы товарный кризис как можно быстрее и во что бы то ни стало разрешить» [1]).

Очевидно, экономическая диктатура и свобода личной хозяйственной инициативы взаимно исключают друг друга. Мы имеем, следовательно, в новой экономической политике дело с компромиссом двух антагонистических начал. Особенно ясно этот противоречивый характер новой экономической политики сказывается в постановлении 11-го с'езда коммунистической партии в марте 1922 г.: «Пролетарское государство, не изменяя своей сущности, может допускать свободу торговли и развитие капитализма лишь до известной меры и только при условии государственного регулирования (надзора, контроля, определения форм, порядка и т. д.)

[1]) А. Рыков. «Речь на 4-ом с'езде совнархозов», стр. 3-4, 5.

частной торговли и частно-хозяйственного капитализма»[1]. В этом же духе, в предисловии к сборникам «На новых путях» говорится о новой экономической политике, что она, создав стимул к развитию частного производства, «сохранила национализацию промышленности и установила, как директиву для советских органов, твердо держать руль регулирования и управления народным хозяйством и путем своей хозяйственной деятельности занять командующие высоты в экономической области»[2]. Не даром же многие коммунисты смотрят на новую экономическую политику как на «шаг вперед по пути к коммунизму», и определяют государственный капитализм как «использование сил капиталистического общества для целей коммунистической его перестройки»[3].

Мы имеем в новой экономической политике компромисс, в котором размер уступок со стороны власти определяется величиною ее страха перед падением производительных сил и государственных доходов, а также бунтами крестьян и рабочих. Повидимому, через год, к 11-му с'езду коммунистической партии, страх этот в значительной мере прошел: на этом с'езде отступление с коммунистических позиций было признано законченным.

3. Результаты новой экономической политики.

Конечно, даже частичный отказ от коммунистической политики представляет собою большой выигрыш для народного хозяйства; даже частичное возрождение частно-хозяйственной инициативы есть шаг вперед. Всякий даже незначительный рост хозяйственной организованности способствует развитию материального производства и, во всяком случае,

[1] «11-й с'езд российской коммунистической партии», стр. 328.
[2] «На новых путях», вып. III, стр. 1.
[3] «Народное Хозяйство», 1922, № 5, стр. 23.

задерживает его падение. Поэтому, некоторые положительные плоды новая экономическая политика несомненно принесла. Но так как она представляет собою жалкий компромисс между коммунистической регламентацией и свободою труда и частно-хозяйственной инициативы, то и плоды эти в высшей степени жалкие.

Ожидалось, что в области сельского хозяйства переход от продовольственной разверстки к продовольственному налогу даст значительный и притом непосредственный результат, пробудив у крестьян интерес к расширению запашки. В губерниях приозерных, центрально-промышленных и центрально-земледельческих некоторое увеличение посевов, — правда, очень незначительное, — действительно произошло. В черноземных губерниях, напротив, засуха и неурожай, осложненные голодом, — этим неизбежным последствием предыдущей продовольственной политики советской власти, — привели к резкому сокращению посевной площади. По всей России посевная площадь упала до 49,2 милл. десятин, или до 56,3 % посевной площади до-военного времени.

Сейчас трудно судить о хозяйственном значении замены разверстки налогом. Большое значение имеет величина налога; повидимому, она чрезмерно тяжела для крестьянского хозяйства, ибо для сбора продовольственного налога попрежнему приходится прибегать к вооруженной силе, как это видно из постановления Совета труда и обороны от 1-го июня 1921 г., которым «в распоряжение продовольственных органов предоставлена вооруженная сила на случай массового уклонения плательщиков налогов в особо упорствующих районах. Дальнейшими постановлениями Совета труда и обороны продовольственным органам предоставлялось право требовать для той же цели части местной милиции, а затем сформированы были через Всероссийский центральный совет профессиональных союзов и его местные органы военно-продовольственные дружины, предоставленные в распоряже-

ние некоторых уездных продовольственных комитетов и действовавшие по особой инструкции» [1]).

В области промышленности новая политика, выразившаяся в переводе фабрик и заводов на хозяйственный рассчет, дала некоторое повышение производства. Однако, и при новой экономической политике производство развивается за счет сокращения основного и оборотного капиталов промышленности.

Причина этого кроется отчасти в сохранившейся от периода коммунистической политики привычке все подсчеты и рассчеты производить на глаз, без правильной калькуляции, — отчасти же в том, что рынок, по своей бедности, не мог оплатить промышленности ее издержек производства. Вот пример — ситец № 6 из двух-пудного миткаля. Его себестоимость и цены показаны в советских рублях [2]):

	Себестоимость	Объяв. цена синдик.	Цена прин. рынком
25 марта	198.000	198.000	150.000
24 апреля	380.000	240.000	200.000
8 мая	610.000	290.000	240.000
15 мая	610.000	375.000	290.000
29 мая	610.000	550.000	375.000
5 июня	625.000	625.000	550.000 — 375.000
1 августа	825.000	687.500	625.000
15 августа	825.000	825.000	687.000
1 сентября	825.000	825.000	825.000
2 октября	1.520.000	1.520.000	1.100.000

Таким образом, фабрики продавали всё время ситец себе в убыток. Ниже себестоимости продавались на рынке сахар, спички, сода, многие химические продукты, бумага и проч. В результате получилась форменная растрата капиталов промышленных предприятий.

Не лучше и положение тяжелой индустрии, работающей главным образом на государственные предприятия и учрежде-

[1]) «Четыре года продовольственной работы». 1922, стр. 42.

[2]) «На новых путях», вып. III, стр. 17; «Русская промышленность в 1922 г.», стр. LI—LII.

ния. Так, например, в летние месяцы 1922 г. себестоимость различных видов топлива и твердые на него цены находились в следующем соотношении:

	Себестоимость	Тв. цены
дрова за куб. сажень . . .	60.000.000	40.000.000
донецкий уголь за пуд . .	795.000	400.000
подмоск. уголь за пуд . .	565.000	200.000
нефть за пуд	1.260.000	640.000

«Если поставить вопрос о том, говорит бывший председатель Высшего Совета Народного Хозяйства А. Рыков, за чей счет была увеличена продукция на протяжении новой экономической политики, то здесь все обследования нашей промышленности, все данные из самых разнообразных источников подтверждают тот вывод, что увеличение продукции произошло за счет дальнейшего истощения наших экономических рессурсов и нашего основного капитала» [1]). «В промышленности, говорит Владимиров (из комиссариата финансов), есть одна основная беда, которую многие не учитывают: до сих пор она получала не только определенное количество денежных средств от государства, но она проедала громадные материальные запасы, которые у нее были. Промышленность вообще построена у нас на нездоровых основах: ее накладные и организационные расходы велики, а производительность труда настолько низка, что никакие эмиссии ни к чему не приведут. И мы в ближайшем времени будем иметь дело с кризисом сбыта именно вследствие дороговизны фабрикатов» [2]). «Разбазаривание» запасов сырья идет так быстро, что, — «по словам экономистов из Высшего Совета Народного Хозяйства, в первый год деятельности (на новых началах, т. е. в 1921 г.) оборотные средства промышленности исчислялись в 500 милл. золотых руб., а сейчас во втором

[1]) А. Рыков. «Хозяйственное положение страны и выводы о дальнейшей работе». «Экономическая Жизнь», 1922, № 221.

[2]) «Экономическая Жизнь», 1922, № 244.

году новой экономической политики последняя сумма сократилась до 250 милл. руб.» [1]).

Особенно тяжело в настоящее время положение тяжелой индустрии, имеющей наибольшее государственное значение и работающей почти исключительно на государство, а не на вольный рынок. Чтобы восстановить нашу металлургическую промышленность, в нее необходимо влить новые капиталы.

В общем итоге, наша промышленность с каждым годом становится беднее и основным, и оборотным капиталом. Машины не возобновляются, запасы сырья растрачиваются. С промышленностью беднеет и страна. «На вопрос, стала ли Россия богаче или беднее за 1921 г., увеличились или уменьшились ее производительные силы, — ответ может быть только один. Производительность сильно уменьшилась. Россия стала беднее» [2]).

А 1922 год еще более увеличил бедность России.

4. Рост заработной платы.

Разрушение промышленности привело с одной стороны к сокращению числа рабочих, с другой — к чрезвычайному понижению уровня жизни тех из них, которые остались в производстве. Распад и деградация промышленности фатально привели к обнищанию, распаду и деградации пролетариата. Эти самоубийственные следствия принятого русским рабочим классом курса в промышленной политике проф. В. И. Гриневецкий предвидел еще весною 1918 г. [3]).

В 1917 г., до октябрьской революции, рабочие стремились удержать получаемую ими денежную заработную плату на уровне роста цен. После октября появилось требование не

[1]) «Экономическая Жизнь», 1922, № 251.

[2]) «Народное хозяйство России за 1921 г.», стр. 21.

[3]) В. И. Гриневецкий. «Послевоенные перспективы русской промышленности», 1919, стр. 63-4, 72.

только сохранить свой старый уровень жизни, но и повысить его, — «реализовать», так сказать, свою октябрьскую победу. Однако, уже летом 1918 г. иллюзии начали рассеиваться и нужно стало сокращать аппетиты.

Уже на первом с'езде советов народного хозяйства, в конце мая и начале июня 1918 г., мы находим первые, несколько неопределенные указания на невозможность соответственного росту цен на товары повышения заработной платы. В. П. Ногин говорил, что «той пропасти, которая образовалась между заработной платой и ценами на продукты, простым повышением заработной платы не засыпать. Это основной вывод. Он очевиден для всех. Если бы мы хотели всем нашим рабочим дать возможность получать такое количество продуктов, чтобы они получали свой нормальный паек, чтобы их заработная плата достигла прожиточного минимума, то у нас не хватило бы для этого денежных знаков»[1]). Гораздо глубже вопрос был освещен через несколько месяцев А. И. Рыковым на пленуме высшего совета народного хозяйства, который дал следующую постановку вопроса о повышении заработной платы: «Стремление обеспечить реальную заработную плату не путем увеличения на рынке продуктов питания, а путем увеличения на нем денежных знаков, — ложная и вредная идея. Она исходит из представления, что можно улучшить питание масс и количество продуктов в городах советской Росии с ее экономическим строем путем раздачи населению бумажных денежных знаков. Так как на практике это приведет к тому, что против одного и того-же количества хлеба и продуктов питания, например в Москве, будут предлагать в два и три раза большее количество кредитных бумажек, то реальная заработная плата, т. е. количество продуктов, получаемое населением, останется старым, цены же сразу поднимутся

[1]) «Труды первого всероссийского с'езда советов народного хозяйства», 1918, стр. 384.

вверх. Эта идея накормить рабочих вместо хлеба и мяса кредитными билетами может привести только к новому росту цен, повысить издержки производства и т. д. Получится гонка цен на предметы продовольствия, фабрикаты промышленности, рабочую силу и т. д. без конца» [1]). Уже в сентябре 1918 г. центральный комитет всероссийского союза металлистов высказался по этим соображениям против повышения тарифа заработной платы [2]). В июле 1919 г. признал невозможным дальнейшее повышение тарифных ставок уже всероссийский совет профессиональных союзов, — по тем соображениям, что «повышение денежной оплаты труда, с одной строны, разрушит в конец наш финансовый аппарат, ибо установление такого минимума (1600 руб. в месяц) заставило бы народный комиссариат финансов на одну заработную плату расходовать в год до сорока миллиардов рублей, и с другой строны, повышение тарифных ставок тут же сказалось бы на спекулятивном повышении цен предметов первой необходимости, что в конечном счете не дало бы никаких реальных благ рабочим и служащим в их материальном положении» [3]).

Какие изменения претерпела заработная плата промышленных рабочих в годы революции, можно видеть из данных С. Г. Струмилина. Суммируя все получавшиеся рабочими выдачи, — деньги, пайки, одежду, коммунальные услуги (бесплатная квартира, трамвай, баня и пр.), мы получим следующие размеры месячной заработной платы в товарных рублях [4]).

---

[1]) «Пленум высшего совета народного хозяйства 14—23 сентября 1918 г.», стр. 20.

[2]) «Второй всероссийский с'езд профессиональных союзов 16—25 января 1919 г.», стр. 75.

[3]) «Отчет всероссийского центрального совета профессиональных союзов за 1919 г.», стр. 61-62; ср. «Третий всероссийский с'езд профсоюзов 6 апреля 1920 г.», стр. 31-2. 39.

[4]) «Экономическая Жизнь», 1922, № 264. «На новых путях», вып. III, стр. 108.

Годы	Денеж. плата	Паек	Одежда и пр.	Комм. услуги	Всего
1918	4,73	1,47	0,80	1,99	8,99
1919	1,40	2,42	0,86	2,09	6,77
1920	0,49	2,62	1,83	2,18	7,12
1921	0,96	2,85	0,94	2,20	6,95
1922, 1 половина	2,63	3,99	—	1,60	8,22

Так как в 1913 г., до войны, средняя месячная заработная плата равнялась 22 руб., и на этом же уровне стояла заработная плата в 1917 г., то октябрьская революция в худшие 1919—1921 г.г., по расчетам Струмилина, понизила заработную плату до 30,5—32,4 % ее до-военных размеров.

По другим данным, заработная плата упала еще значительнее. Так, народный комиссар труда В. Шмидт утверждает, что «к концу 1920 года заработная плата, по сравнению с до-военной, достигала уровня не выше 16 %» [1]), — т. е. упала вдвое более, чем высчитывает Струмилин. Цифры Струмилина несомненно преувеличены, и это преувеличение лежит в принятом им методе исчисления заработка рабочих. Во первых, на каждого рабочего он считал одного иждивенца, т. е. неработающего члена семьи. Каждый такой иждивенец получает пищевыми продуктами и предметами широкого потребления приблизительно половину того, что получает рабочий. Другие исследователи не причисляют этих получек к заработной плате рабочего. Так как у нас среди рабочих преобладают бессемейные одиночки, то метод Струмилина преувеличивает размеры реальной заработной платы.

Во вторых, Струмилин включает в заработную плату коммунальные услуги, бесплатно получаемые рабочим: квартиру, трамвай, баню, зрелища, почтовые услуги и т. д. На эти вещи в до-военное время, судя по бюджетам петербургских рабочих, у рабочих уходило несколько менее 20 % из заработка, в среднем около 4 руб. в месяц. Струмилин оценивает коммунальные услуги в 2—2,2 руб. в месяц. Возможно,

[1]) «Экономическая Жизнь», 1922, № 252.

что в больших городах их следовало бы оценить гораздо выше. Уже с осени 1918 г. началось снабжение рабочих жилищами за счет не-пролетарских элементов. «В Москве и Петербурге, а также и в провинциальных городах жители лучших, удобнейших домов были разделены на специальные категории, причем буржуазные паразитические элементы были подвергнуты выселению. На их место из лачуг и подвалов были переселены рабочие»[1]). У выселяемых горожан вместе с квартирою отбирались мебель, домашние вещи и даже продовольственные продукты и деньги. Эти выселения и вселения повторялись затем каждое лето.

Эти «поступления» учесть в средних цифрах очень трудно, и вряд ли их следует включать в счет реальной заработной платы, получаемой рабочим. Во всяком случае, вселенный в роскошную квартиру рабочий в ней может также голодать, как и в подвале. Мы считаем более правильным все такого рода поступления в счет не включать, а из до-военного размера заработной платы, 22 руб., вычесть те 4 руб., которые шли на оплату соответствующих потребностей. Таким образом, реальную заработную плату, получавшуюся рабочими в 1918—1922 гг., мы должны сравнивать с до-военным уровнем в 18 руб.

Если мы произведем указанные два исправления в расчетах г. Струмилина, то получим следующую высоту рабочей платы (в до-военных рублях):

Годы	Деньгами	Натурой	Всего	В %
1918	4,73	1,52	6,25	35
1919	1,40	2,18	3,58	20
1920	0,49	2,96	3,45	19
1921	0,96	2,52	3,48	19
1922, 1 половина	2,63	2,66	5,29	29

Эти цифры являются уже вполне сравнимыми с данными о заработной плате из других источников. При чрезвычайной

[1]) «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата», стр. 95.

нерегулярности выдач необходимые сведения о реальной плате рабочих можно было собирать лишь путем рассылки специальных опросных бланков по предприятиям. Такое исследование высоты заработной платы было произведено в 1920 г. по моей инициативе Московским бюро статистики труда. При переводе на до-военные рубли, заработная плата рабочих московских фабрик оказалась равной [1]):

1 четверть	2 р. 52 к.
2 »	2 » 80 »
3 »	2 » 45 »
4 »	2 » 94 »

За 1921 г. мы имеем уже больше данных. Они касаются рабочих московских фабрик, затем рабочих металлистов и рабочих электротехников[2]).

	Москов.	Металл.	Электротехн.
1 четверть . . .	3 р. 25 к.	2 р. 50 к.	2 р. 75 к.
2 „ . . .	1 „ 80 „	2 „ 50 „	2 „ 10 „
3 „ . . .	1 „ 45 „	— „ — „	4 „ 85 „
4 „ . . .	13 „ 26 „	5-6 „ — „	9 „ 46 „

Цифра заработка московских рабочих в 4-ую четверть в 13 р. 26 к. в месяц вызывает большие сомнения. За октябрь и ноябрь данных нет, эта цифра относится к одному декабрю. Мы боимся, что она выведена на основании данных о немногих привилегированных промышленных предприятиях.

Таким образом, заработок рабочих советской России в 1920 г. равнялся в среднем 2,7 р. в месяц, в 1921 г. — 4,4 р., или 15 % и 24 % до-военного заработка.

За 1922 г. мы имеем сведения более общего характера. Уже на 5-м всероссийском с'езде профессиональных союзов Андреев и Рудзутак огласили данныя о среднем месячном за-

---

[1]) «Народное хозяйство России за 1921 г.», стр. 173.
[2]) Там же, стр. 173, 226-7, 246.

работке промышленных и транспортных рабочих [1]). Позднее мы имели еще несколько сообщений о высоте заработной платы [2]). Теперь опубликованы исчерпывающие сведения, исправляющие все предыдущие [3]).

	Промышл.	Транспорт.
Январь	8 р. 10 к.	8 р. 61 к.
Февраль	7 » 23 »	6 » 48 »
Март	5 » 59 »	5 » 3 »
Апрель	4 » 21 »	3 » 59 »
Май	5 » 41 »	4 » 11 »
Июнь	5 » 94 »	5 » 57 »
Июль	6 » 3 »	6 » 3 »
Август	6 » 82 »	6 » 9 »
Сентябрь	6 » 32 »	6 » 10 »
Октябрь	7 » 3 »	7 » 11 »
Ноябрь	5 » 53 »	7 » 64 »
Декабрь	4 » 95 »	7 » 81 »

Таким образом, в 1922 г. заработок фабрично-заводских рабочих повысился до 6,1 руб. в месяц и достиг 34 % довоенного уровня.

Очевидно, жить на 4—6 рублей в месяц рабочий не может. Мы подходим здесь к побочным источникам доходов, которыми пользовались рабочие в годы революции, — источникам легальным и нелегальным, иногда совсем неудобо - показуемым.

На первом месте мы должны поставить выдачу предметов собственного производства. Она практиковалась, конечно, не во всех производствах и производилась в высшей степени нерегулярно.

По существу мы имеем здесь дело с простым присвоением рабочими изделий своей фабрики в более или менее легальной форме. В Москве пекаря получали сверх общего пайка

[1]) «Экономическая Жизнь», 1922 г., № 210 и 213.

[2]) «За пять лет», стр. 410; «Экономическая Жизнь», 1922 г., № 235; 1923 г., № 17; «На новых путях», вып. III, ст. Струмилина, стр. 118.

[3]) «Вестник Финансов», 1923, № 6, приложение.

несколько фунтов хлеба в день, рабочие парфюмерных фабрик — мыло, табачники — табак и папиросы и т. д.[1]). На третьем с'езде профессиональных союзов М. Томский предложил покончить с этим уродливым явлением. «Кожевники, — говорил он, — получают кожу, химики получают мыло, которого не хватает, чтобы вымыть больных красноармейцев, железнодорожники же не могут взять себе в виде доплаты паровозы или вагоны, водопроводчики не могут утащить трубы и т. д. Одна часть пролетариата начинает жить за счет другой, чего совершенно воля пролетариата в целом допустить не может». Томского поддержал В. Шмидт, народный комиссар труда: «Нужно бороться с выдачами продуктов собственного производства. На знаю, как широко это применялось в провинции, но в Москве в связи с этим было много неприятностей. Зачастую рабочие производств предметов широкого потребления (мыловаренные заводы, отчасти текстильные предприятия) получали продукты собственного производства в количестве, превышающем потребительскую норму. Рабочие рассматривали это, как компенсацию за счет низкой заработной платы, как добавку, и всячески отстаивали эти выдачи. Если бы так пошло дальше, и всякий работающий заботился бы только об одном — получить больше продуктов собственного производства, то всякая жизнь в общегосударственном масштабе прекратилась бы»[2]). С'езд вынес постановление о полном прекращении выдачи продуктов собственного производства.

Постановление это в жизнь проведено не было. Где нельзя было выдавать изделия, — например, в железнодорожных мастерских, — там часть рабочего дня разрешалось работать «на себя». В 1921 г. одно время все железнодорожные

---

[1]) Е. Преображенский. «Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры», 1920, стр. 52; Н. Орлов. «Продовольственная работа советской власти», 1918, стр. 317.

[2]) «Третий с'езд профессиональных союзов», стр. 32, 111.

мастерския занимались главным образом производством бензинных зажигалок.

Вторым источником побочных доходов рабочих были прямые хищения с фабрик и заводов изделий, сырых материалов и даже инструментов[1]). Как указывалось на 4-м всероссийском с'езде профессиональных союзов, исследования рабочих бюджетов показывают, что «рабочий, зарабатывающий 6—7000 руб., а в некоторых местах 3—4000 (в 1818—19 году), проживал вместо 6—7 тысяч 39—40 тысяч. Откуда же он это брал? Из производства незаконными способами и всякими обходами. Никакие запрещения 3-го с'езда не помогли. Абсурдно предполагать, что рабочий может жить ниже своих элементарных физиологических потребностей, а раз тариф строился на абсурдных предположениях, то естественно, что всякими противозаконными и незаконными средствами рабочий должен был тариф обходить. Вы, ответственные представители с мест, должны знать о тех злоупотреблениях, которые творились на местах. Ремни, оборудование, всё это уходило и уходит на рынки и это разрушает в корне производство» [2]). Какое значение эти хищения имели в бюджете рабочего в 1918—1921 гг., можно видеть из следующего конкретного примера. На Урале рабочие во второй половине 1921 г. получали 2 р. 75 к. в месяц, в первой половине 1922 г. — 5 р. и 5 р. 50 к., т. е. вдвое больше. Но положение рабочих от этого роста заработной платы не улучшилось, ибо «приходный бюджет рабочего до сих пор не исчерпывался одной заработной платой, а питался также рядом других побочных источников дохода легального и нелегального сорта. Мизерная заработная плата,

[1]) «О роли профессиональных союзов в производстве», 1921, стр. 53.

[2]) «Бюллетень 4-го всероссийского с'езда профессиональных союзов», № 5, стр. 17; ср. «Русская промышленность в 1921 г. и ее перспективы», стр. L 1.

существовавшая до конца 1921 г., порождала «утечку» заводского имущества, инструмента, сырья, готового фабриката, вызывала производство работ в рабочее время и на заводском инструменте для своих личных нужд и т. п., что, играя отрицательную роль в производственной жизни нашей промышленности, в то же время являлось значительным подспорьем в бюджете рабочего» [1]). В 1922 г. размеры хищений сильно сократились.

По данным Струмилина), внелегальные поступления в бюджете русского рабочего составляли в месяц:

В 1918 г.	1,5 р.
» 1919 »	1,7 »
» 1920 »	1,7 »
» 1921 »	1,7 »
» 1922 » I пол.	1,0 »

Следующим крупным источником нелегальных доходов рабочих было чрезвычайно широкое использование продовольственных карточек на несуществующих едоков. Пользуясь своим привилегированным положением в продовольственной организации, рабочие воровали продовольственные карточки в колоссальных количествах. Как говорит С. Г. Струмилин, «города пустели с каждым годом, население их сокращалось, а число карточек иной раз даже росло. Так, к июню 1918 г. перепись обнаружила в Петрограде 1 469 тыс. жителей, а едоков на хлебные карточки в это время числилось по городу 1 752 тысячи, да по спискам довольствовалось еще (в тюрьмах, богадельнях, приютах, больницах) до 200 тыс. едоков, а всего до 1 952 т., т. е. «мертвые» продовольственные души составляли не меньше 483 тыс. или 33 % по отношению к живым. Еще характернее в этом отношении общероссийские данные за 1920 г. В пределах действия рос-

[1]) «Экономическая Жизнь», 1922, № 273.

[2]) «Экономическая Жизнь», 1922, № 264; «На новых путях», вып. III, стр. 111-2.

сийского народного комиссариата продовольствия, т. е. за вычетом Украины, Туркестана и Закавказья, по переписи 1920 г. значилось населения в городах 12,3 милл. душ, а по отчетам народного комиссариата продовольствия в этих городах состояло на общегражданском снабжении 21,9 милл. душ, не считая рабочих и членов их семейств, в количестве 11,2 милл. душ, которые снабжались в ином порядке. Значит, число мертвых продовольственных душ в общерусском масштабе было не меньше 9,6 милл. или 78 % числа живых»[1]).

Наконец, в бюджете рабочих большое место занимали распродажа имущества квартир, отобранных у представителей буржуазных классов и переданных рабочим, спекуляция продовольственными продуктами, полученными рабочими организациями в чрезвычайном порядке, участие в продовольственных отрядах, отбиравших «излишки» хлеба у крестьян, мешечничество и т. д.

Никто не считал, сколько эти побочные источники приносили рабочим. Одной из задач новой экономической политики является уничтожение всех этих нелегальных доходов рабочих и сведение их бюджета к нормальной заработной плате. Многое в этом отношении достигнуто уже в 1922 г. Рабочие постепенно, хотя и с большим трудом, отвыкают от «революционных» статей своего бюджета.

В общем, рост заработной платы при новой политике идет скорее сокращения «неудобо - показуемых» источников дохода, и уровень жизни рабочих постепенно повышается, — конечно, далеко не в той мере, в какой растет заработная плата.

Одновременно происходит и другое изменение в строении рабочих бюджетов. В период коммунистической политики господствовали уравнительные тенденции в оплате труда

[1]) «Экономическая Жизнь», 1922, № 264; «На новых путях», вып. III, стр. 109.

разной квалификации. Струмилин приводит следующую поучительную таблицу относительной высоты оплаты труда высшей квалификации по различным тарифам. В первом столбце мы даем высоту ставок высшего разряда в % к низшему, во втором — высоту фактического заработка высшего разряда в % к низшему.

	Тариф	Заработок
7 авг. 1917 г.	244	232
1 ноября 1917 г.	174	168
1 июня 1918 г.	139	119
1 сент. 1919 г.	175	108
1920 г.	175	104
1921 г., I пол.	175	102
1921 г., II пол.	280	158
1922 г., I пол.	300	244

Таким образом, к концу коммунистического периода оплата труда высшей квалификации только на 2% превышала оплату труда самого низшего качества. В первую половину 1922 г. квалифицированный рабочий получал уже в 2½ раза более чернорабочего.

Теоретиком этого нового направления в тарифной политике является инженер Г. М. Кржижановский, председатель государственной общеплановой комиссии (Госплана).

Наиболее надежным признаком для оценки возможного производственного значения пайка является, по свидетельству физиологов, количество заключающихся в нем калорий. Нормальным для человека, занятого физическим трудом, надобно считать пищевой паек в 3 750 калорий. По данным г. Кржижановского, в 1920 г. калорийность питания рабочих достигала 2 750 калорий, из которых только 1 722 калории они получали от государства [1]); из них 2 000 калорий шло на поддержку равновесия организма рабочего, т. е. с

[1]) Г. Кржижановский. «Хозяйственные проблемы Р. С. Ф. С. Р. и работы государственной общеплановой комиссии», вып. I, 1921, стр. 31 и табл. 4.

точки зрения производства затрачивалось совершенно непроизводительно. Лишь те калории, которые рабочий получает сверх этих минимальных 2 000, он может выявить в продуктах своего труда.

С помощью этих данных нетрудно сделать следующий расчет: если количество полезной работы, развиваемой рабочим при пайке в 3 750 калорий, мы обозначим цифрой 100, то при пайке в 2 000 калорий полезная работа будет равна 0, при пайке в 2 750 кал. = 43. Чем ниже паек рабочего, тем менее продуктивны затрачиваемые на его питание средства. С хозяйственной точки зрения, выгоден не минимум продовольственного пайка, а его максимум. Или, как говорит Кржижановский, «голодная норма, по существу дела, является крайне расточительной, и 2 750 калорий нам приходится оплачивать полумиллиардным минусом в золотой валюте. Выходит, что в настоящих условиях самой расточительной роскошью было бы именно содержать наших рабочих впроголодь на холостом ходу. Если бы у нас не хватило рессурсов, нам пришлось бы пойти по пути сокращения числа снабжаемых, а не норм снабжения»).

Поэтому, г. Кржижановский предлагает ограничить число рабочих, занятых в промышленности, 1 500 000 чел., но снабдить их пайком в 3 750 калорий, т. е. вернуться к довоенному уровню жизни и заработной плате в 17,5 руб. в месяц, что обойдется в общем в 314,5 милл. рублей [2]). А всех остальных рабочих, за ненадобностью, удалить с фабрик.

Что развитие идет в этом направлении, показывает и рост относительной высоты заработной платы квалифицированных рабочих, и рост числа безработных. Но достигнуто в этом направлении, как показывает хотя бы уровень заработной платы, очень мало.

[1]) Там же, стр. 34.
[2]) Там же, стр. 33.

5. Окрестьянивание страны.

Поэтому, новая экономическая политика оказалась бессильной преодолеть то падение влияния промышленности и рабочего класса, и то окрестьянивание страны, которое явилось следствием коммунистической политики 1918—1920 гг. Как мы видели, за эти годы производительность нашей крупной промышленности упала до 16,7 % ее до-военных размеров, а производительность сельского хозяйства — до 62,8 %, т. е. в четыре раза менее. Крестьянин уничтожил денежные элементы своего хозяйства, превратив его в чисто натуральное, и стал в нем почти недоступен для разрушительных мероприятий советской власти.

Это обстоятельство не может не тревожить коммунистов. На открытии пятого всероссийского с'езда профессиональных союзов, состоявшегося в сентябре 1922 г., бывший председатель высшего совета народного хозяйства Рыков сделал несколько замечаний о происходящих в советской России сдвигах в соотношениях классов.

Урожай этого года, по его мнению, «выявил ту громадную опасность, которая имеется во всей системе нашего хозяйства, ту опасность, которая грозит в первую очередь рабочему классу. Опасность эта в том, что сельское хозяйство способно восстанавливаться скорее, чем наша промышленность, и, в частности, крупная индустрия. Я имею другую справку от одного из государственных органов, от Госплана (государственной общеплановой комиссии), который на мой вопрос о том, чьей продукции в настоящем году больше — фабрики и города или мужика и деревни — ответил, что в настоящем году крестьянин и деревня создали больше, чем создали фабрика, город, чем создал рабочий.

«Один урожайный год, после невиданного голода, стремится повернуть общее положение в нашей республике в пользу крестьян и против рабочих. Это величайшая угроза для

всего экономического положения республики. Из этого факта, основного для всего нашего хозяйства, для характеристики существующего отношения между классами, нужно сделать надлежащие выводы. Если сельское хозяйство уже способно обогнать рабочего на протяжении года, то на протяжении 2—3 таких лет классовое экономическое значение крестьянства далеко может превзойти экономическое значение рабочего класса. Из этого необходимо сделать выводы и в области нашей налоговой политики, в области распределения бюджета, в области сосредоточения всего внимания всей республики, и, в частности, рабочего класса. Задачи заключаются в том, чтобы ускорить темп восстановления промышленности, чтобы не допустить того, чтобы крестьянин и деревня обогнали рабочего и обогнали фабрику» [1]).

Эти замечания А. И. Рыкова любопытны в двух отношениях. Прежде всего, насколько они соответствуют действительности, правильно ее изображают. Затем, поскольку в них выражается определенное направление экономической политики советской власти.

От слов Рыкова остается впечатление, что раньше в России производительность фабрики обгоняла производительность крестьянина, и лишь в этом 1922 г., благодаря хорошему урожаю, крестьянское хозяйство обогнало фабрику.

Такого преобладания фабричного производства над сельским хозяйством в России никогда не было.

В 1913 г. в Европейской России, — в которой промышленность развита сильнее, чем на окраинах, — при народном доходе в 11,8 миллиардов руб., сельское хозяйство давало 5,6 миллиардов руб., а горное дело и фабрично-заводская промышленность — всего 1,7 миллиардов руб.

Таким образом, если бы Рыков хотел говорить правду слушавшим его членам с'езда профессиональных союзов, он никогда не сказал бы, что урожай 1922 г. «стремится повер-

---

[1]) «Экономическая Жизнь», 1922, № 210.

нуть положение в нашей республике в пользу крестьянина и против рабочих», что «сельское хозяйство способно обогнать рабочего на протяжении года», что следует стараться «не допустить того, чтобы крестьянин и деревня обогнали рабочего и обогнали фабрику». Всё это вздор и явно не соответствует действительности. В крестьянской России народное хозяйство строилось на крестьянском хозяйстве, а не на фабрике.

Но г. Рыков знает свою аудиторию. И если на всероссийском профессиональном с'езде он считает возможным говорить такие вещи, то это свидетельствует о поразительно слабом знакомстве современных деятелей профессионального движения с действительным строением народного хозяйства России.

Эти рабочие-коммунисты имеют очевидно самые фантастические представления о самых элементарных вещах. Или делают вид, что их имеют.

Но наиболее характерным в речи г. Рыкова является страх перед крестьянством, перед его экономическою мощью и базирующейся на ней политическою силою. Он чувствует, что «диктатура пролетариата», ради которой пролито столько крови и разрушена русская культура, не имеет корней в экономическом строе России.

Отсюда вопль о необходимости возрождения русской промышленности.

Но это возрождение дело трудное. Опыт почти двух лет новой экономической политики показывает, что в этой новой политике еще слишком много старых коммунистических начал, и что еще далеко не созданы те политические и правовые условия, при которых станет возможной здоровая организация фабричной промышленности.

А пока промышленность продолжает носить дефицитный характер и доедать запасы сырья, сохранившиеся от дооктябрьских дней.

С каждым месяцем падает экономическое значение пролетариата, базирующегося на национализированной промышленности, и растет экономическая мощь крестьянства. Теперь уже для всех несомненно, что деревня «отсиделась» и сравнительно благополучно пережила коммунистическое лихолетье.

Но если среди рабочих коммунистическая партия имеет еще много сторонников, то всё крестьянство глубоко антикоммунистично и всё оно проникнуто индивидуалистическими собственническими стремлениями.

Таким образом, политическая надстройка в России пришла в резкое противоречие с экономическим фундаментом русской жизни.

Экономически-слабый и всё более падающий в своем социальном и политическом значении фабричный пролетариат может сохранить свое доминирующее положение в стране только путем грубого насилия, политической диктатуры.

Но политическая диктатура никогда и нигде не была орудием создания новых материальных ценностей. Практиковать же долго диктатуру на пустой желудок не хватает терпения даже и у очень больших охотников до «захвата власти».

6. Рост товарного рынка.

Вернемся, однако, к экономическим последствиям новой экономической политики. Выше мы ознакомились с ее результатами в области сельского хозяйства и промышленности; нам остается еще учесть ее влияние на развитие товарного обращения в стране, товарного рынка.

О размерах товарного обращения в стране и изменениях рыночной кон'юнктуры мы можем судить только по изменениям в величине денежного обращения. Если мы разделим

всю массу бумажного денежного обращения на индекс товарных цен, то получим стоимость всей этой массы бумажных рублей в товарных рублях, показывающую, как велик спрос на деньги со стороны товарного рынка. Посмотрим, как изменялась эта величина при новой экономической политике на первое число каждого месяца:

	Количество бум. денег в обращении Миллиарды руб.	Всерос. товарный индекс	Стоим. в тов. руб. всей массы денеж. обр. Миллионы руб.
1921 г.			
январь	1168,6	26,539	44
февраль	1298,9	29,686	44
март	1488,2	40,096	37
апрель	1686,7	42,029	40
май	1917,2	39,173	49
июнь	2122,3	50,901	42
июль	2347,1	63,114	37
август	2808,1	64,603	43
сентябрь . . .	3510,7	62,853	56
октябрь	4534,4	64,121	71
ноябрь	6484,7	81,421	80
декабрь	9849,7	102,771	96
1922 г.			
январь	17.539,5	182,753	96
февраль	30.144,7	448,043	67
март	48.363,7	894,143	54
апрель	81.222,2	1.949,511	42
май	127.856,4	3.655,733	35
июнь	213.649,2	4.173,154	51
июль	320.497,0	4.618,967	69
август	474.793,2	5.026,074	94
сентябрь . . .	696.141,6	5.429,989	128
октябрь	913.708,6	6.364,893	144
ноябрь	1.217.833,0	10.433,686	117
декабрь	1.584.224,6	14.883,718	106
1923 г.			
январь	2.138.704,7	19.582,000	109
февраль	2.773.800,0	24.622,000	113
март	3.381.200,0	30.935,000	109

Сначала, до осени 1921 г. влияние новой экономической политики сказалось лишь в том, что падение размеров денежного обращения было остановлено; в январе — августе 1921 г. оно колебалось около 42 миллионов товарных руб. Затем, с осени 1921 г., начинается рост рынка, достигший максимума в декабре, — 96 милл. руб. За ним последовало сжатие товарного рынка, тянувшееся всю весну, до середины мая 1922 г. После осеннего под'ема наступил кризис сбыта.

В высшей степени интересны данные о состоянии товарного рынка в первую половину 1922 г. По словам П. Исаченко, «неурожайный год, понизивший до минимума покупательную способность деревни, не давал возможности интенсифицировать сбыт за пределами центральных крупно-городских рынков. Товары оставались на складах предприятий, тресты, сами того не желая, накапливали относительно крупные фонды и как бы разбухали за счет этого накапливания. Это — с одной стороны. С другой — реализация этих фондов встречала всё больше и больше затруднений. Эйсмонт, например, свидетельствует, что на одной из последних контрактовых ярмарок в сотнях трестов и торговых отделов советов народного хозяйства предложение товаров в 10 и 100 раз превосходило все возможности их реализации» [1]). Не даром на коммунистическом с'езде в марте 1922 г. коммунист Ломов говорил о наступлении кризиса перепроизводства.

По данным изданного советом труда и обороны сборника «На новых путях», денежные обороты органов высшего совета народного хозяйства и Московской товарной биржи изменялись в первые 8 месяцев 1922 г. следующим образом (в миллионах товарных руб.) [2]):

---

[1]) П. Исаченко. «Экономические предпосылки современного колебания цен на изделия промышленности», 1922, стр. 7.

[2]) «На новых путях», вып. I: торговля, стр. 108-9, 255.

	Органы В.С.Н.Х.	Моск. тов. биржа
Январь	4,2	0,2
Февраль	3,6	1,1
Март	4,0	0,6
Апрель	1,4	0,3
Май	1,6	0,3
Июнь	2,9	0,7
Июль	5,2	1,4
Август	5,0	1,5
Сентябрь	—	3,2

В середине мая рынок начал оживать, под влиянием хороших вестей об ожидающемся урожае. На рынке стали появляться запасы хлеба, который крестьяне придерживали до весны. Продажа хлеба усилила спрос на мануфактуру. Всё лето рынок креп, и к 1 октября размеры денежного обращения достигли небывалой уже много лет высоты — 144 милл. товарных рублей. Затем, с середины октября, началось новое падение.

Урожай был удовлетворительный. Органы народного комиссариата продовольствия в высшей степени успешно собрали продовольственный налог. Но город оказался совершенно лишенным покупательной способности. Отсутствие спроса на сельско-хозяйственные продукты привело к резкому падению цен на них, начавшемуся уже с июля. В результате, покупательная способность крестьянина истощилась уже в октябре, тогда как в прошлую зиму она пошла на убыль только в январе. Цены же на изделия промышленности, благодаря росту издержек производства, главным образом, заработной платы, административных расходов и налогов, выросли настолько, что они становятся совершенно недоступны для крестьян.

В этом отношении в высшей степени показательны результаты калькуляции себестоимости изделий в настоящее время по сравнению с до-военным. Так, по данным москов-

ского суконного треста [1]), себестоимость армейского сукна слагалась из следующих элементов (в %):

	1913 г.	Январь 1922 г.
Сырье	69,2	26,6
Заработная плата	7,4	28,7
Топливо	2,5	5,3
Краски	1,9	9,1
Разные материалы	6,5	5,4
Ремонт	0,7	4,7
Накладные расходы и налоги	10,3	18,2
Амортизация	1,5	2,0

Здесь обращают на себя внимание высокие расходы на заработную плату и общие административные издержки. По данным А. А. Нольде [2]), в льняной промышленности элементы себестоимости дают следующие % величины:

	До войны	В настоящее время
Сырье	52	26,3
Топливо	8	6,4
Заработная плата	25	43,8
Материалы	4	2,9
Прочие	11	20,5

Падение покупной способности населения с одной стороны, высокая себестоимость изделий национализированной промышленности и необходимость покрыть эту себестоимость продажною ценою — с другой, заставляют ожидать в этом году еще более тяжкого кризиса сбыта, чем прошлогодний кризис.

В результате, новая экономическая политика не только остановила падение товарного рынка, но и принесла нам некоторый его рост.

Однако, рост этот ограничился только 1921 г., — первым годом новой экономической политики. В 1922 г. этого роста мы уже не видим. Размеры денежного обращения, исчисленные в товарных рублях, равнялись на 1 января:

---

[1]) «Экономическая Жизнь», 1923, № 8.

[2]) «Экономическая Жизнь», 1923, № 18.

1921 г.	44 милл. рубл.
1922 »	96 » »
1923 »	109 » »

Для страны со 115 мил. жителей подобные размеры товарного рынка свидетельствуют о таком падении производительных сил, о такой нищете, каким не было примера в цивилизованных странах в течение последних столетий. И эти результаты достигнуты новой экономической политикой более чем за полтора года ее существования. Если мы и дальше будем с такой быстротой восстановлять наши производительные силы, мы неизбежно превратимся в колонию Западной Европы.

Очевидно, для восстановления государственных финансов и товарного рынка в России, роста ее производительных сил и повышения ее народного дохода хотя бы до уровня 1900 г. (67 руб. в год на человека) недостаточна та мера отказа от коммунистических принципов, которая нашла свое выражение в так называемой экономической политике.

Новая экономическая политика оказалась бессильной возродить наше народное хозяйство. Хозяйственная предприимчивость продолжает при ней подавляться административным руководством. Поэтому, она держит наше народное хозяйство в состоянии какого - то анабиоза, остановила его падение, но не дала ему сил для необходимого под'ема.

Таким образом, цели, которые преследовала советская власть при переходе к новой экономической политике, остались недостигнутыми. Производительные силы страны обнаруживают весьма слабый, сомнительный под'ем. Промышленность переживает кризис сбыта. Финансовое положение государства не улучшается. Недовольство крестьян и рабочих не выражается в форме бунтов, но оно не только не исчезло, но продолжает рости.

Словом, новая экономическая политика не оправдала возлагавшихся на нее ожиданий. К началу 1923 г. она так же

себя изжила, как была изжита коммунистическая политика к началу 1921 г.

Очевидно, для возрождения производительных сил России вместо жалкого компромисса между принципом личной хозяйственной заинтересованности и инициативы и принципом государственного принуждения, осуществляемого в порядке диктатуры коммунистической партией, — компромисса, выразителем которого была новая экономическая политика, нужен полный и последовательный отказ от коммунистических начал, полное освобождение частно-хозяйственной инициативы от связывающих ее пут и установление частной собственности, обеспечивающей каждому владение и распоряжение результатами его хозяйственной деятельности и труда.

Чтобы разбудить хозяйственную энергию русского народа, ему нужно, вместо тех гомеопатических «птичьих» прав на результаты его хозяйственной деятельности, которые принесла ему новая экономическая политика, дать настоящие права собственности.

Не только требования частно-хозяйственной деятельности, но и нужды государства, эти, дошедшие до геркулесовых столбов, топливный, продовольственный, транспортный, финансовый и друг. кризисы, вплотную ставят вопрос о резкой перемене всей хозяйственной и тесно связанной с нею правовой политики. Но здесь экономика упирается в политику.

Переход к началам частно-хозяйственной инициативы и частной собственности невозможен без коренной ломки установившегося за эти годы политического режима. Революция может установить временно строй, ни в какой мере не соответствующий бытовым и хозяйственным условиям страны. Но она бессильна изменить меру вещей и соотношений, бессильна остановить неудержимое стремление хозяйствующих субъектов к правовым нормам, обеспечивающим их производительную работу. Меньше всего можно было бы рассчи-

тывать на медленную эволюцию существующей власти. До сих пор она упорно и настойчиво повторяет коммунистические заклинания. Как же можно воссоздавать народное хозяйство на началах частной собственности руками коммунистов, сохраняющих в стране политическую и экономическую диктатуру.

7. Концессии и внешняя торговля.

В заключение, мы должны остановиться еще на одном моменте, — на возможной роли иностранцев в народно-хозяйственной жизни России. Быть может, именно иностранному капиталу и иностранной хозяйственной инициативе, а не внутреннему политическому освобождению, суждено сыграть роль той живой воды, которая вдохнет жизнь в русское народное хозяйство и разбудит его производительные силы.

Еще совсем недавно заграница думала, что Россия мертва, что народ русский совершенно обессилен гекатомбами гражданской войны и находится в полной прострации; что деятельна и жива только советская власть. В конце 1921 г. иностранцы уверовали, что советская власть взяла в свои руки, с помощью новой экономической политики, дальнейшее развитие народно-хозяйственной жизни России. Отсюда их ставка на эволюцию власти, а не на эволюцию народной психологии, многому научившейся, многое в себя впитавшей за время войны, революции и постигших страну великих несчастий.

Такая постановка русской проблемы была тем приемлемее для них, что она обещала им бо́льшие выгоды. В это именно время возникли проекты использования того паралича хозяйственной энергии русского народа, которое производят коммунисты своей хозяйственной политикой, превращения России в колонию западно-европейских промышленных стран и скупки остатков русской промышленности за два двугри-

венных. Такие проекты существовали и в Германии, и в Англии.

Осуществление этих планов возможно было только при условии сохранения на неопределенное время как власти коммунистов в России, так и того состояния экономического бесправия, в котором коммунисты держат русский народ.

Формальная возможность для соглашения западно-европейских правительств с советской властью была открыта нотою Чичерина от 28 октября 1921 г., в которой советское правительство заявляло, что оно при известных условиях «готово признать обязательства перед другими государствами и их гражданами по государственным займам, заключенным царским правительством до 1914 г.», и предлагало созыв международной конференции.

Это предложение было принято представителями великих держав на совещании в Каннах 6 января 1922 г., — в момент, когда под'ем экономической жизни в стране длился уже несколько месяцев и принял, на советский масштаб, значительные размеры. У руководителей западно-европейских держав в это время несомненно существовала вера в возможность налажения производства в правовых условиях новой экономической политики. В каннской резолюции, постановившей созвать Генуэзскую конференцию, определенно сказано:

«Союзные державы считают, что возобновление международной торговли в Европе, равно как и развитие рессурсов всех стран необходимы для увеличения числа занятых в производстве рабочих и для облегчения страданий, испытываемых европейскими народами. Совместные усилия наиболее мощных государств необходимы для восстановления жизнеспособности европейской системы, ныне парализованной. Эти усилия должны быть направлены к устранению всех препятствий, мешающих торговле; они должны заключаться в предоставлении наиболее слабым государствам значительных

кредитов, а также в сотрудничестве всех стран в деле восстановления нормального производства».

Таковы были надежды, возлагавшиеся на Геную в Каннах. В Каннах верили, — или по крайней мере делали вид, что верят в возможность экономического сотрудничества с советской Россией.

Характер этого сотрудничества определялся положением о возможности и желательности дать в России иностранцам полные экономические права, необходимые для хозяйственной деятельности, оставив всю массу русского населения в нынешнем ее бесправном состоянии.

Такую постановку вопроса, делающую из права на свободную частно-хозяйственную предприимчивость привилегию иностранцев, мы находим в каннской резолюции от 6 января 1922 г., которая провозгласила принцип невмешательства в тот режим собственности и в тот народно-хозяйственный уклад жизни, который угодно избрать той или другой стране, — и затем ограничила этот принцип оговоркою: а за иностранцами должно быть признано право на владение имуществом и на получение прибылей с их предприятий.

Несомненно, право на свободный труд и предпринимательскую деятельность, право собственности и судебной защиты заключенных договоров необходимы для того, чтобы хозяйственная деятельность иностранцев была плодотворна. Но не менее необходимы эти права и для русских, для развития производительных сил и хозяйственной жизни русского народа.

Превратить эти права в привилегии иностранцев — значит превратить Россию в колонию, в которой туземцы-русские будут рабами господ иностранцев.

Если бы этот проект был осуществлен, он привел бы в рабочих и крестьянских массах и среди русской интеллигенции к такому взрыву ксенофобии, который в высшей степени затруднил бы участие иностранцев в экономической жизни

России. Ненависть к иностранцам была бы всеобщей. Подобные привилегии прямым путем ведут к национальному шовинизму.

Если система капитуляций применима в Азии и Африке, одна мысль о ней оскорбительна для молодой русской демократии, растущей под игом советской власти. Революция нас разорила, но мы должны выйти из нее не колонией Западной Европы, а свободною культурною страною.

Такова была постановка русского вопроса в Каннах. Генуя должна была пойти по пути соглашения с советской властью. Вместо этого в Генуе произошел разрыв.

Не последнее место в числе причин этой перемены отношения занимает то обстоятельство, что под'ем торговли и промышленности в России оказался очень краткосрочным. Через две недели после каннских совещаний начался застой в сбыте товаров. Отсутствие у крестьян излишков хлеба и других сельско-хозяйственных продуктов привело к прекращению их спроса на мануфактуру. В нищей России с апреля разразился кризис перепроизводства. Стало необходимым сократить размеры даже и того ничтожного фабричного производства, которое сохранилось еще в Росии, заняться «свертыванием» этой промышленности.

И именно в это время, 9 апреля, собирается Генуэзская конференция. Очевидно, в Генуе уже не было места каннским настроениям и надеждам. Увяла вера в успех новой экономической политики советской власти.

Хотя после майского минимума и начался опять довольно быстрый рост товарного обращения, никто больше не верил в его прочность. Поэтому, под'ем этот не произвел никакого впечатления и на Гаагскую конференцию.

Таким образом, проектировавшееся общее соглашение не состоялось. Остался путь сепаратных торговых договоров и концессий.

Советская власть предлагает иностранным капиталистам на выбор длиннейший список предприятий; некоторые из них имеют крупнейшее народно-хозяйственное значение. Иностранцы могут выбирать любое из них, руководствуясь собственными интересами.

С точки зрения интересов России можно опасаться, что при такой постановке дела в их руки попадут многие узлы нашей народно-хозяйственной жизни, и освободить их от иностранной зависимости будет впоследствии очень трудно. С точки зрения серьезных иностранных капиталистов и предпринимателей существуют другие опасения. Они боятся невозможности вести успешно промышленные предприятия при нынешнем характере экономической политики советской власти и роста национальной ненависти к иностранцам, получающим от власти широкие экономические привилегии.

Они подозревают даже, что советская власть готовит им ловушку. Не являются ли все эти заманчивые привилегии просто средством вызвать в будущем широкое народное движение против иностранных капиталистов и поддерживающих их правительств?

В результате, концессии берутся с большим трудом.

К концу 1922 года были утверждены 21 концессия и 4 смешанных общества [1]).

Любопытен отзыв Ленина об этих концессиях: «то, что теперь пишут о концессиях и прочем, ничего почти не составляет, кроме бумаги. Писали мы об этом в последнее время много, в особенности, между прочим, и об уркартовской концессии. Всетаки наша концессионная политика кажется мне очень хорошей. Но, несмотря на это, концессий мы еще не видели. Этого я прошу не забывать!» [2]).

Пока не будут созданы правовые предпосылки для экономического возрождения России, все эти концессии будут да-

[1]) «На новых путях», вып. III, стр. 86.
[2]) «Экономическая Жизнь», 1922, № 258.

вать ничтожные экономические результаты. Для условий, в которых придется работать концессионерам, характерны причины, по которым в Москве не был утвержден договор с Уркартом. Как мы узнали из документа, напечатанного в заграничной прессе[1]), главною причиною неутверждения договора была та его статья, которая лишала заводские комитеты рабочих права вмешиваться в административные и оперативные распоряжения управления предприятием.

Пока это «одно из основных завоеваний октябрьской революции» будет существовать, об успешной работе концессионированных предприятий не может быть и речи.

Правильная линия в концессионном деле, вполне отвечающая и интересам России, и интересам иностранных предпринимателей и капиталистов, состоит в том, чтобы каждый предприниматель брал концессию на принадлежащие ему предприятия.

Эта линия поведения в концессионном деле намечена соглашением нефтяников на совещании 19 сентября 1922 г. в Париже. В совещании этом участвовали представители всех крупных иностранных и русских нефтепромышленных фирм. Заключенное соглашение заключает в себе следующие пункты: 1. Никто из участников совещания не посягнет прямо или косвенно на промысла и имущество других предпринимателей, лишенных своей собственности советской властью; 2. Никто из присутствующих не приступит к работе на своих промыслах до того, как на тех же условиях, на которых он получил свои промысла, не будут возвращены все промысла их собственникам; 3. Никто из присутствующих, без общего согласия, не будет брать концессий на нефтеносные земли, принадлежавшие до октябрьской революции государству.

Такая постановка концессионного дела до известной степени исключает опасность распродажи России иностранцам

[1]) «За свободу», 1922, № 304.

и, во всяком случае, делает самих иностранцев менее неприемлемыми с национальной точки зрения. Ничто, быть может, не подчеркивало так резко анти-национальный характер советской власти, как это страстное и настойчивое желание вырвать предприятия из рук русских владельцев, чтобы передать их иностранцам. Неудивительно. что в конце концов сами концессионеры-иностранцы поняли всю чудовищность такой политики и стали отказываться от чужой собственности.

Таким образом, пока в России существует нынешний порядок вещей, для иностранцев остается только одна форма экономических отношений с Россией, — торговля.

Торговля эта начала развиваться с 1920 г. Когда комиссариат внешней торговли впервые появился на заграничных рынках, он не мог платить за покупаемые товары даже русским золотом, его нужно было переплавлять в слитки. Эстонским и шведским посредникам приходилось платить десятки процентов премии. Сколько-нибудь солидные фирмы отказывались продавать ему товары, и дело приходилось иметь часто с явно сомнительными поставщиками. Вывозимые из России товары подвергались немедленно аресту. Только заключение торгового договора с Англией легализовало нашу внешнюю торговлю.

Договор этот был заключен 16 марта 1921 года, на другой день после произнесения Лениным на с'езде коммунистической партии речи, провозгласившей переход к новой экономической политике [1]). Затем, 2 сентября 1921 года, последовал договор с Норвегией, 26 декабря 1921 года — с Италией и 16 апреля 1922 года — с Германией.

---

[1]) Не даром Ленин требовал в своей речи, чтобы постановление с'езда коммунистической партии о замене разверстки продовольственным налогом было немедленно, в тот же вечер, разослано по радио во все концы мира. («Десятый с'езд коммунистической партии», стр. 227).

О размерах нашей внешней торговли дает представление следующая табличка (в миллионах товарных руб.):

	Вывоз	Привоз
В 1920 г. II пол.	3,2	37,2
» 1921 » I »	3,0	125,8
» 1921 » II »	18,3	120,1
» 1922 » I »	24,8	279,2
» 1922 » июль - октябрь	41,0	141,1

До войны и революции, Россия имела положительный торговый баланс, дававший ей в год около 300 милл. руб. Теперь баланс этот заключается с минусом для нас, равным почти 90% привоза. Большой статьей привоза являются жизненные припасы.

Как известно, западно-европейские государства нуждаются в привозе пищевых продуктов и в рынках сбыта для фабричных изделий. Очевидно, Россия будет служить рынком, пока у нее есть золото для покрытия платежей по дефицитному торговому балансу; но она не может быть поставщиком хлеба и сырья для капиталистических стран. Напротив, она просит хлеба у своих западных соседей.

Таким образом, всероссийское разоренье придало ненормальный характер и заграничной торговле. Вообще, до возврата к здоровым принципам экономической политики и полного отказа от коммунизма, иностранной предприимчивости и иностранному капиталу нет поля деятельности в России.

ГЛАВА IV.

ФИНАНСЫ.

1. Государственные росписи на 1918—20 г.г.

Согласно конституции Российской Советской Республики, государственные доходы и расходы ее об'единяются в общегосударственном бюджете (ст. 80). Утверждение бюджета Республики и установление общегосударственных налогов и повинностей подлежит ведению Всероссийского С'езда Советов и Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов (ст. 49 пп. л. и м.). Всероссийский С'езд Советов и его исполнительный комитет определяют, какие виды доходов и сборов входят в общегосударственный бюджет и устанавливают пределы обложения (ст. 81). Ни один расход из средств государственного казначейства не может быть произведен без установления на него кредита в росписи государственных доходов и расходов или путем издания особого постановления центральной власти (ст. 83).

Таким образом, не может быть никаких сомнений в том, что в Советской России государственный бюджет существует и что советская власть должна жить по бюджету. Но бюджет этот имеет свои характерные особенности, резко отличающие его от бюджета других государств.

В области государственных расходов наиболее бросающеюся в глаза особенностью является самый способ определения их размеров. В начале 1918 г. по старой традиции советская власть полагала, что необходима экономия в государственных расходах. В сметных правилах по составлению

бюджета на первую половину 1918 г. мы находим указание, что «при составлении сметных исчислений необходимо отнестись с исключительною бережливостью к народным средствам». 20 февраля 1918 г. при Высшем Совете Народного Хозяйства был даже учрежден особый комитет по сокращению государственных расходов. О деятельности этого комитета мы ничего не знаем, а в последующих сметных правилах указаний о бережливом отношении к народным средствам мы более не находим. Новая точка зрения советской власти на бюджет была вполне определенно формулирована в отчете народного комиссариата финансов за $2\frac{1}{2}$ года его деятельности. По словам этого отчета, с переходом власти в руки пролетариата «наблюдавшееся ранее равновесие в использовании государственных средств оказалось нарушенным. Все ведомства начали строить свои проекты и планы независимо не только от других, но и вне всякой связи с государством в целом. Поэтому, лишь одно живое участие представителей поверяющих ведомств в сметной работе и настойчиво проводимая ими идея подчинения отдельного ведомства интересам целого создавали пока первое условие для появления и постепенного осуществления единого хозяйственного плана, выражаемого в бюджете пока по прежнему в форме денежного баланса». При этом не могло быть и речи о «неразумной бережливости» — «в ущерб удовлетворению насущных нужд государства, нужд культурного строительства и неотложных мероприятий по улучшению быта широких пролетарских масс. Почти все сокращения в сметах производились, исходя из двух основных соображений: во-первых, из смет исключались все те кредиты, в отношении которых, после тщательного обсуждения, выяснялось, что действительные расходы за счет этих кредитов не будут произведены ни до конца сметного периода, ни даже до конца льготного срока действия смет; во-вторых, исключению из смет подвергались те суммы, которые, при первоначальном

составлении смет, были исчислены на местности, отошедшие к неприятелю. Но все те расходы, которые вызывались революционными преобразованиями и мероприятиями по укреплению советской власти, разрешались по сметам не только в размерах вполне достаточных, но даже в избыточествующих, как это показывают остатки неиспользованных по сметам кредитов». Особенно решительно начала проводиться эта политика с середины 1919 г., когда было признано, что «не могло быть и речи о каком-либо ограничении ведомства в денежных средствах, необходимых на осуществление ими ближайших задач. Для работ по улучшению транспорта, поднятию промышленности и развитию деятельности всех вообще производительных предприятий, для мероприятий по продовольствию и снабжению населения, по здравоохранению и просвещению, наконец, по организации обороны Советской Республики, коль скоро все эти работы и мероприятия начинают получать планомерное направление, должны быть предоставлены все средства, какие только могут привести к желаемой цели. В этом отношении менее всего следовало останавливаться перед затруднениями денежного характера, тем более, что с осуществлением главнейших предначертаний советской власти в отношении социалистического производства и распределения и самые деньги должны будут аннулироваться, как излишний посредствующий элемент в операциях обмена и распределения. Именно в предвидении наступления этого момента и в заботах об устранении тех препятствий к устройству хозяйственной жизни Республики, которые могли бы встретиться из-за недостатка денежных рессурсов, народный комиссариат финансов начал проводить политику более или менее полного удовлетворения потребностей ведомств, почему и внес в Совет Народных Комиссаров проект декрета о выпуске в обращение новых кредитных билетов (15 мая 1919 г.), в котором признавалось необходимым предоставить Народному Банку (ныне

центральному бюджетно-расчетному управлению) право выпуска кредитных билетов сверх установленных до того времени норм, — в пределах действительной потребности народного хозяйства в денежных знаках» [1]). В отчете комиссариата финансов, за три года его деятельности, мы находим еще следующие дополнительные раз'яснения о его взглядах на экономное расходование народных средств на нужды государственного управления. С переходом власти в руки пролетариата нарочитое бережение средств государственной казны «тем менее было уместно, что для всех и центральных, и местных деятелей было ясно, что советская власть в первые переходные моменты социалистического строительства перешла и не могла не перейти к эмиссионному хозяйству, т. е. финансированию всего административного и обобществляемого хозяйственного аппарата страны исключительно за счет выпуска бумажно-денежных знаков. При таких условиях финансирования, дающих власти возможность безграничного использования эмиссионного источника, старые требования сметно-бюджетного порядка в смысле строгого учета своих рессурсов, экономии в расходовании средств и сообразования потребностей и расходов на них с предвидимыми размерами государственных, преимущественно налоговых доходов, теряли свой разумный смысл» [2]).

Таким образом, расходный бюджет Советской России в 1918—20 гг. характеризовался следующими двумя основными особенностями:

1. В нем нет стремления к экономии в расходах, строгого учета рессурсов государства и сообразования расходов с ожидаемыми размерами государственных доходов;

2. В нем нет даже соответствия расходных смет с расходными возможностями, с потребительною силою правитель-

---

[1]) «Известия Народного Комиссариата Финансов», 1920 г. № 10-11, стр. 10; Ср.: «Социальная революция и финансы», 1921, стр. 107-8.

[2]) «Известия», 1920, № 20, стр. 16.

ственных учреждений в деле осуществления поставленных им заданий.

Такая своеобразная бюджетная политика привела к чрезвычайному росту государственных расходов, небывалому в истории расхождению исполнения смет с бюджетными предположениями и взгляду на составление бюджета, как на пустую формальность. Последнее видно из времени утверждения смет:

На 1918 г., январь - июнь		в июне 1918 г.
» 1918 » июль - декабрь		» ноябре 1918 »
» 1919 » январь - июнь		» мае 1919 »
» 1919 » июль - декабрь		» августе 1921 »
» 1920 »		» августе 1921 »

т. е. сметы систематически утверждались первое время в конце сметного периода, затем долго спустя по его окончании.

Об исполнении смет мы имеем сведения только за 1918 г., да и то неполные (в миллиардах руб.) [1]):

	Подлеж. исполнению[2])	Действ. израсходов.	В %
Первая половина 1918 г. . . .	25,1	8,7	34,9
Вторая » 1918 » . . .	33,9	22,2	65,5

Отчет прибавляет, что «имеющиеся отрывочные сведения об остатках кредитов к концу сметного периода первой половины 1919 г. показывают, что общая картина сравнительно слабого использования ведомствами предоставленных им средств остается без изменения».

Для правильного понимания этих цифр не надобно забывать, что смета на первую половину 1918 г. была составлена на всю Европейскую и Азиатскую Россию, а об ее исполнении получены отчеты лишь из 26 губерний. Следующие сметы были уже составлены на меньшую территорию, — при-

[1]) «Известия», 1920, № 10-11, стр. 12-13.
[2]) Включая сверхсметные кредиты.

близительно 70 % прежней, судя по поступлению прямых налогов, и % исполнения смет сразу увеличился вдвое.

Главными источниками государственных доходов были:

1. Старые формы налоговых поступлений; 2. Контрибуции с имущих классов; 3. Доходы от национализированной промышленности и 4. Доходы от операций комиссариата продовольствия.

Старые формы налогового обложения предполагали существование частного хозяйства и частной собственности. Первый С'езд Советов Народного Хозяйства, собравшийся в мае 1918 г., мог еще высказаться за усиление налогового обложения, проведение подоходного и поимущественного налогов и введение жестоких косвенных налогов на все предметы роскоши. Но по мере уничтожения одних об'ектов обложения (процентных и дивидендных бумаг), перехода других об'ектов в собственность государства (промышленных и торговых предприятий, земель, домов) и постепенной ликвидации частной торгово-промышленной деятельности, формы эти постепенно отмирали, давая всё меньший и меньший доход казне. Большинство налогов было постепенно отменено, а промысловый и подоходный налог — преобразованы. Прямые налоги, косвенные налоги и пошлины дали казне (миллионов руб.):

В 1918 г.	1.834
» 1919 »	2.203
» 1920 »	379

С 9 февраля 1921 г. приостановлено взимание всех денежных налогов, общегосударственных и местных. Как вполне правильно указывается в издании народного комиссариата финансов, «Социальная революция и финансы», экономическая политика советской власти «привела к логической необходимости уничтожения налогового обложения» [1]).

[1]) «Социальная революция и финансы», стр. 59.

Но пока налоги еще существовали, многие руководители экономической политики советской власти пришли к заключению, что в эпоху переходную к коммунизму налоги должны «не столько питать государственный бюджет, сколько быть средством для ослабления и постепенной ликвидации частного хозяйства, постепенного превращения его в социалистическое организованное хозяйство» [1]).

Первою революционною формою обложения были контрибуции с имущих классов. Как рассказывает А. Потяев, «первоначально советам был брошен лозунг — грабь награбленное, т. е. им предоставлено было право налагать контрибуцию на буржуазию для того, чтобы удовлетворять свои потребности. Этот лозунг был дан тогда, когда мы не овладели еще финансовым аппаратом, когда из центра не могли удовлетворять местные потребности и нужды. И вот, не будучи в состоянии удовлетворять местные потребности из центра, необходимо было предоставить местным властям самим изыскать те суммы, которые им необходимы, взыскивать их с буржуазии, налагать контрибуции и т. д.» [2]). По словам народного комиссара финансов Н. Крестинского, «контрибуции в определенный период нашей советской работы, когда еще не наладился центральный аппарат, когда не существовало никакого сметного хозяйства, когда места сами должны были изыскивать средства, являлись необходимостью, ибо единственным способом изыскания этих средств на местах являлось тогда обложение имущих классов. К этому обложению товарищи были призваны и т. Лениным и т. Петровским, и конец 1917 и начало 1918 г. ознаменованы целым рядом более или менее планомерных или более или менее случайных местных налогов, представлявших из себя

[1]) Я. Торгулов. «Новая экономическая и финансовая политика советской власти», 1921, стр. 35, также 37-8.

[2]) А. Потяев. «Финансовая политика советской власти», 1919, стр. 83.

не правильную систему обложения всего населения, а лишь обложение имущих классов в форме контрибуций» [1]).

Конечно, эти контрибуции не могли не мешать поступлению в казну регулярных государственных налогов, подрывая платежеспособность плательщиков. Поэтому, уже в конце марта 1918 г. комиссариатом финансов был издан циркуляр, который запрещал взимание контрибуций и являлся подготовкой к нормальному изысканию государственных средств. Но этот циркуляр под давлением с мест был отменен всероссийским центральным исполнительным комитетом, система контрибуций получила определенное признание центральной власти и применялась в течение всего лета 1918 г. счета этим взысканиям не велось.

30 октября 1918 г. был издан декрет о единовременном чрезвычайном 10-миллиардном революционном налоге, а 31 октября местным советам было также предоставлено право устанавливать для лиц, принадлежащих к буржуазному классу, единовременные чрезвычайные революционные налоги.

К этому последнему декрету комиссариат финансов с самого момента его издания отнесся резко отрицательно. Как докладывал народный комиссар финансов Н. Крестинский на с'езде заведующих финансовыми отделами местных советов в мае 1919 г., после того, как наладился сметный порядок финансирования местных советов и присылка им денег из центра, — «обложение имущих классов на местах в пользу местных советов является не преступлением, конечно, против буржуазии, а преступлением против государства в целом, потому что капиталы представителей буржуазии, имеющих счастье или несчастье проживать в том или другом городе или в той или другой губернии, не представляют собой собственности этого города или губернии и должны

---

[1]) «Труды всероссийского с'езда заведующих финотделами. Пленарные заседания», стр. 18-19.

быть обращены не в их пользу, а в пользу всего государства. Эти средства должны быть обращены в общегосударственный котел и лишь оттуда более или менее планомерно распределяться между губерниями и городами по их потребностям. Поэтому, мы считаем декрет об этих революционных местных налогах устарелым... Мы отмежевываемся от этого декрета. Он принят по инициативе Свердлова, по инициативе комиссариата внутренних дел, а не по нашей инициативе» [1]). По сведениям комиссариата финансов, декрет этот не имел практического применения [2]), хотя в роспись на первую половину 1919 г. «внесена примерная сумма в 100 милл. руб., основанная на полученных из некоторых губерний данных о размере взысканных уже сумм указанных налогов» [3]).

Всероссийский чрезвычайный налог был, по словам Н. Крестинского, попыткой «использовать все нетрудовые сбережения, все излишние средства, имевшиеся у буржуазии, не на нужды того или другого местного совета, а на нужды всей республики... Это налог на сбережения и накопления, сохранившиеся у буржуазии и городской и сельской от старого времени и образовавшиеся тогда, когда существовала частная собственность на орудия производства... Будучи направлен на нетрудовые накопления, чрезвычайный налог, раз мы переходим к новому экономическому строю, повторяться не может» [4]). Одним ударом он должен был экспро-

---

[1]) «Труды всероссийского с'езда заведующих финотделами. Пленарные заседания», 1920, стр. 19. В издании комиссариата финансов «Социальная революция и финансы» этот декрет 31 октября 1918 г. совершенно замолчан и дана совершенно неверная характеристика декрета 30 октября. См. «Социальная революция и финансы», стр. 129.

[2]) «Известия Нар. Ком. Финансов», 1920, № 10-11, стр. 17.

[3]) «Роспись общегосударственных доходов и расходов на январь-июнь 1919 г.», стр. 76.

[4]) «Труды всероссийского с'езда заведующих финотделами. Пленарные заседания», стр. 19-20.

приировать все денежные капиталы, сохранившиеся еще у буржуазного класса. Это задание определило его размеры — 10 миллиардов руб. В мотивах к декрету мы читаем: «Городская буржуазия и деревенские кулаки за годы империалистической войны сумели приобрести и еще продолжают приобретать — преимущественно путем хищнической спекуляции предметами первой необходимости и особенно хлебом — огромные денежные средства. Богатства эти необходимо немедленно и целиком взять у паразитических и контрреволюционных элементов населения и обратить их на неотложные нужды революционного строительства и борьбы. Вследствие этого, всероссийский центральный исполнительный комитет советов постановляет обложить имущие группы городского и деревенского населения повсеместным единовременным налогом в сумме 10 миллиардов рублей». Вся эта сумма была распределена ВЦИК между отдельными губерниями, так, были обложены:

Москва	2000	милл. руб.
Петроград	1500	» »
Московская г.	1000	» »
Петроградская г.	500	» »
Самарская г.	400	» »
Саратовская г.	400	» »

и т. д. Губернские исполнительные комитеты распределили назначенные на губернии суммы между уездами и городами, уездные — между волостями, волостные — между селениями и поселками. Комитеты бедноты, сельские, волостные и городские советы депутатов составили списки лиц, которые подлежали обложению единовременным чрезвычайным налогом и произвели раскладку причитающихся на селение (поселок) или город сумм налога между плательщиками сообразно общему имущественному положению и доходам каждого лица. Раскладка эта производилась таким образом, чтобы городская и деревенская беднота были со-

вершенно освобождены от единовременного чрезвычайного налога, средние слои были обложены лишь небольшими ставками, а всей своей тяжестью налог пал бы на богатую часть городского населения и богатых крестьян. При подобной конструкции обложения, налог, во-первых, должен был в высшей степени неравномерно ложиться на плечи плательщиков одного достатка, но живущих в разных местностях и, во-вторых, общая сумма ожидаемых поступлений являлась величиной совершенно проблематичной. Всего по этому налогу поступило:

В 1918 г.	184,7 милл. руб.
» 1919 »	961,0 » »
» 1920 » до декабря .	482,0 » »
Всего	1627,7 милл. руб.

Между тем, для взыскания этого налога на местах не останавливались перед самыми крайними мерами. Как мы узнаем из ряда циркуляров народного комиссара финансов Крестинского в декабре 1918 г. — январе 1919 г., в одних местах, как к мере взыскания чрезвычайного налога, прибегали к расстрелам, в других — к заключению в нетопленных помещениях с нарочно выставленными окнами, побоям, порке, угрозам расстрелом и т. д. Комиссариат финансов установил следующий порядок мер взыскания по чрезвычайному налогу: первое — арест денежных запасов, имеющихся у плательщика, также опись и продажа с публичных торгов излишков движимого имущества; второе — конфискация недвижимого имущества, третье — назначение на принудительные работы, четвертое — личный арест. Имущество политических эмигрантов и белогвардейцев подлежало полной конфискации. Принудительные меры должны были применяться исключительно к первой группе плательщиков — богатым, к среднякам же лишь в случае заведомого сокрытия денег и излишков другого имущества в целях уклонения от платежа. Разорение хозяйств среднего достатка городского

и сельского населения было признано недопустимым. Продаже за недоимки крестьян не подлежали: необходимые в хозяйстве семена, орудия, одна корова, одна лошадь, необходимое продовольствие — хлеб, овощи, топливо, обычная одежда, домашняя утварь. И несмотря на все эти чрезвычайно суровые меры взыскания, далеко превзошедшие худшие времена царизма, удалось собрать всего 16,3 % назначенной суммы. Очевидно, в стране не было больше об'ектов для конфискации. Заслуживает внимания отношение к чрезвычайному налогу об'яснительной записки к росписи на вторую половину 1918 г. Отметив значение чрезвычайного налога в ряду ожидаемых доходных поступлений, в записке далее высказываются следующие замечания: «Однако, на такого рода меры нельзя рассчитывать, как на всегда возможный выход из бюджетных затруднений, так как применение их ведет к уничтожению самих об'ектов обложения, но при настоящих условиях перехода к новым формам хозяйственного устройства страны это уничтожение об'ектов обложения представляется совершенно безопасным для экономического ее развития. Ведь всё, что является производительно ценным и продуктивным в хозяйственно - экономическом отношении, как - то: фабрики, заводы, недра земли и проч., — всё это переходит в эксплуатацию государства и становится источником государственного дохода в новой форме. Путем же обложения, подобным единовременному чрезвычайному налогу на буржуазию, конфискуются по преимуществу запасы денежных знаков, непроизводительно хранимые имущим классом населения. В этом направлении имеется даже еще некоторый простор для нового отчуждения денег в пользу государства. При помощи введения принудительных текущих счетов и нового налога, подобного только что приведенному, удастся извлечь для нужд государства еще несколько миллиардов от спекулятивной части буржуазии. После же этого советская Россия должна будет

покрывать свои расходы путем развития деятельности национализированных предприятий и улучшения производительности сельского хозяйства» [1]).

Строки эти явно написаны были еще до выяснения результатов чрезвычайного налога. Комиссар финансов, составляя об'яснительную записку к росписи, был полон надежд на то, что не только удастся собрать 10 миллиардов чрезвычайного налога, но налог этот можно будет еще и повторить, хотя и в несколько уменьшенном размере. Действительность, как мы знаем, этих надежд не оправдала. Затем, комиссар финансов выражает уверенность, что чрезвычайный налог не отразится вредным образом на хозяйстве страны, ибо будут конфискованы по преимуществу одни лишь запасы денежных знаков, непроизводительно хранимые имущим классом населения. Подобное толкование характера чрезвычайного налога явно неверно. Им должны были быть экспроприированы у буржуазии не только денежные запасы, где-либо хранимые, но и денежные капиталы, работающие в промышленных и торговых предприятиях, еще не национализированных. Кроме того, продажа из крестьянского хозяйства второй лошади, второй коровы уже явно не имеет никакого отношения к денежным запасам, уничтожение которых безразлично для народного хозяйства страны.

Что касается развития производительности национализированных предприятий, то, как показывает пережитый нами опыт, перераспределение уже произведенных ценностей путем насильственных конфискаций яляется делом несравненно более легким, чем производство новых материальных ценностей. В конце 1918 г. народный комиссар финансов смотрел в высшей степени оптимистически на будущее нашей национализированной промышленности, В об'яснительной записке к росписи на вторую половину 1918 г. он писал:

---

[1]) «Роспись на июнь-декабрь 1918 г., с об'яснительной запиской Народного Комиссара Финансов», стр. 57-58.

«Уже теперь, во втором полугодии 1918 г. Высший Совет Народного Хозяйства усматривает полную возможность сбалансировать исполнение своих смет без дефицита. Это обстоятельство, т. е. бездефицитное исполнение указанных смет, почти в самом начале перехода предприятий в эксплуатацию государством и притом после огромных разрушений производительного аппарата вследствие четырехлетней войны, — служит решительною гарантией, что в ближайшем же будущем деятельность национализированных предприятий достигнет значительного улучшения. В этом отношении следует иметь в виду еще и то, что многие, необходимые для наилучшей продуктивности работы предприятий, капитальные затраты уже произведены и производительность заводов начинает быстро расти» [1]).

Рост производительности обобществленной промышленности имеет для советской власти не только практическое, но и принципиальное значение. Он должен был дать не только богатый источник материальных средств для покрытия государственных расходов, но и подвести экономический фундамент под политическую диктатуру рабочего класса. Для политической власти, носящей резко выраженный классовый характер, принципиально важен вопрос: какая форма производства питает эту власть, покрывает ее государственные расходы. Если политическая диктатура пролетариата питается доходами с обобществленной промышленности, тогда политическая надстройка вполне отвечает ее экономическому основанию. Напротив, если власть пролетариата питается доходами с крестьянского хозяйства, тогда между основанием и надстройкой существует принципиальное противоречие, чреватое политическими конфликтами и кризисами.

---

[1]) «Роспись на июнь-декабрь 1918 г.», стр. 58.

На вопрос, может ли национализированная промышленность питать советскую власть, цифры дают беспощадно ясный ответ. Сметный бюджет Высшего Совета Народного Хозяйства слагался все эти годы из следующих доходов и расходов (в милл. рублей):

Годы	Расходы	Доходы	Дефицит
1918	7.219	1.328	— 5.891
1919	53.024	15.449	— 37.575
1920	368.212	52.650	— 315.562
1921	7.116.211	689.100	— 6.427.111

Таким образом, доходы национализированной промышленности покрывали только около седьмой части расходов. Сметный бюджет национализированных железных дорог несколько лучше:

Годы	Расходы	Доходы	Дефицит
1918	7.569	1.068	— 6.501
1919	16.294	2.194	— 14.100
1920	70.209	18.431	— 51.778
1921	2.133.725	2.149.800	16.075

Национализированная промышленность не только не может питать советскую власть, но, напротив, сама нуждается в чревычайно крупной поддержке с ее стороны.

«Корень бюджетных дефицитов 1918—1921 гг. заключается, главным образом, в дефицитности государственной промышленности» [1]).

Крестьянскому хозяйству и мелкой промышленности, избегнувшей национализации, приходится не только содержать советскую власть, но и покрывать чудовищные по своим размерам дефициты национализированных отраслей промышленности и транспорта.

Остается еще натуральный налог на крестьян, который был введен декретом 30 октября 1918 г., несмотря на существование хлебной монополии, отбиравшей у крестьян все

[1]) «На новых путях», вып. II: финансовый, 1923, стр. 22.

излишки хлебов. С этим налогом были связаны большие надежды. Как докладывал С. Чуцкаев на с'езде заведующих финансовыми отделами местных советов в мае 1919 г., «финансовые результаты этого налога по предварительным подсчетам ожидаются такие: при полном проведении налога по всей советской России (но без значительной части восточных губерний и Украины) он должен был дать такое количество продуктов сельского хозяйства, которое целиком обеспечило бы потребности крупных городов и всех промышленных центров» [1]). Поступления не оправдали этих ожиданий. Оказалось, что никаких излишков хлебов, которые можно было бы взять у крестьян, не имеется, что весь урожай предыдущего года взят на учет, и все оказавшиеся излишки хлеба либо сданы уже продовольственным органам по твердым ценам, либо взяты комитетами бедноты, что при осуществленном уже уравнительном распределении между населением земельных угодий и скота не осталось вовсе таких сельских хозяев, которые по размерам посевных площадей и количеству имеющегося скота могли бы быть отнесены к категории плательщиков натурального налога. Поэтому, 25 апреля 1919 г. был издан новый декрет, осободивший от уплаты налога всех хозяев, которые должны были внести менее 60-40 пудов ржи, т. е. по существу приводивший к полному отказу от взыскания этого налога из урожая 1918 г. В 1919—1920 гг. от этого налога всего было получено [2]):

	Зерном	Деньгами
1919	43.969 пуд.	408.161 руб.
1920	199.206 »	58.406.741 »

Цифры эти настолько незначительны, что существенной роли в общем балансе народного и государственного хозяйства играть не могут.

---

[1]) «Труды всероссийского с'езда заведующих финотделами. Пленарные заседания», стр. 41.

[2]) «Известия Нар. Ком. Финансов», 1920, № 20, стр. 12.

Что касается исполнения доходных смет, то мы располагаем только данными за 1918 и 1919 г., да и то неполными (в миллионах руб.) [1]):

	Смет. назнач.	Поступило	В %
1918	15.580	3.682	23,6
1919	48.959	5.195	10,6

Это поразительное несоответствие поступлений сметным ожиданиям об'ясняется отчасти обращением некоторой части их на удовлетворение местных нужд. Так, в отчете народного комиссариата финансов за 2½ года его деятельности мы находим указание, что «еще с начала 1917 г. зародилось и затем получило широкое распространение в корень подрывающее бюджет явление, ныне постепенно исчезающее, — систематическое нарушение правил о единстве кассы. Некоторыми местными учреждениями допускалась неполная сдача в народную казну поступавших через означенные учреждения денежной выручки, разных доходов, налогов и сборов, в особенности же доходов почтово - телеграфных и железно - дорожных. При этом задерживавшиеся доходные денежные поступления обращались местными учреждениями на удовлетворение их нужд и, таким образом, учреждения освобождали себя от необходимости представления центру своих смет и получения от центра кредитов» [2]).

Тем же грешили, однако, и некоторые центральные учреждения. Как докладывали представители комиссариата финансов на с'езде заведующих финансовыми отделами местных советов, «по некоторым ведомствам значительная часть доходных поступлений не передавалась в доход казны, а зачислялась на текущие счета учреждений и предприятий или даже хранилась в самих учреждениях и затем обращалась на покрытие их расходов. Такой порядок особенно часто

---

[1]) «Известия Нар. Ком. Финансов», 1920, № 20, стр. 22.
[2]) «Известия Нар. Ком. Финансов», 1920, № 10-11, стр. 7-8.

практиковался учреждениями и предприятиями национализированной промышленности, национализированного флота и железных дорог, а также ведомствами продовольствия и социального обеспечения» [1]).

Но, конечно, главною причиною было быстрое сокращение частно-хозяйственной деятельности и оборота, недостаточно учитывавшееся сметными предположениями.

Итак, доходный бюджет советской России этих лет характеризуется следующими особенностями:

1. Чрезвычайным несоответствием действительных поступлений сметным исчислениям;

2. Отмиранием обычных форм налогового обложения, — прямых и косвенных налогов, пошлин; и

3. Введением таких форм обложения, которые представляют собою прямую экспроприацию имущества буржуазных классов населения.

Эти «революционные налоги», — контрибуции, выродившиеся в частичные конфискации и реквизиции, были отменены только декретом 17 октября 1921 года, первый пункт которого гласит: «никакое имущество не может быть реквизировано или конфисковано иначе как в порядке, предусмотренном настоящим декретом». В следующих параграфах право возмездной реквизиции предоставляется лишь в исключительных случаях небольшому числу государственных учреждений, а конфискация допускается лишь по судебным приговорам, как карательная мера.

Посмотрим теперь, что представляет собою бюджет Советской России в целом за эти годы. За недостатком данных об исполнении смет, нам придется ограничиться сопоставлением сметных назначений по расходной и доходной сметам. Некоторым коррективом могут служить данные о количе-

---

1) «Труды всероссийского с'езда заведующих финотделами. Работы секций и доклады», стр. 96.

стве выпущенных бумажных денег, которыми покрывался дефицит. Все величины исчислены в миллиардах руб.:

	Расходы	Доходы	Дефицит	В % от расходов	Выпущено бум. денег
1918 . . .	46,7	15,6	31,1	66,6	34,0
1919 . . .	215,4	49,0	166,4	77,3	163,7
1920 . . .	1.215,2	159,6	1.055,6	86,9	943,6
1921 . . .	24.471,9	4.139,8	20.332,0	83,1	16.370,9

Дефицит, достигающий 87 % расходной сметы, представляет собою небывалое в истории явление. Это — также одна из характернейших черт бюджета Советской России.

Но дефицит этот мало смущал руководителей советских финансов. Они находили, что «дефицитность революционных бюджетов, в условиях отрицания капитала и капиталистического строя, не является злом» [1]). Поэтому, они думали, что «всякий подход к рассмотрению последних революционных бюджетов с критикой их, исходящей из того основного положения, что несоразмерность расходов с доходами есть симптом пагубного расстройства финансов, является подходом неправильным. Расстройство финансов для государства, переходящего от капиталистического строя к социалистическому, и имеющего перейти от денежных (финансовых) бюджетов к материальному учету ценностей, не может быть рассматриваемо, как явление, препятствующее этому переходу. При этом условии совершенно естественным и понятным представляется то обстоятельство, что советская власть, в лице Народного Комиссариата Финансов, не ставила своей задачей каких - либо, указываемых буржуазной наукой и практикой, финансовых мероприятий, направленных к улучшению финансов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и к устранению дефицитных бюджетов, ибо всё существо подобного рода мероприятий клонится к укреплению или поддержке капита-

---

[1]) «Социальная революция и финансы», стр. 101.

листического строя и, следовательно, стоит в противоречии с устремлением советской власти к созданию социалистического хозяйства» [1]).

К способам покрытия этого необычайного дефицита мы вернемся ниже. Теперь же нас интересует другая особенность государственных росписей 1918—20 гг. Само собою разумеется, что разоренная войной и коммунистической революцией Россия могла иметь бюджет, исчисляемый десятками и сотнями миллиардов, только благодаря тому, что рубль упал в своей ценности до мелких долей копейки. Поэтому, представляет интерес посмотреть, как велик был государственный бюджет революционной России, выраженный не в бумажных, а в товарных рублях. Для этого мы должны годовую смету доходов и расходов разделить на средний годовой индекс товарных цен. Чтобы произвести эту операцию, мы можем воспользоваться индексами статистики труда [2]):

1918 г.	78
1919 »	776
1920 »	8.220
1921 »	74.500

Проделав соответствующую арифметическую операцию, мы получим величину сметных доходов и расходов в товарных рублях. Тут мы будем уже иметь дело не с миллиардами, а с миллионами рублей [3]):

	Расходы	Доходы	Дефицит
1918	594,6	199,7	— 394,9
1919	277,6	63,1	— 214,5
1920	147,8	19,4	— 128,4
1921	350,0	55,5	— 294,5

Таким образом, мы получили следующий поразительный и совершенно невероятный результат: несмотря на принципи-

---

[1]) «Социальная революция и финансы», стр. 96.

[2]) См. «Экономическая Жизнь», 1922. № 242.

[3]) «На новых путях», вып. II: финансовый, стр. 10.

альный отказ от экономии в расходовании государственных средств, советская власть достигла такого удешевления управления, что в 1920 г. бюджет государства, со включением расходов на национализированную промышленность и железные дороги, составлял 150 милл. довоенных рублей.

Вывод этот, конечно, неверен, вздорен и нелеп и полученное нами исчисление государственного бюджета в товарных рублях представляет собою наглядную несообразность.

Дело в том, что в 1918—20 гг. советская власть жила не поступлениями, вносившимися в государственные росписи доходов и расходов согласно советской конституции, а совершенно иными источниками материальных ценностей, в росписях не упоминавшимися. Этими источниками были:

1. Склады товаров и другие запасы, принадлежавшие правительству и поступившие в распоряжение советской власти после октябрьского переворота, в том числе золота, за вычетом увезенного во Владивосток, 1 057 милл. руб.;

2. Товары и ценности, экспроприированные у буржуазии в банках, на фабриках, торговых складах, в магазинах и частных жилищах;

3. Поступления хлеба и других сельско-хозяйственных продуктов от крестьян в порядке продовольственной разверстки; и

4. Различные трудовые повинности, в том числе гужевая, имевшая огромное значение в деле заготовки дров.

Повидимому, большинство этих «доходов» поступало и расходовалось советской властью без какого бы то ни было учета. Во всяком случае, в государственных росписях о них не упоминается ни словом. Молчала о них и советская печать. Лишь для поступлений по разверстке Е. Преображенский дает их подсчет в переводе на золото [1]):

---

[1]) «Правда», 1921, № 117; Е. Преображенский. «Причина падения курса нашего рубля», 1922, стр. 52.

1918—19 г.	127 милл. руб.
1919—20 »	253 » »
1920—21 »	451 » »

Затем, в вышедшем недавно сборнике «На новых путях» С. Голованов пытается учесть и материальные элементы бюджета. Приведенный выше пересчет на товарные рубли он считает неверным, так как при нем был принят индекс вольных цен. Между тем, все оборотные доходы и расходы внесены в государственные сметы в твердых, а не вольных ценах. По мнению г. Голованова, по вольным ценам должны быть перечислены все прямые доходы и расходы, а по твердым — оборотные. Для твердых же цен 1920 г. индекс равен 106. Тогда доходная часть сметы на 1920 г. будет равна 989 милл. руб., а расходная — 1 803 милл. руб. [1]).

Таким образом, наиболее характерною чертою государственных росписей 1918—1920 гг. является обход молчанием в бюджетных сметах тех поступлений и запасов, которыми жила власть в эти годы.

Этот фактический отказ от какого бы то ни было бюджетного хозяйства не мешает представителям советской власти утверждать, что первою и основною задачею этой власти в области бюджетного хозяйства было «упорядочить государственный бюджет и всё сметное хозяйство, полученное революцией от старого порядка в самом хаотическом и расстроенном состоянии» [2]).

2. Роспись на 1922 г. и ее исполнение.

Смета на 1921 г. так и не была утверждена [3]). Если советская власть прожила 1918—1920 гг. с фантастическими сметами государственных доходов и расходов, то почему ей

---

[1]) «На новых путях», вып. II: финансовый, стр. 13-15, 21, 23, 48.

[2]) «Социальная революция и финансы». Сборник к III конгрессу коммунистического интернационала, 1921, стр. 59.

[3]) Ср. «Финансовая политика за период декабрь 1920 г. — декабрь 1921 г. (отчет к IX Всероссийскому С'езду Советов)», стр. 68.

нельзя было позволить себе роскошь прожить 1921 г. совсем без сметы?

Составлению сметы на 1922 г. предшествовал декрет всероссийского центр. исполн. комитета от 10 октября 1921 года о мерах по упорядочению финансового хозяйства, в котором указывалось, что за 1918—20 гг. во всех советских учреждениях и предприятиях укрепился взгляд на деятельность народного комиссариата финансов, как на деятельность учреждения, в значительной степени отжившего и подлежащего ликвидации. Всероссийский центральный исполнительный комитет предложил всем советским учреждениям и предприятиям «принять к сведению и неуклонному руководству, что интересы народной казны возводятся на степень интересов высшего государственного порядка, что всемерная охрана этих интересов составляет обязанность каждого советского учреждения и предприятия и каждого должностного лица». Народному комиссариату финансов Всероссийский центральный исполнительный комитет дал «непреклонное задание: всеми мерами добиться в возможно кратчайший срок необходимого улучшения государственных финансов Р. С. Ф. С. Р.» Средствами к достижению этой цели являются изыскание способов всемерного увеличения доходов народной казны, проведение начал исключительной бережливости и строжайшей экономии в расходовании денежных средств и всемерное сокращение эмиссии с доведением ее, если возможно, до полного прекращения.

Чтобы осознать, насколько новы были эти элементарные принципы финансового управления для советской власти, нужно отдать себе ясный отчет в тех порядках, которые установились в 1920—21 гг. Один из советских журналов дает следующую их характеристику: «До ноября прошлого (1921) года никакого предварительного плана распределения кредитов фактически не было, не было даже определенных перспектив на ближайшее время. Почти вся финансовая ра-

бота сводилась к тому, что к первому числу каждого месяца в Совете Народных Комиссаров регулярно происходила дележка эмиссионного котла. Государство выпускало деньги, а народные комиссары делили эти деньги между собою. Лимитом была только производственная способность печатного станка. Составлением жесткого бюджета в ноябре-декабре прошлого года была сделана первая попытка подхода к планомерной организации нашего денежного хозяйства» [1]).

При отношении к государственной смете, как к вещи совершенно никчемной, которая только мешает, провозглашение принципа строжайшей экономии в расходовании государственных средств было чем-то неслыханно новым.

Пожалуй, еще большее заострение новых начал в области финансовой политики дано в тезисах по финансовому плану на 1922—23 гг. [2]), в которых указывается, что обстоятельства «заставляют нас в настоящее время стать на путь составления бюджета по нашим рессурсам и отказаться от принципа составления бюджета по потребностям». Поэтому, нужно сократить расходы, ограничив их только основной группой потребностей народного хозяйства и советского аппарата: в первую очередь нужно удовлетворить «нужды транспорта и связанных с ним металлургической и топливной отраслей промышленности, армии, налогового аппарата и лишь самые неотложные расходы по нашему административному и культурно-просветительному аппарату».

Посмотрим, как эта программа проводилась в жизнь.

На 9 месяцев 1922 г. первая смета была составлена (в золотых рублях) в конце 1921 г. и утверждена в декабре 1921 года IX С'ездом Советов [3]). Вскоре, однако, было обнаружено, что смета эта заключает в себе крупнейшие ошибки.

---

[1]) «Народное хозяйство», 1922, № 6, стр. 21.

[2]) «Экономическая Жизнь», 1922, № 227.

[3]) «Роспись общегосударственных доходов и расходов Р. С. Ф. С. Р. на январь-сентябрь 1922 г.», Москва, 1921 г.

Тогда в мае 1922 г. был выработан проект второй сметы [1]), названной «ориентировочной», потому что на ее основе должны были составляться и приводиться в исполнение бюджеты квартальные, рассчитанные на одну четверть года. Проект этот был пересмотрен Советом Народных Комиссаров и утвержден 6 июля 1922 г. [2]). Наконец, мы располагаем, хотя и отрывочными, но достаточно полными данными об исполнении государственной росписи на январь - сентябрь 1921 г.

Госуд. доходы	I см	II смета	III смета
Прямые налоги	37,5	39,0	49,0
Косвенные налоги	29,6	80,1	80,1
Пошлины	9,3	6,1	5,8
Натуральный налог	425,6	319,3	319,3
Национ. промышленность	899,4	66,5	1,5
Железнодор. транспорт	56,4		143,3
Водный транспорт	4,2	295,9	61,7
Местный транспорт	13,5		—
Почта, телегр. и телефон	24,5		50,7
Лесной доход	45,0		30,0
Совет. сел. хозяйства	7,6	67,2	1,5
За вывез. заграницу товары	10,0		—
Проч. имущ. и капиталы	7,4		3,5
Возврат обор. капиталов пром. предпр.	—	150,0	150,0
Платежи сов. учрежд. и ком. хозяйств.	75,2	—	—
Прочие поступления в возвр. расх. казны	1,5	1,0	1,0
От покупки золота и платины	—	15,0	—
Поступления из золотого фонда Р. С. Ф. С. Р.	—	78,4	—
Реализация матер. фондов	—	—	20,0
Кредитные операции	—	—	63,3
Доходы разного рода	0,4	0,8	1,2
Всего	1 647,1	1 119,2	981,9

[1]) Проект этот напечатан в брошюре: «Главнейшие статистические сведения о наших финансах», 1922, стр. 10-11.

[2]) «Отчет Нар. Комиссариата Финансов за 1922 г.» стр., 15-19; сборник «На новых путях», вып. II: финансовый, стр. 2, 29, 30, 41; «Народный Комиссариат Финансов 1917-1922», стр. 42, 51, 64-5.

Госуд. расходы	I смета	II смета	III смета
Всеросс. цент. исп. комит. . .	5,1	3,9	4,1
Совет Нар. Комиссаров . . .	1,5	1,0	1,3
Н. К. по Иностр. Делам . . .	2,0	4,0	2,7
» » » Национ Делам . . .	1,4	0,6	0,7
» » » Внутр. Дел	59,7	36,5	75,2
» » » Юстиции	23,2	4,9	6,5
» » » Просвещения . . .	122,8	37,9	50,6
» » » Труда	3,8	2,4	2,6
» » » Здравоохранения . .	117,2	25,1	47,0
» » » Социал. Обезпечения	48,3	0,4	6,9
Центр. статист. управление .	4,8	4,0	4,7
Н. К. раб. кр. инспекции . .	2,5	2,8	4,8
» » Финансов	39,9	139,1	23,4
» » Земледелия	52,3	37,6	51,0
» » Продовольствия . . .	139,9	239,7	191,6
Высш. Совет Нар. Хозяйства .	153,6	98,8	47,2
Н. К. Внешн. Торговли . . .	141,7	5,4	4,8
» » Путей Сообщения . . .	277,5	287,4	323,5
» » Почты и Телеграфа . .	25,8	24,1	26,2
» » по Военным Делам . .	556,0	190,5	247,4
» » » Морским Делам . .	71,8	26,3	30,7
Союз. и авт. совет. республ. .	—	85,4	115,2
Фонды: на выдачу ссуд Гос Банком	—	—	300,0
Фонды: на покупку золота и платины	—	—	28,0
Фонды: центр. ком. пом. голодающим	—	—	7,0
Фонды: на непредв. расходы ВСНХ	—	—	1,3
Фонды: дотационный	14,0	—	25,3
» резервный	12,4	—	77,0
Всего . . .	1 877,1	1 257,8	1 706,7

Анализ этих трех смет и их фактического исполнения, — их критики экономической действительностью, — рисует нам чрезвычайно яркую картину убожества финансовой политики советской власти. Все три сметы составлены в золотых рублях, поступление же налогов и вообще исполнение государственной росписи учитывается обыкновенно в товарных рублях, которые приблизительно в 1,45 раз выше золотых. Поэтому, III смету мы приводим в двух исчислениях, — на золотые и товарные рубли.

Основные данные всех этих трех смет следующие (в миллионах золотых и товарных рублей):

Госуд. расходы . .	1 877,1	1 257,8	1 706,7	1 177,1
Госуд. доходы . .	1 647,1	1 119,2	981,9	677,3
Дефицит . .	230,0	138,6	724,8	499,8

При сравнении этих смет, прежде всего, бросается в глаза систематическое понижение в них величины ожидаемых доходов, так что дефицит по третьей смете более чем втрое превышает дефицит по первой. В этом падении решающую роль, очевидно, играл момент времени. Когда составлялась первая смета, в конце 1921 г., комиссариат финансов был обуреваем надеждами на большие поступления доходов. К маю 1922 г. эти надежды сильно завяли, а к июлю — от них осталось одно печальное воспоминание: от 1 647 милл. руб. по первой смете уцелело только 982 милл. руб. Если бы цифры первых двух смет отвечали действительности, положение советских финансов надобно было бы признать блестящим. Дефициту в 230 или 140 милл. руб. могло бы позавидовать большинство западно - европейских государств. Разоренная гражданскою войною и коммунистическою политикою страна не может иметь бюджета с таким сравнительно незначительным дефицитом. По третьей смете мы имеем уже дефицит в 725 милл. руб., — эта цифра гораздо ближе к действительной, чем первые две.

Присмотримся к составу смет. Мы должны начать с внесения формальных поправок в способ составления доходных смет:

1. Во второй смете в доходы включены: 150 милл. руб. возврата оборотных капиталов промышленных предприятий, 15 милл. руб. от покупки золота и платины и 78,4 милл. руб. поступлений из золотого фонда республики. Что последняя статья не может считаться доходом, а представляет собою способ покрытия дефицита, — это самоочевидно. Но столь

же несомненно, что и первые две статьи носят фиктивный характер. В третьей смете неправильно в доходную смету занесены, сверх 150 милл. руб. от промышленных предприятий, 20,0 милл. руб. от реализации материальных фондов и выручка по хлебному займу в размере 63,3 милл. руб.;

2. По национализированной промышленности, транспорту и средствам связи, как по институтам хозяйственного характера, в государственный бюджет должно вноситься только сальдо их приходов и расходов, — в доходную смету, если сальдо носит положительный характер, и в расходную — в обратном случае. Между тем, в рассматриваемых сметах поступления от национализированной промышленности в первой смете, от транспорта — по всем трем сметам внесены в их валовых, а не чистых размерах. Во второй и третьей сметах по промышленности показан также не чистый доход.

Баланс национализированной промышленности, по данным смет, носит следующий характер (в милл. руб.):

	I	II	III a	III b
Приход	899,4	66,5	151,5	104,5
Расход	153,6	98,8	47,2	32,6
Баланс	745,8	—32,3	104,3	71,9

В первой смете бюджет промышленности носит совершенно фантастический характер. Если бы советское правительство на каждый рубль, затраченный в промышленность, зарабатывало чистого дохода 5 рублей, — оно было бы самым богатым правительством в мире. В действительности же, как это видно из сметы, представленной Высшим Советом Народного Хозяйства, чтобы произвести на 906,6 милл. руб. товаров, нужно израсходовать 894,1 милл. руб., так что чистый доход от промышленности по этому расчету составит только 12,5 милл. руб. [1]). Очевидно, при составлении пер-

---

[1]) Труды Госплана I, стр. 56 и 151.

вой сметы были совершенно упущены из виду расходы на приобретение сырого материала, на оплату железнодорожного транспорта, почтовых расходов и т. п.

На с'езде коммунистической партии в марте 1922 г. эта ошибка была констатирована, заместитель комиссара финансов Сокольников указал, что в декабрьской смете «одна из самых существенных ошибок состоит в том, что в этом бюджете в графе доходов был показан чистый доход от государственной промышленности в 750 миллионов довоенных рублей, тогда как, на самом деле, здесь есть преувеличение, по крайней мере, на полмиллиарда. Таким образом, дефицит, который в этом бюджете был исчислен в 300 миллионов рублей, на самом деле нужно считать равным, по крайней мере 800 миллионов рублей. Округляя цифры, можно сказать, что дефицит в этом бюджете равен, по крайней мере, миллиарду. Таким образом, из 1 800 000 рублей нашего бюджета мы в действительности имели около 1 000 000 рублей дефицита, т. е. больше 50 %. С таким бюджетом, конечно, жить нельзя».

Таким образом, главная причина бюджетного дефицита — в убыточности национализированной промышленности. Только тогда, когда она перестанет приносить убыток, только когда она «перестанет быть калекой, живущим на средства государства, только тогда давление этого пенсионера на государственный бюджет прекратится и прекратится причина, в значительной мере обостряющая наш финансовый кризис». «Мы на государственных плечах, на государственном бюджете держать эту промышленность не можем, мы должны ей предложить опереться на рынок и поддержать пролетарское государство, а не сосать его» [1]).

Через месяц этот же самый Сокольников, не снимая промышленности с казенного кошта, составил вторую смету на 1922 г., в которой дефицит исчислен всего в 138,6 милл. руб.

---

[1]) «XI с'езд коммунистической партии», стр. 170, 168, 175.

По компетентному заявлению народного комиссара труда В. Шмидта на четвертом с'езде профессиональных союзов в мае 1921 г., в основной промышленности советской России «заработок рабочих по отношению к выработанным продуктам составляет 200-300 и 400 %. Это значит, что наша крупная промышленность при ее данной структуре и в ее настоящем положении не оправдывает сама себя. А в ней занята огромная часть рабочего класса» [1]).

С тех пор производительность труда под влиянием новой экономической политики сильно возросла, но возросла и заработная плата.

В результате, промышленность по прежнему работает с дефицитом. Как сообщает бывший председатель Высшего Совета Народного Хозяйства Рыков, «на основании первой половины 1922 года, государственная общеплановая комиссия определяет среднюю выработку по металлу для 1922 г. в 636,0 руб. на одного рабочего, т. е. 14 % к 1913 г. Между тем, хотя заработная плата металлиста теперь и много ниже, чем в до-военное время, но она все-таки составляет непропорционально высокий расход по сравнению с выработкой. Чтобы сохранить ту же пропорцию между выработкой и заработком рабочего, которая существовала в 1913 году, делая те же расчеты, что и по отношению к металлу, годовая заработная плата в 1922 г. должна была составить: одного мыловара — 35 до-военных рублей, спичечника — 19 руб., стекольщика — 79 руб. Между тем, фактически, средняя заработная плата много больше, чем приведенные цифры» [2]). Пожалуй, еще интереснее следующее замечание Е. Преображенского: «Государство, его рабочие и служащие жили осенью 1922 г. не по средствам и падение курса рубля чисто

---

[1]) «Бюллетень IV всероссийского с'езда профессиональных союзов», № 5, стр. 30.

[2]) А. Рыков. «Хозяйственное положение страны и выводы о дальнейшей работе». «Экономическая Жизнь», 1922, № 221.

стихийным путем заставляет государство приспособиться к его реальным доходам»[1].

Немногим лучше обстоит дело с транспортом и средствами связи. Их баланс по сметам заключает следующие цифры (в милл. руб.):

	I	II	III a	III b
Приход	98,5	295,9	255,8	176,4
Расход	303,3	311,4	349,7	241,2
Баланс	—204,8	—15,5	—93,9	—64,8

Когда появилась первая смета, комиссариат путей сообщения запротестовал против нее и пред'явил свою смету: доходы 546,7 милл. руб., расходы 929,4 милл. руб., дефицит 382,7 милл. руб. Затем, когда была составлена вторая смета, в государственной общеплановой комиссии было указано, что она исходит из курса 1 товарный рубль = 1 000 000 руб. бумажных, тогда как уже в апреле курс был 1 рубль товарный = 1,8 милл. руб. бумажных, следовательно за все 9 месяцев средний курс бумажных денег будет значительно менее благоприятным, чем было принято при составлении бюджетной сметы, и доходы составят только 60-70 милл. руб.

Если мы произведем только два вышеуказанных формальных исправления в исчислении доходов, то получим следующие сметы:

Госуд. доходы	I	II	III a	III b
Налоги и пошлины . .	76,4	125,2	134,8	93,0
Лесной доход. . . .	70,0	67,2	30,0	20,7
Натур. налог. . . .	425,6	319,3	319,3	220,2
Национ. промышл. . .	745,8	—	104,3	71,9
Транспорт и ср. связи .	—	—	—	—
Доходы разного рода .	1,9	0,8	27,3	18,8
Всего . . .	1 319,7	512,5	615,7	424,6

[1]) «За 5 лет», 1922, стр. 337.

Госуд. расходы.	I	II	III a	III b
Гражданское упр. . . .	792,4	630,8	1 031,7	711,5
Армия и флот	627,8	216,8	278,1	191,8
Национ. промышл. . .	—	32,3	—	—
Транспорт и ср. связи .	204,8	15,5	93,9	64,8
Всего . . .	1 625,0	895,4	1 403,7	968,1
Дефицит .	315,3	382,9	788,0	543,5

Последняя смета, утвержденная Советом Народных Комиссаров 6 июля 1922 г., рисует нам очень тяжелое положение советских финансов. Не потому ли она до сих пор опубликована не была?

Когда представители западно - европейских государств познакомились на конференции в Гааге со сметою на 1922 г., — им была сообщена вторая смета, майская, а не третья, утвержденная 6 июля, — они нашли, что «этот бюджет не подает никаких надежд на установление в ближайшем будущем равновесия между государственными доходами и расходами России. Еще более важное значение имеет то, что бюджет этот не дает никаких реальных указаний на современное положение страны. Основываясь как на сравнении цифр обоих бюджетных проектов, представленных нам в Генуе и в Гааге, так и на сопоставлении данных о поступлениях государственных налогов за 4 месяца со сметными предположениями, не - русская подкомиссия пришла к единодушному убеждению, что этот проект бюджета, несмотря на благоприятные, хотя и не обоснованные сведения, которые дала русская комиссия об ожидаемом урожае, не может стать серьезною базою для финансовой реорганизации России».

Познакомимся теперь с данными об исполнении росписи государственных расходов и доходов на 9 месяцев 1922 г.

Мы заимствуем их из цитированной уже выше статьи С. Голованова во втором выпуске сборника «На новых путях», изданного Советом Труда и Обороны, и отчета на-

родного комиссариата финансов за 1922 г. Начнем с государственных доходов. Налогов и пошлин всего поступило:

	В совет. рублях (миллиарды)	В товарн. рублях (тысячи)
Январь	138,6	423
Февраль	377,8	638
Март	1 450,5	1 321
Апрель	3 111,8	1 216
Май	7 397,8	1 923
Июнь	14 542,8	3 366
Июль	18 779,4	3 959
Август	26 117,1	4 991
Сентябрь	40 104,9	7 006
Всего . .	—	24 743

Характерен отзыв заместителя комиссара финансов Сокольникова о поступлении налогов, сделанный им в «Деловом клубе» 11 ноября: «Относительно налогов оратор замечает, что налоги имеют покамест больше воспитательное значение, нежели реальное, ибо общая сумма всех налоговых поступлений ничтожна, составляя всего около 15 милл. рублей» [1]).

Утешительное значение мог бы иметь непрерывный рост поступлений из месяца в месяц, но и тут официальное издание замечает, что рост поступлений от косвенных налогов «идет не на счет расширения потребления, а на счет введения всё новых и новых налогов с одной стороны, а с другой на счет нажимов податного винта. В те короткие моменты, когда действие этих причин приостанавливается, мы наблюдаем стабилизацию поступлений» [2]).

Лесного дохода за 9 месяцев поступило 834 000 руб.; прочих доходов 6 450 000 руб.

Итого денежных поступлений 32,0 милл. руб., тогда как по утвержденной Советом Народных Комиссаров смете их ожидалось 132,5 милл. руб. Поступления составили 24 % сметы.

---

[1]) «Экономическая Жизнь», 1922 г. № 257.

[2]) «Народный Комиссариат Финансов 1917 - 1922», стр. 93.

Поступления по натуральному налогу мы можем принять равными сметным предположениям. Способ исчисления поступлений по натуральному налогу в наших росписях принят следующий: весь сбор налога, оцененный в золотых товарных рублях, равномерно раскладывается по месяцам года. Следовательно, на 9 месяцев 1922 г. приходится три четверти всего сбора по натуральному налогу в 1921 г. К июлю весь налог был уже собран, и цифра, внесенная в смету Советом Народных Комиссаров, должна соответствовать действительности [1]).

Несколько труднее исчислить доходы и расходы по национализированной промышленности и транспорту вместе со средствами связи. Прямых поступлений от промышленности, сверх налоговых, не было. По транспорту и средствам связи поступления составили:

	В совет. рублях (миллиарды)	В товарн. рублях (тысячи)
Январь	711,1	2 173
Февраль	2 683,6	4 535
Март	5 999,8	5 049
Апрель	13 661,9	5 341
Май	32 394,4	8 419
Июнь	42 892,8	9 930
Июль	61 265,9	12 921
Август	73 082,0	13 966
Сентябрь	91 324,0	15 954
Всего	—	78 288

О действительно произведенных расходах отчетных сведений нет, но есть сведения об ассигнованных в распоряжение ведомств кредитах [2]):

---

[1]) Однако, в № 63 «Экономической Жизни» за 1923 г. указано, что в первые 9 месяцев по продовольственному налогу поступило продуктов только на 163,8 милл. рублей золотом.

[2]) «На новых путях», вып. II, стр. 34, 35.

	В совет. рубл. (миллиарды)	В товарн. рубл. (тысячи)
На Высш. Совет нар. хозяйства . .	76 318,3	36 527
На ссуды промышленности . . .	94 920,0	20 977
На пути сообщ. и средства связи .	428 828,4	112 732
На ссуды транспорту	13 750,0	3 039
Продов. фонд зараб. платы	88 850,0	28 333
Всего . . .	—	201 608

Дефицит, следовательно, равняется 123,3 милл. руб. По смéте ожидался доход в размере 7,1 милл. руб.

Большие сомнения вызывают сведения о расходах по управлению и обороне страны (в милл. товарных руб.)[1]:

	III смета в.	Исполн.
Гражданское управление . .	711,5	227,7
Армия и флот	191,8	103,1

Третья смета была утверждена 6 июля, т. е. по истечении 6 месяцев из 9, на которые составлялась смета, — тогда, когда $^{6}/_{9}$ всех расходов были уже произведены. Поэтому, действительно произведенные расходы за 9 месяцев в лучшем случае могли бы составить 85-90 % сметы, — по отчетам же они составили менее 37 % сметы. Тут очевидна какая - то невязка.

Повидимому, материальные расходы учтены в отчетах по исполнению росписи неполным рублем, т. е. не по вольным ценам.

Поэтому, остается неизвестной и величина дефицита по росписи. Мы знаем лишь, что на его покрытие было выпущено бумажных денег на 265,1 милл. руб.

Чтобы получить общее представление об исполнении государственной росписи на 9 месяцев 1922 г., мы можем допустить, что исполнение расходов не превысило сметных предположений, принятых Советом Народных Комиссаров 6 июля 1922 г., — на 7-м месяце сметного периода. Пред-

[1]) Там же, стр. 33, 34.

положение это мало вероятно, действительные расходы наверное превысили смету, — но за неимением других точек опоры для нужного нам рассчета мы можем принять это допущение. Кроме того, мы должны включить в доходную смету один натуральный налог, в ней пропущенный: трудовую и гужевую повинность крестьян, главным образом, по заготовке дров, введенную декретом от 19 сентября 1919 года. Стоимость этого налога выражается в 100-115 милл. товарных рублей в год[1]), или 80 милл. руб. за 9 месяцев. Тогда мы получим следующее примерное исполнение росписи (в миллионах товарных рублей):

Госуд. доходы:

Налоги и пошлины	24,7 милл. руб.
Лесной доход	0,8 » »
Натуральный налог	220,2 » »
Трудов. и гуж. повинность	80,0 » »
Прочие доходы	6,5 » »
Всего . . .	332,2 милл. руб.

Госуд. расходы:

Гражданское управление	711,5 милл. руб.
Армия и флот	191,8 » »
Национализ. промышленность . . .	32,6 » »
Транспорт и средства связи . . .	162,9 » »
Всего . . .	1 098,8 милл. руб.
Дефицит .	766,6 милл. руб.

Покрыт этот дефицит поступлениями от эмиссии бумажных денег, которая дала 265,1 милл. руб., и позаимствованиями из принадлежащих государству запасов и золотого фонда в размере 501,5 милл. руб.

Главными формами позаимствований были:

1. Оплата дефицита по торговому балансу в 177 милл. рублей;

---

1) «На новых путях». II, стр. 141.

2. Патежи по международным договорам и расходы на содержание представительств и делегаций за границей, всего 37 милл. руб. (по данным Ю. Ларина)[1]).

3. Сокращение оборотного капитала промышленности приблизительно на 200 милл. руб.;

4. Недодача материалов и изделий железным дорогам в размере 72 % потребности на несколько десятков милл. рублей; и

5. Задолженность по выплате заработной платы рабочим и жалованья советским служащим.

В Генуе представитель советской делегации Раковский имел смелость заявить, что советской власти так удалось реорганизовать свои финансы, что в последнем бюджете 85 % расходов было покрыто обычными налоговыми поступлениями, и только 15 % — эмиссией бумажных денег, и что, таким образом, финансовое положение советской власти лучше положения многих западно - европейских правительств. По словам Е. Преображенского, «советское государство покрывает выпуском бумажных денег значительно меньшую часть своего расходного бюджета, чем буржуазные правительства Польши, Австрии и Германии»[2]).

Анализ бюджета на 1922 г. показывает нам, что главным источником покрытия государственных расходов на 5-й год советского режима должны были быть попрежнему запасы золота и материальных ценностей, захваченные коммунистами в октябре 1917 года или отнятые у населения впоследствии. Обычные налоговые поступления покрывают не более 30 % бюджета, а эмиссия — не более 24 %.

Мы сомневаемся, чтобы в распоряжении советской власти было достаточно средств для покрытия и в будущем недостающих 46 % расходного бюджета. Недаром М. Владимиров,

---

[1]) «Правда», 1922, № 272.

[2]) Е. Преображенский. «Вопросы финансовой политики», 1921, стр. 40.

в своих тезисах к смете 1922—23 гг. приходит к выводу, что «ныне достигнутое из'ятие национального дохода для покрытия государственных и местных расходов является предельным» [1]). Поэтому, придется усиленное внимание обратить на сокращение государственных расходов. Да иначе и быть не может. До войны, когда народный доход России равнялся 16,4 миллиардам рубл., государство могло брать у народа 2,134 милл. руб. в год, или 13 % его дохода. Теперь, когда народный доход упал до 4,5 миллиардов руб., — 38 р. 60 к. в год на человека, 3 р. 20 к. в месяц! — путем применения самых крайних способов взимания, безграничного выпуска бумажных денег и принуждения крестьян силой к платежу натуральных налогов, власть может выжать из населения около 800 милл. руб. в год или 18 % его годового дохода [2]). Эта цифра подтверждается и ожиданиями народного комиссара финансов на 1922—23 бюджетный год, согласно которым «реальные поступления, включая и доход от эмиссий, не мо-

---

[1]) «Экономическая Жизнь», 1923, № 22.

[2]) Даже в серьезной советской печати помещаются совершенно неверные сведения об относительной тяжести налогового обложения в довоенной России и в настоящее время. Так, во втором сборнике «Очередных вопросов финансовой политики» помещена статья Ф. Менькова, в которой мы читаем: из сократившегося втрое народного дохода «население не может уплатит ту долю народного дохода, которую оно уплачивало ранее государству. Наш довоенный бюджет брал от 20 до 25 % народного дохода. Едва ли будет целесообразно из уменьшившегося в три раза народного дохода, опустившегося до голодной и полуголодной нормы, брать ту же долю, что брал довоенный бюджет. Поэтому, мы должны ограничить наши государственные доходы скромным минимумом, но, во всяком случае, не выше 15% народного дохода» («Очередные вопросы», II, стр. 40). Во-первых, в 1913 г. налоговое обложение, за исключением так называемой бюджетной тары, составило 2.134 мил. руб. (см. мою книгу «Война и народное хозяйство», изд. 2-е. 1918, стр. 90-92); во-вторых, в настоящее время, как показывает вышеприведенный расчет, налоговое обложение достигает 18% народного дохода. Следовательно, из уменьшившегося втрое народного дохода власть берет теперь в 1½ раза более высокую долю.

гут дать ни в коем случае свыше одного миллиарда, точнее — 900 миллионов рублей» [1]). Очевидно, неизбежно дальнейшее «свертывание» государственного бюджета, — отказ от расходования государственных средств на культурные потребности, сокращение ассигновок на национализированную промышленность, сжатие административного аппарата.

Наши выводы вполне совпадают с заключениями проф. А. А. Соколова. Он также считает, что из сократившегося дохода русского народа «вряд ли допустимо и возможно без дальнейшего разорения страны выкачать более 800 милл. руб.» [2]), — и делает из этого положения неизбежный логический вывод: «При более близком знакомстве с современным состоянием наших государственных финансов становится совершенно ясным, что мы, в сущности, уже находимся в стадии финансового банкротства, которое выражается в том, что государство, за недостатком средств, уже оказывается не в состоянии удовлетворить многие из необходимых своих потребностей . . . Не подлежит сомнению . . . что наш теперешний государственный бюджет и, в частности, наш теперешний военный бюджет совершенно непосильны для нашей обнищавшей, разоренной страны. Существующий у нас теперь, чрезмерно разбухший и страдающий явной гипертрофией государственный аппарат слишком громоздок и тяжел, чтобы он мог держаться на той крайне сузившейся и сжавшейся экономической базе, которую представляет собою наше теперешнее народное хозяйство. Поэтому, аппарат этот должен быть упрощен и урезан до минимума и, таким образом, приведен в должное соответствие с нашей оскудевшей и деградировавшей экономикой» [3]).

Грубо, но картинно тот же вывод выразил нынешний народный комиссар финансов Сокольников в своем докладе на

[1]) Г. Сокольников. «Борьба с финансовым развалом», стр. 15.
[2]) «Очередные вопросы финансовой политики», II, стр. 34.
[3]) Там же, стр. 11-12.

IV сессии всероссийского центрального исполнительного комитета в октябре 1922 г.: «Можно сравнить положение Народного Комиссариата Финансов с положением шоффера, который ведет автомобиль через совершенно дырявый мост. В этот автомобиль влезло 10 человек. Но для того, чтобы проехать через этот мост и чтобы он не провалился, а остался целым, нужно, чтобы вылезло 6 человек, а 4 могут остаться, когда же мы переедем через мост, мы можем опять ехать вместе. Не угодно ли кое - кому вылезать. Конечно, все отвечают, не хотим. Тогда все полетят в пропасть, автомобиль наверняка погибнет, дальнейшее путешествие невозможно» [1]).

И этот печальный финал получается несмотря на применение самых грубых, наиболее разрушительно действующих на народное хозяйство форм податного обложения. Как правильно замечает Л. Н. Литошенко, «натуральные налоги относятся к разряду самых тяжелых для плательщика. Они всегда отличаются неравномерностью, обростают массою дополнительных обязательств при выполнении и дают огромный простор для злоупотреблений со стороны агентов - сборщиков» [2]). О крайней вредности трудовой и гужевой повинности свидетельствует даже Н. Осинский, по словам которого «на крестьянство легло тяжелое бремя рубки и возки дров для нужд железных дорог и городов. Несомненно, что и это бремя сильно способствовало упадку нашего сельского хозяйства: оно отнимало силу людей и лошадей, иногда в самое горячее время» [3]). Безграничная эмиссия бумажных денег, систематически роняющая ценность денежной единицы, делает невозможным не только кредит, но и самый элементарный хозяйственный рассчет, разрушая, таким образом, самые основы народного хозяйства.

---

[1]) Г. Сокольников. «Борьба с финансовым развалом», стр. 33-34.

[2]) «Сельское и лесное хозяйство», 1922, № 9-10, стр. 8.

[3]) Н. Осинский. «Восстановление крестьянского хозяйства», стр. 41.

Как известно, податная система является рефлексом строения народного хозяйства. Разрушенное на $^2/_3$, деградировавшее народное хозяйство вызвало к жизни самые примитивные формы обложения.

Не так давно опубликован проект сметы государственных доходов и расходов на 1922—23 г. в двух редакциях: согласно требованиям ведомств и в редакции финансовой комиссии комиссариата финансов. Основные цифры этих двух смет таковы (в миллионах товарных руб.):

Госуд. доходы:	I	II
Налоги и пошлины	534,9	501,2
Госуд. имущества	42,2	43,7
Доходы разн. рода	0,7	0,8
Всего . . .	577,8	545,7
Госуд. расходы:	I	II
Гражданское управление . .	964,0	534,0
Армия и флот	356,5	217,0
Национ. промышленность . .	147,8	82,0
Транспорт и ср. связи . . .	341,9	133,4
Всего . . .	1 810,2	966,4
Дефицит .	1 232,4	420,7

Дефицит этот предполагается покрыть отчасти кредитными операциями, которые по обеим сметам должны принести 80 милл. руб., затем эмиссией, которая по второй смете должна покрыть недостающие 340,7 милл. руб.

Смета, составленная финансовой комиссией комиссариата финансов, довольно точно соразмерена с платежными способностями страны. Но что будет с железными дорогами, фабричною промышленностью и гражданским управлением, расходы которых так урезаны?

3. Денежное обращение

При отсутствии кредита, дефициты по государственному бюджету могли покрываться советской властью или запасами золота и материальных ценностей, или выпусками бумажных денег. Их количество равнялось на 1 января (в миллиардах руб.):

1917 г.	9,2
1918 »	27,3
1919 »	61,3
1920 »	225,0
1921 »	1 168,6
1922 »	17 539,5
1923 »	2 138 704,7

Попробуем подсчитать, во сколько раз увеличивалось бумажно - денежное обращение втечение каждого года советского режима. Тогда мы получим следующую поучительную табличку:

В 1918 г.	в 2,25 раза
» 1919 »	» 3,7 »
» 1920 »	» 5,2 »
» 1921 »	» 15,0 »
» 1922 »	» 121,9 »

Темп относительного роста бумажно - денежного обращения показывает, как быстро ухудшается финансовое положение советской власти. Пока она жила на старые запасы, экспроприированные в октябре 1917 г. и ближайшие после октябрьской революции месяцы, количество бумажных денег увеличивалось в год в 2-5 раз. К весне 1921 г. эти запасы начали истощаться: советская власть признала необходимость заняться под'емом производительных сил страны и ввела новую экономическую политику. Принятые мероприятия не улучшили финансовое положение, и в этом году ко-

личество бумажных денег в обращении было увеличено в 15 раз. А в 1922 г., когда старые запасы окончательно были исчерпаны, денежное обращение увеличено в 120 раз.

И этот безумный рост эмиссии происходит после издания декрета от 10 октября 1921 г. о мерах по упорядочению финансового хозяйства, в котором всероссийский центральный исполнительный комитет дал комиссариату финансов задание — всемерно сократить эмиссию с доведением ее, если возможно, до полного прекращения, и когда задача стабилизации рубля поставлена комиссариатом финансов на первую очередь.

Насколько плохо финансовое ведомство осознает свое положение, можно видеть из следующего курьеза: валютное управление выработало на сентябрь 1922 — март 1923 гг. особую календарную программу финансовых мероприятий, в которой, между прочим, значится: декабрь — значительное сокращение эмиссии (в этот месяц выпущено 554,5 триллиона руб.), январь 1923 г. — минимум бюджетного дефицита и попытка прекращения эмиссии [1]). Между тем, в январе было эмиттировано 634,3 триллионов руб.

Эти апокалипсические выпуски бумажных денег дали советской власти следующее количество материальных ценностей (в миллионах рублей) [2]):

1918 г.	525
1919 »	386
1920 »	186
1921 »	180
1922 »	363

Таким образом, для получения за прошлый год всего 363 милл. руб., советской власти пришлось более чем в 120 раз увеличить количество бумажных денег в стране.

---

[1]) «Народный Комиссариат Финансов 1917-1922», стр. 127-8.

[2]) За 1918-1920 гг. по данным Е. Преображенскаго. «Причины падения курса нашего рубля», 1922, стр. 52. «За пять лет», 1922, стр. 331.

К эмиссии, этой самой вредной с народно - хозяйственной точки зрения форме налогового обложения, правительства прибегают в тех случаях, когда другие, рациональные формы обложения или не могут быть введены по тем или другим причинам (напр., отсутствию необходимого аппарата), или дали уже всё, что они могли дать, а правительству нужны дальнейшие денежные поступления.

Выпуская бумажные деньги, государственная власть покрывает ими свои расходы. Но те разноцветные бумажки, которые печатаются в Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг, сами по себе, как бумажки, ни на что не годны. Очевидно, они служат лишь средством для такого перераспределения материальных ценностей в народной хозяйственной жизни, которое позволяет государственной власти возложить на третьих лиц оплату своих расходов. На кого же, в конце концов, ложится тяжесть расплаты по этим денежным знакам, выпускаемым правительством?

Во - первых, она ложится на служащих и рабочих, работающих на государство. Выдавая установленное жалованье или заработную плату обесцененными бумажками, «неполным рублем», правительство сильно сокращает свои расходы. При падающей валюте рост заработной платы также не может угнаться за ростом цен, как человек не может угнаться за своей тенью. Это — также одна из характерных черт бюджета советской власти. Вот пример: в начале 1921 г. золотой рубль стоил приблизительно 25 000 бумажных рублей. В силу свойственной всем правительством стыдливости, заплатить за месяц работы один рубль золотом — нельзя, неловко, но заплатить 25 000 бумажных рублей — можно. Двадцать пять тысяч. Это звучит так гордо.

Чтобы определить, в какой мере эмиссия бумажных денег ложится на государственных служащих и рабочих, нужно знать общую сумму жалованья или заработной платы, им выплачиваемого, и % понижения реальной ценности этого

жалованья, при выплате его обесцененными бумажными деньгами. Ни служащие, ни рабочие не имеют возможности уклониться от налога, возлагаемого на них государственной властью, в форме выплаты им заработка обесцененными бумажками.

Во-вторых, оплата ценности бумажных денег ложится на всех держателей прежде выпущенных денежных знаков. Выпуская новые партии денег, правительство насильственно вталкивает, внедряет их в хозяйственный оборот. Но товарному обращению эти деньги совершенно ненужны. Поэтому, они могут быть усвоены народно-хозяйственным оборотом лишь при условии соответствующего увеличению их количества обесценения каждого отдельного денежного знака. Откровенный Е. Преображенский так характеризует происходящий здесь процесс: «Опыт бумажно-денежного обращения советской России чрезвычайно поучителен для пролетарского режима всех стран, которые покончат с буржуазной властью и будут вынуждены поддерживать свое существование известное время грабежом товарного рынка через выпуск новых миллиардов бумажек» [1]).

Таким образом, благодаря непрерывным эмиссиям, дававшим правительству нужные ему материальные ценности, ценность бумажных денег, находившихся на руках у граждан советской России, непрерывно падала. Чем сильнее росли эмиссии, тем значительнее было это падение.

Но одновременно с ростом эмиссий разрушались производительные силы народного хозяйства. Поэтому, обесценение бумажных денег шло у нас гораздо более быстрым темпом, чем этого можно было бы ожидать, вследствие одного лишь роста эмиссий. Даже ограниченные выпуски бумажных денег вредно влияют на народное хозяйство. Но эмиссии, возведенные в систему, действуют прямо-таки разрушитель-

---

[1]) Е. Преображенский. «Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры», стр. 43.

но. Пока они носят эпизодический характер, они мешают правильным экономическим рассчетам, вносят элемент риска в хозяйственную деятельность, ослабляют хозяйственную предприимчивость и благоприятствуют спекулятивной игре. Но когда они приобретают систематический характер, и бумажные деньги начинают регулярно падать в ценности, тогда хозяйственный рассчет и калькуляция себестоимости товаров становятся невозможными, наступает хозяйственная дезорганизация крупного фабричного производства, его разложение и остановка. Одновременно происходит деградация крестьянского хозяйства, уничтожение в нем денежных элементов.

Благодаря разрушению междухозяйственных связей, мелкое товарное хозяйство разлагается, уступая место замкнутому натуральному хозяйству. Прежде всего, становится невыгодным хранить деньги. Поэтому, каждый хозяин старается держать их на руках возможно меньше, продавая свои изделия и продукты в том лишь случае, когда открывается возможность немедленно купить нужные ему товары. Сейчас, несмотря на колоссальное количество бумажных денег, находящихся у нас в обращении, вряд ли кто-либо хранит их, как сокровища. Если на 1 января 1923 г. в обращении было 2 138 700 миллиардов бумажных руб., то при 115 милл. населения, это составит на душу только 94 к. золотом, т. е. в 16 раз меньше, чем было до войны, когда на душу населения приходилось денежных знаков около 15 руб. Очевидно, все эти сотни триллионов и квадрильонов бумажных денег целиком втянуты в обращение. И если в 1916 — 1917 гг. крестьяне вывозящих хлеб губерний могли накопить несколько сотен миллионов руб., для того времени сумму очень большую, то последовавшее затем обесценение денег лишило их какого бы то ни было экономического значения. Что значит миллиард рублей, если в месяц выпускается около 300-500 000 миллиардов?

Итак, вся масса выпущенных денежных знаков втянута в обращение. Население избегает хранить деньги долгое время и продает свои продукты и изделия лишь тогда, когда представляется случай купить нужные ему товары. Этим искусственно сокращается предложение товаров на рынке и дезорганизуется товарный оборот. Одновременно прекращается кредитный оборот. Нельзя отдавать в ссу́ду деньги, если через полгода они теряют в ценности несколько десятков процентов. При непрерывно падающей валюте кредит прекращается совершенно, а обмен сильно урезывается. Из кредитного и менового, крестьянское хозяйство всё более превращается в натуральное, что, само собою разумеется, предполагает регресс народного хозяйства в целом и падение его производительных сил.

В результате, на обесценение денег действует не только рост их количества, но и падение производительных сил страны и сокращение торговых оборотов. Под соединенным влиянием этих двух моментов падение ценности бумажных денег происходит всё более и более ускоренным темпом.

Показателем этого обесценения является всероссийский индекс товарных цен. Если мы примем цены 1913 г. за 1, тогда индекс цен в годы революции будет изменяться следующим образом [1]):

1 января 1917 г.	3,8
1 » 1918 »	23,3
1 » 1919 »	230,0
1 » 1920 »	3 136,0
1 » 1921 »	26 500,0
1 » 1922 »	182 753,0
1 » 1923 »	19 755 000,0

[1]) Товарные индексы за 1917-1921 гг., мы заимствуем из брошюры Е. Преображенского. «Причины падения курса нашего рубля», 1922, стр. 36-48, последующие — из данных Кон'юнктурного Института при Петровской Сельско-Хозяйственной Академии.

Из этой таблицы следует, что бумажный рубль обесценился в течение года:

В 1918 г.	в 9,9 раз
» 1919 »	» 13,6 »
» 1920 »	» 8,4 »
» 1921 »	» 6,9 »
» 1922 »	» 108,0 »

Переход на новую экономическую политику несколько замедлил в 1921 г. процесс обесценения рубля, зато второй год новой политики, 1922, дал чудовищную величину его обесценения — в 108 раз.

Никогда советские финансисты так много не говорили о стабилизации рубля, как в истекшем году. И никогда рубль не падал так быстро. Здесь сказывается то обострение финансового кризиса, которое приобретает характер катастрофы.

А чем быстрее падает ценность рубля, тем разрушительнее действует эта падающая валюта на частное хозяйство. Е. Преображенский думает, что социалистическое государство может долго жить эмиссиями, «присоединяя каждый год по нулю или больше к номинальным стоимостям своих бумажных денег. То, что сегодня стоит рубль, на следующий год десять, потом сто, потом тысячу и т. д... Можно писать на бумажке вместо 10 рублей 10 миллионов и платить эти 10 миллионов за фунт луку или шнурки для ботинок на вольном рынке. Ничего ужасного в этом нет» [1]). Нет, это ужасно, потому что фунт луку может дойти до 10 милл. руб. только вследствие стремительного и длящегося многие годы падения курса рубля, которое в конец разрушит производительные силы страны и приведет ко всеобщему обнищанию. Именно поэтому продолжительное, в течение многих лет питание государственной власти выпуском

[1]) Е. Преображенский. «Бумажныя деньги в эпоху пролетарской диктатуры», стр. 36.

бумажных денег является экономически невозможным, и так называемая эмиссионная система государственных финансов носит всегда лишь эпизодический характер и представляет собою лишь временную аномалию в ряду финансовых систем.

Первоначально, — приблизительно до начала зимы 1918 года, — комиссариат финансов относился к колоссальным выпускам денежных знаков и их обесценению совершенно спокойно, его тревожил лишь вопрос об удовлетворении пред'являемого спроса на эти знаки, т. е. техника печатания. Руководители финансов советской власти думали, что предстоящий переход к коммунизму должен, в конце концов, уничтожить эти деньги. В п. 15 экономической части программы коммунистической партии по этому вопросу сказано:

«В первое время перехода от капитализма к коммунизму, пока еще не организовано полностью коммунистическое производство и распределение продуктов, уничтожение денег представляется невозможным. При таком положении... опираясь на национализацию банков, российская коммунистическая партия стремится к проведению ряда мер, расширяющих область безденежного рассчета и подготовляющих уничтожение денег».

Пока можно было питать надежды на быстрое развитие производительности национализированной промышленности, до тех пор падение ценности рубля не вызывало особых опасений. В этом отношении очень характерна статья Г. Сокольникова в апрельском номере «Народного Хозяйства» за 1918 г. Сокольников протестует против параллелей, проводимых между финансами русской революции и финансами великой французской революции. «Французская ассигнация, — говорит он, — обесценилась вследствие того, что бумажный поток не мог прососаться в поры замкнутых натуральных хозяйств. Русские кредитки обесценятся только в том случае, если брошенные в производственный процесс они не

начнут возвращаться к своему исходному пункту, иначе говоря, если производительное социалистическое хозяйство не окажется в состоянии вернуть выданных ему «авансов». Тогда как во Франции обесценение ассигнаций означало только банкротство казначейской кассы, в России денежная катастрофа возможна только как банкротство социалистической революции» [1]).

Вскоре, однако, на коммунистическом горизонте начали показываться тучи. Начали зарождаться сомнения в производительности национализированной промышленности. Тогда комиссариат финансов увидел реальную опасность в быстром обесценении денежных знаков и поднял вопрос о мерах, какими можно было бы положить предел их дальнейшему обесценению. Уже в конце 1918 г., в об'яснительной записке к росписи на вторую половину года, о дальнейшем выпуске бумажных денег сказано следующее: «Эта мера могла бы быть опасной и даже катастрофической, если бы падение и полное обесценение нашего рубля произошло прежде, чем мы закончили бы наше организационно-экономическое переустройство. Однако, всё говорит за то, что этого не случится. Трудовые массы России верят в неизбежную победу русского и международного пролетариата и столь же неизбежное экономическое возрождение России на новых социалистических началах. Наши западно-европейские, еще буржуазные соседи, учитывают экономическую мощь нашего отечества, и курс русского рубля на западноевропейских рынках в последнее время не падает, а растет. Наконец, социалистическая революция в других странах приближается таким быстрым темпом, что говорить о нашем экономическом крахе не приходится» [2]).

В докладе в центральном исполнительном комитете о росписи на первую половину 1919 г., 20 мая 1919 г., народный

---

[1]) «Народное Хозяйство», 1918, апрель, стр. 4.
[2]) «Роспись на июль - декабрь 1918 г.», стр. 58-59.

комиссар финансов Н. Крестинский уже не говорил о повышении курса русского рубля на западно-европейских биржах. «Является вопрос — говорил Н. Крестинский, — не катимся ли мы, благодаря этому безудержному выпуску бумажных денег в пропасть, не угрожает ли нам гибель не на фронтах, не от наступления белогвардейцев и империалистов, а от внутреннего экономического краха, от краха на почве обесценения наших бумажных денег . . . Есть все основания полагать, что экономический крах не грозит нам в таком близком будущем, чтобы не успела наступить победа революции на мировом фронте» [1]).

Как показывают эти рассуждения о возможном крахе советских финансов, вследствие полного обесценения рубля, некоторая тревога зародилась в комиссариате финансов уже давно. Когда дальнейшее падение ценности рубля усилило опасения за его покупательную способность, возникли проекты стабилизации ценности денежной единицы, т. е. поддержания ценности рубля на одном уровне, прекращения дальнейшего его падения.

Но для этого нужно прекратить эмиссию, т. е. не иметь дефицита по государственному бюджету. Без здоровых финансов невозможно здоровое денежное обращение. Но здоровые финансы предполагают здоровое же народное хозяйство, развитие его производительных сил, рост народного дохода.

Состояние нашего народного и государственного хозяйства, как мы видели, не подает надежд на скорое выздоровление. Можно опасаться, что государственный прожиточный минимум, ниже которого государственные расходы спуститься не могут, выше платежного максимума нашего народного хозяйства. Следовательно, неизбежно сведение государ-

[1]) «Труды всероссийского с'езда заведующих финотделами. Пленарные заседания», стр. 141, 144.

ственного бюджета с дефицитом, покрываемым распродажею народного достояния.

Таков именно смысл всех тех соблазнительных концессий, которые советская власть предлагает иностранцам.

Лишь пробуждение хозяйственной инициативы и энергии в массе населения может дать новые силы нашему народному хозяйству и вызвать его под'ем. Но для этого нужно признать за населением право собственности не только на продукты его труда, но и на средства производства, нужно дать населению экономическую свободу и установить правовой порядок.

Между тем, так называемая «новая» экономическая политика заключает в себе еще слишком много пережитков «старой» комунистической политики, делающих положение вещей в России совершенно безнадежным.

Характерно в этом отношении приветственное слово Калинина, председателя всероссийского центрального исполнительного комитета, с'езду финансовых работников. В этой речи Калинин говорил: «Важное значение финансового дела при существующих условиях об'ясняется еще и тем, что наши финансы должны являться одним из наиболее действенных орудий для перевода существующей системы государственного капитализма в живую высшую форму, приближающуюся к коммунизму. Эту роль советский финансовый аппарат должен выполнять следующим образом: он должен выбирать в денежной форме распыленные материальные блага, создающиеся трудом отдельных производственных единиц, для того, чтобы, собрав их, сделать возможным обращение их на коммунистическое строительство» [1]).

Пока финансовая политика будет ставить себе подобные задачи, здоровых финансов быть не может.

---

[1]) «Вестник Финансов», 1922, № 36, стр. 44-а.

Речь эта была произнесена Калининым 22 октября 1922 г., т. е. полтора года спустя после перехода к новой экономической политике, — когда жизнь настойчиво требует последовательного и принципиального отказа от коммунистических начал и признания свободы труда и права частной собственности. Разоренная обнищавшая страна уже не в состоянии оплачивать дорогие опыты коммунизации и служить лабораторией для других народов.

Нужно надеяться, что инстинкт самосохранения великого народа укажет ему пути и средства для излечения от страшной болезни, разлагающей его организм вот уже шесть лет.

ОГЛАВЛЕНИЕ

